

*Над чем работают,
о чем спорят
философы*

*М. Леске, Г. Редлов,
Г. Штилер*

*Почему
имеет смысл
спорить
о понятиях*

Политиздат

*Над чем работают,
о чем спорят
философы*

*М. Леске, Г. Редлов,
Г. Штилер*

*Почему
имеет смысл
спорить
о понятиях*

*Москва
Издательство
Политической
литературы
1987*

М. Леске — разделы IV, V

Г. Редлов — разделы I, III

Г. Штилер — разделы II, VI

Перевод с немецкого *С. Н. Земляного*

Послесловие доктора философских наук,
профессора *Л. К. Науменко* и доктора
философских наук *С. Н. Мареева*

Monika Leske, Gotz Redlow, Gottfried Stickler

Warum es sich lohnt, um Begriffe zu streiten

Dietz Verlag Berlin 1982

Леске М. и др.

Почему имеет смысл спорить о понятиях: Пер. с нем./М. Леске, Г. Редлов, Г. Штилер. — М.: Политиздат, 1987. — 287с.— (Над чем работают, о чем спорят философы).

Какие стороны социальной диалектики выходят на первый план при осмыслении специфических проблем и противоречий развития социалистического общества на современном этапе, своеобразия закономерностей его совершенствования? Что дает для их понимания применение понятий «противоречие», «целостность», «развитие», «существование» и «сущность»? Как решаются здесь проблемы смысла существования человека и общества? Отвечая на эти вопросы, авторы — философы-марксисты из ГДР — стремятся внести свой творческий вклад в дискуссии обществоведов о диалектике общественного развития в условиях социализма.

Рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов, на всех интересующихся вопросами материалистической диалектики.

1. О МЕСТЕ ДИАЛЕКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ

Когда сегодня мы формулируем свою позицию в отношении диалектики, нам важно прежде всего учитывать две вещи.

Во-первых, состояние исследований всеобщих определений диалектического мышления, к постижению и понятийному обобщению которых человечество стремится со времени античной Греции. Мы гораздо крепче связаны с этой традицией, чем это нам обычно представляется, мы чрезвычайно многим ей обязаны и не должны от нее отстраняться. Подобно тому как мы не отдаем нашему классовому противнику Мартина Лютера и заботимся об охране ценностей исторического наследия Пруссии, точно так же нам нельзя оставлять буржуазным идеологам и накопленные за два тысячелетия сокровища познания. Ведь сохранить их, в конце концов, — наш исторический долг, поскольку марксистская философия является единственной духовной силой современности, которая благодаря своей мировоззренческой связи с рабочим классом и реальным социализмом в состоянии использовать это наследие для прогресса человечества. Такое понимание традиции определяет и наше отношение к Гегелю.

Во-вторых, мы не можем не учитывать того, что ни в самой объективной реальности, ни в той или иной конкретно-исторической форме ее освоения человеком не существует неисторической диалектики, диалектики как таковой. Поэтому с самого начала обречены на провал попытки использовать в научном познании всеобщие определения диалектики, представляющие диалектику как философскую науку, в отрыве от соответствующего конкретного содержания, движение которого они отражают. Усвоение и разработку той или иной концепции диалектики нельзя отделять от совокупного состояния знания о природе и обществе, от исторических задач, стоящих перед человечеством, от духовных традиций и общих мировоззренческих позиций классов, определяющих ход событий. По словам Маркса (которые на первый взгляд лишь констатируют факты, но в действительности выражают глубоко диалектическую мысль), «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их

пределах»¹. Ленин вкладывал тот же смысл в краткую формулу: истина всегда конкретна².

Другими словами, каждое поколение в конкретных исторических условиях и перед лицом собственных исторических задач должно заново осваивать и разрабатывать созданный на протяжении истории философии и унаследованный инструментарий общих категорий диалектики, придавать этим категориям определенность и тем самым вносить необходимый разрыв в непрерывную преемственность мышления. Лишь благодаря этому каждое поколение создает возможность для дальнейшего движения мысли.

Только таким путем обнаруживают свою плодотворность полученные нами в наследство определения мышления, в том числе принадлежащие классикам марксизма-ленинизма. Только так в наших, *иных* исторических условиях они сохраняют полную значимость для нас.

Растущий интерес к диалектике как философской теории и методу обусловлен по крайней мере тремя причинами.

Во-первых, тем обстоятельством, что мы живем в изменяющемся, обновляющемся мире, в революционную эпоху, когда народы переходят от одной общественной формации к другой, от капиталистической — к коммунистической формации.

Во-вторых, бурное развитие наук вглубь и вширь создает постоянный импульс к занятиям диалектическим мышлением: ведь в известном смысле более глубокое понимание диалектического мышления само становится предпосылкой для дальнейшего развития наук как естественных, так и общественных.

В-третьих, достигшее современного состояния социалистическое общество отбросило прочь костыли капитализма, из недр которого оно вышло. Как сказал бы Маркс, оно окончательно оставило позади себя свою предысторию и стоит теперь на собственных ногах. Его развитию присуща собственная, лишь ему свойственная диалектика, и оно само полагает существенные противоречия своего движения.

Знаменитые слова Георга Вильгельма Фридриха Гегеля из предисловия к «Феноменологии духа» приобретают в этом свете новый, актуальный смысл: «Впрочем, не трудно видеть, что наше время есть время рождения и перехода к новому периоду. Дух порвал с прежним миром своего наличного бытия и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

своего представления, он готов погрузить его в прошлое и трудится над своим преобразованием»³.

В социалистических странах мы констатируем не просто заметное повышение интереса к диалектике, но прежде всего потребность в более *широком* и *глубоком* ее понимании. В этой потребности проявляется также известная неудовлетворенность достигнутым уровнем обсуждения открытых вопросов диалектики, ее разработки и конкретного применения в науках.

В капиталистических странах обращению к материалистической диалектике способствует неудовлетворенность, которую у немалой части интеллигенции вызывает ситуация, сложившаяся в современной буржуазной философии, а также, не в последнюю очередь, провал попыток Теодора Адорно, Жана Поля Сартра и других предложить «современную» диалектику, которая решила бы проблемы империализма и рабочего движения.

Эта практическая и духовная ситуация вызывает живейший интерес к диалектике, представленной в немецкой классической философии, прежде всего — к гегелевской диалектике и ее соотношению с материалистической диалектикой Маркса, Энгельса и Ленина. По нашему мнению, ныне, как и прежде, нужны значительные напряженные усилия и по осмыслению дошедшего до нас диалектического наследия, в особенности мышления Гегеля и Маркса, и по самостоятельной систематической разработке философской теории материалистической диалектики.

Иными словами, основательная систематическая разработка материалистической диалектики стала безотлагательным, актуальным требованием к нашей философской работе, которое нужно выполнить для того, чтобы справляться с практическими общественными задачами и еще лучше противостоять фальсификациям материалистической диалектики. И в отношении ее верно то, что Гегель сказал о юной, только еще складывавшейся науке: возникающей науке недостает раскрытия и различения содержания. Но еще в меньшей мере ей присуще то развитие формы, благодаря которому с несомненностью определяются различия и в их прочные отношения вносится порядок. Без этого развития наука лишена *общепонятности* и кажется доступной только немногим лицам. «Лишь то, что вполне определено, есть в то же время... понятное и годное для того, чтобы быть изученным и стать достоянием каждого. Рассудочная форма

³ Гегель. Соч. М., 1959, т. 4, с. 6.

науки — это всем предоставленный и для всех одинаково проложенный путь к ней...»⁴.

Развитой науке присущи полнота деталей и адекватность формы, благодаря которым и создается принципиальная возможность ее усваивать.

Диалектическое мышление менее всего должно быть достоянием немногих лиц. Напротив, наша цель — добиться того, чтобы все могли усвоить диалектику, приобрести способность к диалектическому мышлению. С тех пор, как существует наше государство, мы, философы, считаем это нашей кровной задачей. Сегодня, в условиях зрелых социалистических отношений, эта задача ставится по-новому. Она предъявляет к нам более высокие требования. Она встает перед нами в качестве задачи разрабатывать и распространять философскую диалектику как развитую науку.

Здесь мы вступаем в противоречие с буржуазными концепциями диалектики, которые после смерти Гегеля и до сегодняшнего дня не переставали появляться на свет. Согласно ходячему среди буржуазных философов мнению, диалектика никогда не может рассчитывать на то, чтобы быть воспринятой всеми; напротив, она всегда останется специфическим талантом любимцев богов. Николай Гартман весьма наглядно сформулировал это мнение, когда объявил диалектику «чем-то темным, непроясненным, загадочным», чем во все времена владели лишь очень немногие люди. Ему кажется знаменательным, что и для самих диалектических умов тайна диалектики оставалась сокровенной. Они лишь слепо следовали закону диалектики, «безошибочно, как лунатики»⁵.

Принято считать, что во второй половине прошлого столетия философы обращались с Гегелем, как с «мертвой собакой». Вместе с тем более основательный анализ этого периода истории философии и наук показывает, что интерес к диалектике Гегеля и в особенности к его диалектическому методу никогда не угасал совсем со времени появления «Науки логики». Этот интерес к диалектическому методу, который вполне можно считать постоянным, обусловлен по крайней мере двумя причинами. Во-первых, в своей существенной части он вызван сильным впечатлением от поразительного теоретического прогресса, которого достигли Маркс и Энгельс с помощью своего «лучшего рабочего инструмента» — материалистической диалектики, обосновывая всемирно-историческую миссию рабочего класса. Во-вторых, этот интерес пробуждали практически-политические успехи международного рабочего движения, опиравшегося на

⁴ Гегель. Соч., т. 4, с. 7.

⁵ Hartmann N. Sinn und Problem der Dialektik. — In: Hartmann N. Der Denker und sein Werk. Göttingen, 1952, S. 27.

теоретические достижения Маркса и Энгельса. Ну а то, что интерес духовных представителей буржуазии к диалектике был преимущественно «критическим», понятно само собой.

В качестве ведущего представителя подобной «критики» диалектики здесь можно упомянуть Фридриха Адольфа Тренделенбурга⁶. Маркс имел намерение размежеваться с ним еще в пору своего пребывания в Берлине. При этом Маркс ясно сознавал, что Тренделенбург выработал своего рода образцовую «модель аргументации» против оснований диалектики, в особенности против принципиального по своему значению учения о противоречивом характере развития. Фактически «аргументы» Тренделенбурга уже более ста пятидесяти лет сохраняются в идейном арсенале буржуазной философии. Квинтэссенцией его отношения к диалектике является тезис, что диалектика — это «величественное заблуждение». Газета крупной буржуазии ФРГ «Ди Вельт» в связи со 175-й годовщиной со дня рождения Тренделенбурга писала, что диалектика подменяет трезвый анализ реальности желаниями и обещаниями и поэтому импонирует утопическим мечтателям. «Однако то, что под ее влияние попали и философы, которых можно всерьез принимать как ученых, стало возможным лишь потому, что Тренделенбург был забыт»⁷.

Ныне, как и прежде, буржуазные философы в большинстве своем клеймят диалектическое мышление как мистику. Или, по выражению Артура Шопенгауэра, как «*нечестный*» метод, который пытается одурачить жаждущих знания двусмысленностью в употреблении слов, непонятными речами и софизмами», а у Гегеля выливается «в самое настоящее шарлатанство»⁸.

Подобные наветы сопровождают победное шествие диалектики вплоть до наших дней. Эрнст Топич говорит о ней как о «паралогическом чудо-оружии коммунизма», которое сродни не научному поиску истины, а мифическим учениям о спасении. Карл Поппер называет ее дологическим и донаучным мышлением, которое нельзя ни рационально объяснить, ни изучить, не говоря уже о том, чтобы кого-либо ему научить.

Напротив, представители марксистско-ленинской философии разделяют убеждение Маркса, равно как и Гегеля, что диалектическое мышление — это рациональное мышление, что его вполне можно и изучать и преподавать, подобно всякому другому знанию и всякой другой науке. А потому

⁶ Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. Leipzig, 1862.

⁷ Die Welt, 30. November, 1977.

⁸ Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung. — In: Schopenhauer A. Samtliche Werke. Leipzig, 1979, Bd. II, S. 23.

неотъемлемая составная часть нашей идеологической работы состоит в том, чтобы ориентировать всех трудящихся на основательное и глубокое усвоение диалектического мышления.

Мировоззренческое значение диалектики огромно. Ныне в еще большей мере, чем прежде, необходимо показывать, что диалектика представляет собой решающий, незаменимый фактор формирования сознания, что следует полностью реализовать ее идеологический потенциал путем широкого распространения и глубокой разработки. Прояснить мировоззренческий аспект диалектики — значит сделать существенный вклад в современную, сильно обострившуюся идеологическую борьбу между социализмом и капитализмом.

Диалектика — это целостное мышление. Она всегда, в большом и малом, устремлена к целому, к постижению целостности. Уже Александр фон Гумбольдт определял диалектику как «устремление духа, которое растворяет многообразие в единстве», расценивая такое мышление как свидетельство «общего прогресса человеческого образования», который не имеет конца⁹.

Эта ориентация на целое составляет мировоззренческий характер диалектики, ее своеобразие, в силу которого она является не только методом.

Сегодня развитие наук создает возможность более широкого и глубокого теоретического постижения целостностей, выявления их внутренней противоречивости и историчности. Этот взгляд на целое нашел свое категориальное выражение в понятии тотальности, целостности, разработанном немецкой классической философией. Материалистически интерпретированное понятие целостности, тотальности существенным образом принадлежит к философской основе выработанного Марксом и Энгельсом мировоззрения рабочего класса.

Итак, потребность в мировоззрении неотделима от потребности в диалектике, в диалектическом мышлении. Потребность в мировоззрении выражает стремление к духовному постижению объективной целостности мира. А удовлетворение этой потребности, в свою очередь, выражающей прогресс человеческой деятельности, знания и мышления, сегодня больше, чем когда-либо ранее, предполагает овладение диалектикой.

С другой стороны, само правильное применение диалектики необходимо приводит к новым или более глубоким мировоззренческим вопросам, которые непосредственно затрагивают практическую жизнь людей и продвигают ее вперед. Семидесятые годы как раз и были временем

⁹ Bumboldt A. van. Ansichten der Natur. Berlin, 1959, S. 322.

плодотворной работы, конструктивных дискуссий в области диалектики, что способствовало углублению наших взглядов на нее.

В ГДР создается развитое социалистическое общество. И потому вполне естественно, что марксисты в ГДР выдвигают иные требования к диалектике, чем, например, марксисты в ФРГ, что именно на нынешней стадии нашего развития такие категории, как целостность, сущность, органическое целое, противоречие, осмысливаются в философской теории, в общественных науках, в искусстве и вообще в духовной жизни нашего общества гораздо интенсивнее, чем в период перехода от капитализма к социализму или во время антифашистских демократических преобразований в нашей стране. Тогда мы дискутировали о революции и эволюции, о скачке и мере. В шестидесятые годы, когда мы начали соединять преимущества социализма с научно-технической революцией, на переднем плане дискуссий стояли вопросы диалектического осмысления технических и естественных наук.

Наше общество стоит на собственных ногах, развивается на собственной основе. Оно преимущественно имеет дело с противоречиями своей собственной сущности. Эти противоречия в их конкретном движении мы и должны познавать, стремиться к их преодолению, ну и, разумеется, выдерживать.

Как известно, Маркс считал подлинно *философским* такое понимание, когда вещи рассматривают не в их отношении к другим вещам, а в их собственной сущности, в их отношении к *своему иному*, то есть в их внутренней, сущностной противоречивости. Вокруг такого философского, сущностного понимания разворачиваются дискуссии политэкономов о фундаментальных и исходных производственных отношениях, дискуссии историков о теории формаций и не в последнюю очередь дискуссии художественной интеллигенции о противоречиях и конфликтах при социализме.

Наших философов критикуют за недостаточную теоретическую активность при исследовании понятия целостности, тотальности: «И с самим понятием целостности, которое играло такую большую роль в истории диалектики, в марксистско-ленинской литературе последних лет обращались весьма неласково. Об этом свидетельствует тот удивительный факт, что понятие тотальности отсутствует в «Философском словаре» как самостоятельный термин»¹⁰. Сегодня в центре духовной жизни социалистического общества и философских дискуссий стоят такие вопросы, как движение противоречивых целостностей, индивид и мировоззрение, а также вопрос о смысле жизни.

Целостность — противоречие — мировоззрение — индивид

¹⁰ Formationstheorie und Geschichte. Hrsg. von E. Engelberg und W. Kutter. Berlin. 1978, S. 6.

Социалистическое общество в большей мере, нежели любое другое общество, побуждает каждого отдельного человека к *сознательному* восприятию и формированию своей жизни. Поэтому диалектика целостности и ее момента с их неустранимой противоречивостью является незаменимым инструментом сознательной духовной и практической интеграции в общество, в конкретный коллектив.

Человек стремится, насколько это возможно, соотнести свое мышление и свою деятельность с обществом, с миром. Другими словами, он испытывает потребность в рефлексии, в философском мышлении, поскольку он хочет следовать законам и требованиям социализма, не просто подчиняясь силе авторитета или внешней необходимости. Как сказал бы Гегель, «он хочет удовлетворить себя в себе самом, убедиться с помощью своей рефлексии в том, что является для него обязывающим, что составляет его цель и что он должен сделать для достижения этой цели»¹¹. Он, как сознательный гражданин, хочет действовать с пониманием, черпая в этом духовные силы.

Авторы данной книги хотели бы продемонстрировать плодотворность теоретических основ марксизма и его фундаментальных положений, в особенности материалистической диалектики, для самостоятельной мировоззренческой ориентации разумно действующей личности. Исходя из анализа характера и специфики противоречий социалистического общества, авторы в ходе обсуждения диалектико-материалистической концепции целостности показывают, что лишь этот вид сущностного, целостного мышления является последовательно диалектическим и соответствует революционному характеру и духу нашей эпохи. На философской основе целостного мышления, которое всегда стремится к познанию сущности, человек в условиях социалистического общества может сознательно и целенаправленно придать своей жизни подлинный смысл. Тот смысл, который соответствует законам развития современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму во всем мире. Сущностное познание противоречивости и целостности — это духовный рычаг, нужный личности для сознательного включения в социальное целое в условиях социалистического общества и тем самым способный придать ее жизни глубокий и богатый смысл.

Поэтому постановку вопросов подобного рода никак нельзя сводить лишь к чисто теоретическому обсуждению интересных проблем диалектики или только к диалектической критике понятий. Диалектика имеет отношение к каждому сознательному гражданину. Ведь он испытывает потребность

¹¹ Hegel G. W. F. Vorlesungen fiber die Geschichte der Philosophie. Erster Band. Leipzig, 1971, S. 526—527.

уяснить свои задачи, цели своей деятельности, чтобы объективные требования нашего развития воспринимать не только как внешнюю силу, но, так сказать, «овнутрять» их, то есть делать эту силу *своей* силой. Именно поэтому вопрос о целостности сегодня, более чем когда-либо раньше, ставится и решается применительно к индивиду, исходя из индивидуальной перспективы. В литературе это выражается с помощью таких высказываний, как «искать самого себя», «идти к самому себе», «осуществлять самого себя».

Чтобы подойти к проблеме наиболее органичным способом, уместно обратиться к истории философии, совершить хотя бы беглый экскурс в немецкую классическую философию.

Гегель, оспаривая Канта, защищал идею существования и познаваемости тотальности, некоторого мирового целого, которое не знает никакой потусторонности, не имеет никакого основания вне себя, стоит на себе самом.

Великим достижением Канта было разрушение старой метафизики, а вместе с нею — доказательств существования бога. Он отбросил старую метафизику как мнимую науку о несуществующем сверхчувственном мире. Однако за то, чтобы свергнуть бога с трона, была заплачена немалая цена, ибо вместе с водой Кант выплеснул и ребенка, когда заявил: мы вообще имеем дело лишь с явлениями, а не с самими объективно-реальными вещами. Он отбросил идею единства мира и переместил это единство в субъект, в сознание. А это неизбежно заставило Канта отказаться от признания объективных противоречий в мире. Он считал областью нашего познания только опыт и отвергал любую науку о безусловном, бесконечном, о тотальности, целостности, ибо последнее никогда не может быть объектом возможного опыта.

Подобно эмпиризму, писал Гегель о кантовской философии, она «считает опыт *единственной* почвой познания, за которым она, однако, признает право не на истину, а лишь на познание явлений»¹². Кант поэтому полагает, что синтетические суждения (в которых появляется новое истинное знание) возможны лишь в отношении эмпирических вещей, частных, но не в отношении вещей «сверхчувственных». Другими словами, не в отношении объективно-всеобщего, а, точнее говоря, объективной тотальности, целостности. Размышление об этом Кант считал неумеренной претензией разума.

Тем самым он заложил краеугольный камень господствующего в буржуазной философии вплоть до наших дней противоречия между отказом от

¹² Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т.1.

целостности, характерным для более или менее позитивистски окрашенного мышления, и притязанием на целостность, присущим так называемой мировоззренческой философии. В разное время и в разных местах то или иное направление берет верх, но само противоречие буржуазное мышление не в силах разрешить до сих пор. Вместе с тем своим отрицанием вопроса о существовании объективной тотальности, целостности Кант высвободил широкий простор для подъема частных наук в условиях развивающегося буржуазного общества. Его философия не стесняет эти науки теми принципиальными рамками, которыми ограничивает познание целого. В познании отдельных вещей частными науками, согласно Канту, возможны самая высокая строгость и точность. Но на всякую мысль о целом, о тотальности налагается табу.

Понятно, что такая философия долгие годы оставалась подходящим для капитализма духовным оружием, она служит ему таковым еще и сегодня. Ведь возможность прогресса в отдельных естественных науках и использование их достижений она связывала с запретом на всякую мировоззренческую постановку вопроса. То есть на постановку вопроса о тотальности, о смысле целого, о гуманистическом применении добытого науками знания.

Для нас сегодня, однако, небезынтересно уяснить себе, что Кант объявил абсурдным и невозможным вопрос о целостности в связи с проявлением противоречий в мышлении.

Так называемый догматический разум, который, по Канту, не способен различать явление и «вещь в себе», неизбежно запутывается в неразрешимых противоречиях. Из-за этого он должен поставить под сомнение и самого себя: ведь ему нужно как-то перенести эти противоречия.

Чтобы избежать такого рода сомнения, Кант предлагает провести «критическое» различие между «вещью в себе» и явлением. Тем самым он делает решающий шаг, воздвигая человеческому познанию непреодолимые преграды. Он провозглашает невиданное смирение духа, которое ни во что не ставит познание. И все это сочетается с заклинаниями по поводу чудовищных опасностей, которые несут в себе противоречия. Ибо тот, кто перешагивает указанные границы, неизбежно запутывается в противоречиях. Кант считал, что противоречие не имеет отношения к миру самому по себе, а возникает только в мышлении.

Эту потерянность и безысходность кантовского мышления осознал Гегель. Он с полным правом упрекал Канта в том, что тот переносит противоречие из объекта в субъект, в мышление. Полемизируя с Кантом, Гегель написал свои знаменитые слова о противоречии: *«Разрешение»* этих антиномий...

трансцендентально... мир **в самом себе** не находится в противоречии с собой, не снимает себя; лишь **сознание** в своем созерцании и в соотношении созерцания с рассудком и разумом есть противоречащая самой себе сущность. Это слишком большая нежность по отношению к миру — удалить из него противоречие, перенести, напротив, это противоречие в дух, в разум и оставить его там неразрешенным. В самом же деле дух столь силен, что может переносить противоречие, но он же и умеет разрешать его. Это, однако, вовсе не значит, что так называемый мир (как бы его ни именовали — объективным ли, реальным миром или, согласно трансцендентальному идеализму, субъективным созерцанием и чувственностью, определяемой категориями рассудка) свободен хоть где-нибудь от противоречия, но он не в состоянии выносить его и потому подвержен возникновению и прохождению»¹³.

В другом месте Гегель говорит о том, что «подлинное самодвижение, **побуждение** вообще» составляет то, что «нечто **в самом себе** и его отсутствие, **отрицательное его самого** суть в одном и том же отношении. Абстрактное тождество с собой еще не есть жизненность; оттого, что положительное есть в себе самом отрицательность, оно выходит вон себя и начинает изменяться. Таким образом, нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении в то же время перейти в свое отрицательное [определение] и удержать одно в другом, если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание, а погибает (*geht zu Grunde*) в противоречии.— **Спекулятивное мышление** состоит лишь в том, что мышление удерживает противоречие и в нем — само себя, а не в том, чтобы, как это свойственно представлению, позволять противоречию господствовать над ним и растворять его определения лишь в другие определения или в ничто»¹⁴.

Признание объективного противоречия, равно как и возможности его познания, у Гегеля органично связано с признанием существования тотальности, целостности мира и ее познаваемости для человека. На место кантовского смирения духа Гегель поставил силу знания — силу знания о целом, о тотальности. Его философия защищает оптимизм познания, перед которым ничто не может устоять и для которого ничто не остается скрытым.

¹³ Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 317—318.

¹⁴ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 66—67.

«Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума есть первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего. Какого бы высокого мнения мы ни были о величии и могуществе духа, оно все же будет недостаточно высоким. Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими»¹⁵.

Впрочем, объективности ради нельзя не отметить, что и у нас сегодня еще не установилось согласие в понимании диалектики целостности (тотальности) и момента. Бывает, что философию противопоставляют частным наукам, ставят ее в исключительное положение и при этом утверждают: «Следует поменьше говорить о тотальности диалектических определений и побольше конкретно разрабатывать их взаимосвязь». Или:

«Надо принимать во внимание замечание Энгельса относительно Гельмгольца: кто хочет видеть все, вообще ничего не видит»¹⁶. Здесь, очевидно, проявляется непонимание указанной диалектики. Целостность, тотальность смешивается с всезнанием в смысле поверхностной количественной полноты. Против такого количественного подхода, у которого мало что общего с философским образом мысли, есть разительные аргументы. Например, то, что Петер Хакс сформулировал в отношении драматического искусства, имеет силу и в отношении подобных «возражений» против целостности. «Когда я требую от драматического искусства целостности, то я, естественно, не хочу сказать, что театральная пьеса должна содержать полностью все вещи или процессы, происходящие в мире. Позвольте мне... пояснить мою идею с помощью образа. Допустим, что мир является круглым и, стало быть, похожим на головку сыра. Когда режут сыр, то можно сделать это так, что разрез пройдет через центр головки, вследствие чего получатся две половинки с максимальной площадью поверхности. Помимо этого возможны такие разрезы, которые пройдут не через центр, а отхватят у головки круги меньшего диаметра. И в драме тоже можно разрезать мир через бесконечно многие точки поверхности и в бесконечно многих направлениях. Целостность, однако, подразумевает, что головка сыра, режем ли мы ее вдоль, поперек или наискосок, должна в любом случае разрезаться посередине»¹⁷.

¹⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 83.

¹⁶ Dialektik des Geschichtsprozesses in der Epoche des Überganges vom Kapitalismus zum Sozialismus. V. Philosophie-Kongress der DDR, 21. bis 23. November 1979 in Berlin. Berlin, 1980, S. 282.

¹⁷ Hacks P. Die Aufgaben der Kunst. Gesammelte Aufsätze. Berlin, 1978, S. 29.

Тотальность, целостность не имеет ничего общего с всеохватывающим — в количественном смысле — определением мышления. Она нацелена на объективно противоречивую *сущность* вещи. Но сущность не имеет ничего общего с количественной полнотой. Поэтому именно диалектика оказывается ключом к познанию объективной целостности в ее сущности и противоречивости.

Непредвзятое признание противоречивости, отклонение тезиса об абсурдности и пагубности противоречия, по нашему мнению, является необходимым условием для формирования и самостоятельной разработки правильного понимания мира и эпохи, короче говоря, для выработки научного мировоззрения.

Отсюда становится ясным, почему классики марксизма-ленинизма вели столь острую полемику, когда речь заходила о противоречии. Так, например, Энгельс выступил против тезиса Дюринга, что противоречивое — это категория, которая принадлежит к мыслительным комбинациям, а не к действительности. Дюринг назвал диалектику противоречия грубо вытесанной деревянной куклой. В согласии с хором современных ему мелкотравчатых буржуазных гонителей Гегеля и диалектики Дюринг заявил, что в вещах нет никаких противоречий, а реальное противоречие представляет собой вершину бессмыслицы. Подобные тезисы высказываются с гегелевских времен, в особенности же с момента обоснования материалистической диалектики Марксом и Энгельсом и вплоть до наших дней представителями почти всех главных направлений буржуазной философии и ревизионистами всех мастей. Если подвести эти тезисы под общий знаменатель, то они сводятся к утверждению: нечто логически невозможное объявляется и фактически невозможным. Это значит, что подвергается отрицанию объективное противоречие и его отражение в диалектическом мышлении, которое тоже необходимо является противоречивым. Такая аргументация в конечном счете направлена на то, чтобы выхолостить диалектику, превратить ее в обычное, примиряющее с действительностью апологетическое учение об эволюции и тем самым лишить ее революционного характера, благодаря которому она служит духовным инструментом освободительной борьбы рабочего класса.

Целый ряд иллюзий и утопических представлений относительно бесконфликтного протекания общественных процессов при социализме не в последнюю очередь обусловлены недостаточным усвоением и осмыслением материалистической диалектики противоречия, не говоря уже о полном игнорировании или отбрасывании этой диалектики.

Социалистическое общество — это динамично, бурно развивающееся, движущееся вперед общество. Это полный жизни общественный организм, в котором не обходится без напряженностей и конфликтов.

«Бесконфликтное общество, естественно, — мертвое общество. Отсюда отнюдь не следует, что при социализме и тем более при коммунизме не может быть никаких идиллий. Но не они определяют общество. Это прекрасные островки посреди ристалища вечной борьбы в процессе непрерывного прогресса»¹⁸. И потому как люди, так и общественные отношения развиваются только на основе конфликтов и противоречий, только на основе их преодоления.

Жизненность есть только там, где бурлит источник движения — противоречие, сущностное противоречие некоторого явления. Поэтому динамично развивающееся социалистическое общество не может представлять собой какой-то лишенной противоречий и конфликтов идиллии, рая, где индивиды, коллективы, общественные слои, классы и общество в целом освобождены от борьбы и конфликтов.

Видеть смысл социализма в построении полностью избавленного от противоречий общества — значит питать иллюзию, которую невозможно совместить с научной, то есть диалектико-материалистической, философией. Представление о состоянии идеального совершенства, как бы по ту сторону противоречий и конфликтов, несовместимо с материалистической диалектикой. При этом, однако, не следует смешивать совершенство со стабильностью: совершенство — это полный покой, конец развития и движения, смерть. Тем не менее такое недиалектическое понимание совершенства выражает «непреодолимую потребность человеческого духа», а именно потребность «преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, то мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, — всемирная история была бы закончена и в то же время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать. Таким образом, тут получается новое, неразрешимое противоречие»¹⁹.

Поэтому Энгельс полемизирует со взглядами, будто общество может найти завершение в некоем идеальном состоянии человечества. Совершенное общество, совершенное государство, возражал он, — это вещи, которые могут существовать лишь в фантазии²⁰.

¹⁸ Kuczynski J. Studien zu einer Geschichte der Gesellschaftswissenschaften. Bd. 10. Gegenwartsprobleme. — In: Kuczynski J. Briefe und Vorträge. Berlin, 1978, S. 45.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 278.

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 275.

Для диалектически противоречивого движения социалистического общества характерно не отношение между совершенством и покоем, а основанное на объективной противоречивости отношение между революцией и стабильностью, революцией и эволюцией, непрерывностью и прерывностью.

Социалистическое общество является органическим целым, которое в своем внутреннем противоречивом движении само полагает и развивает присущие ему моменты. Тем самым оно формирует себя; оно не просто сохраняет себя, но воспроизводит на более высокой ступени. Иначе говоря, оно совершенствует себя в смысле все более четкого выявления своей сущности. В этом движении раскрываются преимущества социалистического общества, а совершенствование социализма в известной мере закономерно становится повелительной необходимостью. Вследствие присущего отдельным моментам или сторонам социалистического общества динамизма они постоянно видоизменяются и таким образом придают социалистическому обществу как целому непрерывно изменяющуюся и непрерывно улучшающуюся качественную определенность.

В этой постоянно изменяющейся целостности, тотальности, которую Гегель обозначал как *«действительное, само-себя-полагающее и внутри-себя-живущее»*, как «процесс, который создает себе свои моменты и проходит их»²¹, в условиях социализма неразрывно переплетаются революция и стабильность, совершенствование и повышение эффективности внутренних структур, в смысле их соответствия *собственной* сущности.

Когда эти лежащие в основе постоянного изменения противоречия распознаются в их действии исторически активными классами и индивидами, тогда каждое из этих противоречий становится рычагом сознательного формирования и прогрессирующего изменения общества, сознательного осуществления исторического прогресса. Благодаря их познанию становится возможным избежать ошибок и заблуждений при движении, так сказать, по социальной целине, каковым является строительство социализма. Говоря словами Б. Брехта, нужно составить себе понятие о противоречиях: «Чрезвычайно важны понятия, которые состоят из о чем-нибудь. Это захваты, с помощью которых можно двигать вещами»²².

Отношение строителей социализма к противоречиям в своем обществе не является ни фаталистическим, ни скептическим, ни нигилистическим. Они понимают саму современность как историческую, они понимают, что ее можно изменять и улучшать.

²¹ Гегель. Соч., т. 4, с. 24.

²² Brecht B. Fluchtlingssprache. — In: Brecht B. Prosa, Bd. III. Berlin — Weimar, 1973, S. 273.

Диалектико-материалистический подход к миру есть не что иное, как понимание действительного мира — природы и истории — «таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок...»²³. Это значит рассматривать факты в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. «И ничего более материализм вообще не означает»²⁴.

Эта трактовка философского материализма имеет большое значение для определения и формирования практической политики, для понимания соотношения между действием и мыслью, теорией и практикой.

Существенным признаком реалистического политического мышления и действия является то, что оно избирает в качестве цели и осуществляет реально возможное, выполнимое, заложенное в движении самой объективной реальности. Это, однако, прежде всего требует тщательного научного анализа данной объективной ситуации на основе материалистической диалектики.

Марксистско-ленинская политика — прямая противоположность субъективизма и авантюристической политики. В принципе ее отличают реализм и оптимизм, деловитость и ясность решений, опирающихся на точный анализ положения вещей. Поэтому Эрих Хонеккер пишет в своей биографии: «Мы действовали в соответствии с ленинским принципом: партия не должна бояться видеть действительность такою, какая она есть»²⁵. Философско-теоретическим основанием стратегии и тактики партии является материалистическая диалектика, ее творческое применение к конкретным проблемам и условиям нашей борьбы.

II. СОЦИАЛИЗМ И ПРОТИВОРЕЧИЕ

Социальное существование человека основывается на движении объективных противоречий. Они являются источником и движущей силой исторического прогресса. Без постоянного разрешения противоречий и возникновения новых вся общественная жизнь пришла бы в застой.

Человек как индивид в силу своей биологической конституции вынужден поддерживать постоянный обмен веществ с природной средой, брать из нее вещества, нужные ему для обеспечения своего существования как телесного, физического существа. Равным образом в результате его жизнедеятельности

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 301.

²⁴ Там же.

²⁵ Honecker E. Aus meinem Leben. Berlin, 1980, S. 244.

выделяются вещества во внешнюю среду—природу в самом широком смысле этого слова. Конечно, человек способен совершать этот обмен веществ с природой не как отдельный индивид, а всегда лишь вместе с другими людьми. Общественный обмен веществ между человеком и природой происходит в форме производства и воспроизводства средств и условий человеческого бытия; его элементарную основу составляет труд. Труд — это изменение формы природного материала посредством предметных факторов и естественных, а также общественных сил и способностей человека с целью изготовления материальных предметов потребления. Человек пользуется ими и тем самым делает их элементами своего чисто физического, а кроме того, своего социального существования.

Пока человек живет, динамическое соотношение «потребность — производство — потребление — потребность» является постоянно воспроизводящимся отношением. И так как люди путем размножения продлевают свое бытие как человеческого рода, то общественное производство есть исторически непрестанно воспроизводящаяся основа существования человека.

В сфере материального производства коренятся в последнем счете все противоречия общественной жизни; так обстоит дело в классово-антагонистическом обществе, так обстоит дело и в обществе социалистическом. Материальное производство — предпосылка всей человеческой жизни. Общественное производство совершается с целью удовлетворения или создания условий для удовлетворения потребностей людей — материальных и производных от них культурных, духовных, социальных потребностей. Для удовлетворения потребностей нужны определенные предметные средства, ведь человек — это телесно-предметное существо, и его социальные отношения, способы его жизнедеятельности связаны с предметами и предметными условиями.

Производство и потребление являются полюсами диалектического противоречия. Им присущи противоположные признаки. Но одновременно они представляют собой функциональные элементы охватывающего их единства; они взаимно обуславливают и взаимно проникают друг в Друга. Когда они как крайности отрицают друг Друга, а как составные части функционального единства обуславливают, взаимно друг Друга предполагают, они формируют диалектическое противоречие, демонстрируют пример единства и борьбы противоположностей.

Это отношение проходит различные фазы, ведущие от относительного равенства к неравенству воздействия, к расхождению, и тем самым создает импульс к установлению единства, равенства воздействия на качественно

изменившейся основе. Таким образом, диалектическое противоречие — это отношение развития, развивающееся отношение и вместе с тем основа развития данной общественной системы как целого, движущая сила социального развития.

Противоречия существования и противоречия сущности

При социализме, как, впрочем, повсюду в природе и обществе, противоречие проявляется в многообразных формах. Единство и борьба противоположностей всегда составляют определяющее, существенное отношение. Из этого отношения проистекают формы проявления противоречия, которые выражают определенные аспекты существенного, фундаментального отношения. В качестве таких форм можно рассматривать, например, несогласование моментов некоторого целого (нужда в определенных товарах или услугах и наличные возможности ее удовлетворения и т. д.), то есть отношение дефицита; противоположно направленные процессы и тенденции, в результате которых какое-нибудь позитивное достижение социализма оказывается связанным с негативными или нежелательными явлениями; конфликты как столкновения интересов и устремлений и т. д. Противоречия могут проистекать из объективных условий как неизбежное ограничение социального движения; но они могут быть также и субъективно обусловленными, а значит, их можно избежать посредством изменения способов мышления и поведения. Существуют противоречия роста, прогрессивного развития социалистического общества, противоречия, само наличие которых знаменует собой движение вперед, динамичное развитие социализма. Существуют противоречия, которые являются результатом того, что социализм имеет своим отправным пунктом материальное и культурно-духовное наследие капитализма, что он берет от капитализма конкретный уровень развития производительных сил, равно как и традиционные духовные позиции, моральные установки, степень развития культуры и образования народа и т. д.

Социализм должен справиться со всеми ***противоречиями своего общественного, исторического существования***. Он должен справиться с ними тем способом, который определяется характером данного противоречия, а также интересами и целями рабочего класса. Это предполагает, что разногласия, тормозящие ход дела, по возможности не допускаются или вовремя устраняются, противоречия роста социализма регулируются так, чтобы это способствовало его развитию; конфликты улаживаются в интересах социализма и затронутых сторон; основополагающие противоречия развития социализма планомерно и с учетом перспективы формируются таким образом, что социалистическое общество все более раскрывает свои преимущества в сравнении с классово-

антагонистическим обществом и обеспечивает условия, позволяющие шаг за шагом повышать материальный и культурно-духовный уровень жизни масс.

Противоречия характеризуют несоответствие, расхождение моментов более широкого целого; поэтому они требуют разрешения, нуждаются в преодолении. Разрешение и преодоление противоречий происходит в различных формах и занимает разное время. В любом случае разрешение противоречий включает в себя качественное изменение внутри комплексного целого, совершающееся, как правило, в направлении прогрессивного развития. В этом проявляется действие противоречий как движущей силы социалистического общества.

Однако к данному вопросу нужно подходить дифференцированно.

Противоречия являются движущей силой социалистического общества не просто потому, что их разрешение способствует его развитию.

Определяющими развитие становятся лишь те противоречия, которые включают в себя **существенные** отношения социалистического общества, отношения, с пульсирующим движением которых закономерно связано прогрессивное развитие общества. Такие противоречия суть не производные моменты, продукты движения социалистического общества, а его **источник**, его важнейшая движущая сила. Это отношения на уровне **сущности**, а не на уровне явления, отношения **закона**, а не внешнего его выражения. В соответствии со своим фундаментальным характером противоречие выступает как **существенное** соотношение, как **закономерное** отношение. И поскольку социализм характеризуется существенными, закономерными отношениями, он обусловлен противоречием.

Эти закономерные отношения, с одной стороны, являются конкретно-историческим выражением общих противоречий социального существования как такового. С другой стороны, они представляют собой существенные отношения социальной жизни людей, присущие лишь социализму как первой фазе коммунистической общественно-экономической формации.

Всеобщие противоречия, лежащие в основе движения и развития социализма, — это отношения между производством и потреблением, между производительными силами и производственными отношениями, базисом и надстройкой, экономикой и политикой, индивидом и обществом, ростом и развитием и т. д. Они выступают в специфической общественно-исторической определенности социализма, но **вытекают** не из его сущности, а из **сущности социального существования** вообще. Благодаря соединению всеобщего с исторически особенным они принимают характер **конкретно-всеобщего**. Это существенные отношения, которые

определяют внутреннюю взаимосвязь и движение социализма как ступени развития человеческого общества.

Конкретно-особенные, свойственные лишь социализму **противоречивые отношения** — это отношения в социально-классовой структуре социализма, противоречия социалистического труда, противоречивые отношения между политической властью и массовой инициативой трудящихся, противоречия между социалистическими государствами и нациями и т. д.

Всеобщие социальные противоречия возникают и оказывают действие в качестве исторически определенных отношений, их движение и разрешение связаны, однако, с общими условиями социальной жизни, хотя и не исчерпываются ими. Характер социалистического общества определяет характер этих противоречий, равно как содержание и формы их движения и разрешения. В соединении с исторически особенными противоречиями эти противоречия представляют собой существенную определенность социализма — сущность социализма есть противоречие в смысле единства и борьбы диалектически противоположных сторон и моментов, а не в смысле конфликта или недостатков.

По своему историческому характеру социализм как ступень закономерного развития человеческого общества определяется высоким уровнем развития материального производства, производительности труда, вещных и человеческих производительных сил. Этому соответствует тип материальных общественных отношений, основанный на социалистической собственности на средства производства и отличающийся высокой степенью эффективности взаимодействия участников единого производственного процесса.

Общественное производство и общественное присвоение согласуются между собой, находятся во взаимном соответствии.

Но все это пока лишь абстрактно-всеобщее определение основополагающего типологического отношения.

Соответствие и противоречие между производительными силами и производственными отношениями

В области конкретного, в действительном движении производительных сил и производственных отношений данное отношение выступает как процессуальное противоречие. На различных ступенях развития социализма и в особенных исторических условиях данной страны оно приобретает различные черты. Вообще указанное противоречие определяется взаимной стимуляцией производительных сил и производственных отношений, которые суть не мертвые структуры, но виды общественных отношений между людьми, между индивидами, коллективами, классами, а также между

человеком и природой. Содержание противоречия между производительными силами и производственными отношениями заключается в том, что общественный человек, будучи опосредованным предметными и природными условиями, находится в противоречивых отношениях *к самому себе*. И тенденция движения этого противоречия состоит в том, чтобы постоянно снимать имеющиеся частные расхождения и дисфункции с помощью качественных изменений, вследствие чего закономерно возникают предпосылки для новых несоответствий, которые опять требуют своего разрешения, и т. д. В самом общем смысле уровень развития производительных сил есть в конечном счете определяющий, детерминирующий фактор отношения. Это значит, что каждый исторический тип противоречия между производительными силами и производственными отношениями предполагает определенный уровень развития производительных сил. Но в особенных исторических условиях возникают многообразные модификации этого типа.

Если социалистические преобразования общества начинаются при низком исходном уровне его экономического развития, возникает огромная потребность в преодолении отставания производительных сил. В своих существенных признаках — но не в своей совокупной определенности — производственные отношения обгоняют развитие производительных сил и оказывают мощное воздействие на их быстрое и пропорциональное развитие. Это воздействие составляет специфическую форму проявления общественных потребностей и интересов рабочего класса и других трудящихся. Детерминирующее воздействие производительных сил на развитие совокупного отношения — неизбежная необходимость достичь такого уровня развития производительных сил, при котором создается возможность все более полно удовлетворять общественные и индивидуальные потребности на основе самой передовой техники. Такой уровень развития внутренне предполагается общими характерными признаками социалистических производственных отношений. Производственные отношения, равно как и политическая надстройка, действуют организующе и стимулирующе на формирование высокоразвитых производительных сил, наличие которых необходимо требует социализм.

Определяющая роль производительных сил в рамках совокупного отношения при этих условиях проявляется сначала как объективная *потребность*, требование. Производительные силы еще не вполне достигли той высокой ступени развития, которая соответствовала бы производственным отношениям, но такая ступень предполагается как нечто возможное и также как необходимое. При слабо развитых производительных силах и сами социалистические производственные отношения вначале

развиваются односторонне. Еще не все сферы производства охвачены обобществлением; в экономике количественные факторы роста доминируют над качественными. Задача изыскания огромных средств для накопления при одновременном обеспечении социальных интересов выдвигает чрезвычайно высокие требования к рациональной организации экономических и социальных процессов. Соответственно, материальный уровень жизни трудящихся поначалу остается скромным. В управлении и руководстве общественной жизнью первостепенную роль играет строгий централизм. Вследствие этого социализму на данной ступени развития присущи определенные неизбежные противоречия роста, в том числе некоторые расхождения между идеалом и реальностью. Всестороннее выявление превосходства социализма — эпохальная задача. И ее решение предполагает, что социалистические страны с низким исходным экономическим уровнем обойдут по уровню развития производительных сил высокоразвитые капиталистические страны. Ведь социальные задачи, стоящие перед ними, не могут быть решены при низком уровне развития производительных сил. Иначе социализм имел бы характер всего лишь «уравнительного» и «справедливого» распределения бедности, нищеты.

Преимущества социализма над капитализмом заключаются в централизованной организации, планировании и руководстве экономическими и другими общественными процессами, которые служат благу и свободному всестороннему развитию индивидов. Чтобы сделать очевидным, реализовать свое превосходство, социализм должен решить трудную задачу. Упразднив такие стимуляторы, как конкуренция, погоня за прибылью, эксплуатация, жесточайшая трудовая дисциплина, он должен выработать, развить более эффективные, сообразные интересам трудящегося человека побудительные мотивы. Это предполагает высокий уровень сознательности и высокий уровень знания, ибо движущие силы общественного развития при социализме не действуют спонтанно, как при капитализме. Их невозможно привести в действие, не опираясь на марксистско-ленинскую теорию и без помощи практической организаторской работы. Здесь социализм находится в постоянном процессе обучения, в котором нельзя заранее исключить заблуждения и ошибочные методы. Возникают противоречия между целями и средствами, между необходимым и фактически достигнутым, между объективным и субъективным, между интересами различных социальных групп.

Но противоречие между производительными силами и производственными отношениями, благодаря которому и происходит развитие, является вместе с тем существенным отношением, составляющим материальную основу роста ресурсов социалистического общества. Вначале, в переходный период,

производственные отношения в соответствии с их социальным характером были подняты на тот уровень, который был нужен для развития производительных сил при социализме. На место капиталистической собственности и собственности мелких товаропроизводителей становится социалистическая собственность. Позднее, в процессе создания развитого социалистического общества, комплексное воздействие начинают оказывать интенсивные факторы роста и развития. Вширь и вглубь распространяется процесс обобществления, что позволяет достичь высокого уровня эффективности и интенсивности экономических процессов. Производительность труда повышается настолько, насколько это необходимо для надежного удовлетворения материальных и культурно-духовных потребностей трудящихся.

В этом процессе имеет место постоянное взаимное стимулирование производительных сил и производственных отношений при определяющей роли производительных сил. Не следует представлять дело таким образом, что производительные силы, достигнув определенного уровня развития, «подтягивают» к себе производственные отношения. Возникающая на определенном уровне производительных сил необходимость их дальнейшего динамичного развития побуждает к совершенствованию социалистических производственных отношений. Развитие производительных сил вновь и вновь наталкивается на относительную ограниченность конкретного состояния системы производственных отношений. Чтобы обеспечить дальнейший прогресс производительных сил, производственные отношения должны изменяться, исходя из их общего, обусловленного характером социалистического общественного строя соответствия уровню развития производительных сил.

Это движение противоречия между производительными силами и производственными отношениями является, стало быть, процессуальным развертыванием *конкретного* соотношения, а не какого-то абстрактного типа. Конкретное соотношение есть определенный противоречивый способ взаимосвязи производительных сил, достигших определенного уровня развития, со специфическими по своему характеру производственными отношениями. Здесь, в области конкретного, возникает широкий спектр частичных расхождений и постоянно происходит урегулирование расходящихся моментов. Производительные силы и производственные отношения соотносятся как реальные факторы внутри живого экономического организма. Они оказывают воздействие друг на друга через разнообразные экономическо-организационные формы. Эти формы могут отставать от изменившихся условий производства. Очень сложная проблема заключается в преодолении инерционных сил и процессов. Существующие

формы и методы хозяйственной жизни, а вместе с ними соответствующий стиль мышления и хозяйствования нередко затрудняют осуществление прогрессивных изменений. Постоянная динамизация системы руководства и организации экономики — это нелегкая задача. Широкие возможности развития производительных сил, повышения производительности труда и эффективности производства кроются в совершенствовании и целенаправленном использовании организационных условий производства. Ученые-экономисты констатируют отставание процесса реального обобществления от роста и уровня сложности общественного производства. Это отставание свидетельствует о недостатках в организации производственных процессов, в самом ходе производства, в заготовке материалов, в использовании рабочего времени и т. д.

Общетипологическое соответствие производственных отношений производительным силам совсем не означает автоматического исключения таких расхождений. Напротив, на основе этого соответствия возникает целый ряд требований к деятельности масс, к эффективности руководства, к формам организаторской работы и тем самым к сознательному поведению людей. Причем временами обнаруживается отставание субъективного момента от объективных требований.

Преимущества социализма

К числу преимуществ социалистического общества относятся значительные резервы для высоких достижений во всех областях общественной жизни, которые могут быть реализованы благодаря соответствующему изменению образа мышления и поведения (в связи с совершенствованием организационных условий). Надо использовать эти объективные возможности и освободиться от всех помех на нашем пути. В том числе и от тех, которые связаны с недостаточным развитием личной ответственности и инициативы руководящих и исполнительных органов на всех уровнях общественной жизни.

Социалистические производственные отношения как формы движения и развития производительных сил и как одна из сторон противоречия в рамках способа производства сами содержат противоречие, образуют совокупность противоположно направленных тенденций. Между прочим, это противоречие обнаруживается в том, как связаны между собой централизованное руководство и инициатива масс. С одной стороны, повышается значение высокоэффективного централизованного руководства, а с другой — усиливается важность оперативной самостоятельности и инициативы масс. Ввиду необходимости перехода к качественным факторам роста чисто количественное расширение поля производства становится уже

недостаточным. Вопрос упирается в улучшение качественных параметров, в широкое внедрение достижений научно-технического прогресса, в максимальное повышение эффективности. Этого невозможно достичь без повышения личной ответственности, инициативы «снизу», без широкого развития творческого отношения к производственным и общественным делам.

Поэтому качественные изменения должны претерпеть *обе* стороны указанного противоречивого отношения. Речь идет не о ликвидации централизованного руководства, а о его наиболее эффективном осуществлении, не о произвольном расширении свободы принятия решений на «нижних» уровнях, а о целенаправленном высвобождении обновленческих потенций, служащих интенсификации и повышению эффективности производства ради дальнейшего повышения жизненного уровня народа. Чтобы решить эту задачу, необходимо найти соответствующие организационные формы, позволяющие оптимально увязать момент централизованного руководства с творческой личной ответственностью, что и отвечает объективным требованиям. Это мощно стимулирует производительные силы, так что противоречия внутри производственных отношений одновременно становятся той формой, в которой движутся и находят свое разрешение противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Аналогично обстоит дело и с разрешением противоречий в области производительных сил, которые со своей стороны создают возможность и принуждают к совершенствованию социалистические производственные отношения. Это опять-таки имеет большое значение для стимулирования дальнейшего развития производительных сил. Так, в некоторых социалистических странах противоречия между уровнем основных отраслей производства и состоянием инфраструктуры тормозят производство — нарушаются соотношения в производственном процессе, а также между производством и потреблением. Преодоление данного противоречия-тормоза связано со значительными материальными затратами, но оно ведет к интенсификации производства и лучшему выполнению главной задачи. Оно есть момент движения противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Это верно также и применительно к противоречиям труда, затрагивающим определенные моменты противоречивых отношений между производительными силами и производственными отношениями и переплетающимся с ними. Названные противоречия проявляются чрезвычайно многообразно. Наряду с общими противоречиями — например, между трудом, создающим стоимость, и трудом, создающим потребительную

стоимость, между абстрактным и конкретным, простым и сложным трудом и т. д. — возникают исторически необходимые различия, такие, как различия между трудом в промышленности и в сельском хозяйстве, между специализированной деятельностью в сфере производства и неспециализированным, общим образованием кадров, между высоким уровнем квалификации и нетворческой, монотонной трудовой деятельностью. Низкая квалификация и повышенная напряженность труда имеют место отнюдь не реже, чем излишняя квалификация и недостаточная напряженность труда.

Эти противоречия отрицательно сказываются на личностном развитии трудящихся, на их удовлетворенности своей работой и творческом интересе к производству. Однако такие противоречия не могут быть преодолены одним махом. Здесь необходимы формы их движения, имеющие долговременный характер, постепенно снимающие негативные последствия и помогающие обеспечить развитие производства и производителей. Цель состоит в том, чтобы привести содержание и характер труда в достаточно полное соответствие. Тем самым углубляется соответствие между производительными силами и производственными отношениями. Противоречие между ними обнаруживается в широком веере конкретных форм движения, планомерное регулирование которых помогает также обеспечить развертывание основополагающего сущностного противоречия.

Большое значение для планомерного движения противоречия между производительными силами и производственными отношениями имеет правильно отлаженная система оплаты труда. Между коллективным характером деятельности, совместным использованием принадлежащих народу средств производства и, по существу, индивидуальной формой распределения в соответствии с количеством и качеством труда существует определенное противоречие. Оно нередко проявляется в слабо выраженном интересе людей к общим делам на предприятии и в обществе в целом, в равнодушии по отношению к бесхозяйственности и расточительству.

Огромный урон социалистическому обществу наносит недостаточная забота о коллективных интересах, односторонняя установка мышления и поведения индивидов на собственную выгоду. Большую роль в преодолении этих явлений играет коммунистическое воспитание людей, формирование у них сознательного и всестороннего понимания задач общества и коллектива. Но это — длительный, охватывающий многие годы процесс. Его задерживают некоторые объективные реальности социалистического общества: товарно-денежные отношения при частичной нехватке товаров индивидуального потребления; система оплаты труда, основанная на учете трудового вклада каждого; недостаточная действенность качественных факторов роста; изъяны

в развитии социалистической демократии и т. д. Разработка и внедрение высокоэффективной системы материальных стимулов имеет поэтому большое значение.

Обрисованное выше противоречивое положение вещей указывает на общие противоречивые моменты социалистического общества. Огромные достижения социализма, состоящие в освобождении труда и планомерной организации социальных процессов, не превращаются, так сказать, самоотечом в материально-предметные и культурно-духовные результаты. Забота общества о благе каждого человека, высокая оценка индивидуальных интересов и потребностей часто не дополняется столь же высокими требованиями к трудовому вкладу индивида. Если принцип распределения по труду применяется односторонне, то он не побуждает с должной настоятельностью индивидов и коллективы добиваться *высших* достижений, а выступает в значительной мере как *способ распределения*. Это усиливает уравнивательные тенденции. Недостаточно энергично требуют от людей, чтобы трудовой вклад каждого был максимально высоким. Приходится встречаться со снисходительным отношением к недостаточно интенсивному труду или вообще безделью как отдельных личностей, так и коллективов. В такой обстановке складывается климат заниженных ожиданий и требований, который наносит ущерб экономическому и духовному потенциалу социалистического общества.

В действительности же закон распределения в соответствии с количеством и качеством труда имеет своей функцией воздействовать через распределение на производство. При капитализме безжалостные законы конкуренции, погони за прибылью «бдят» за полной загрузкой машин и приборов, за поддержанием трудовой дисциплины, за экономической эффективностью. Социализм пока еще не развил во всех сферах присущие ему действенные движущие силы. Пусть и не без конфликтов учась этому, социалистическое общество должно найти соответствующие эффективные формы стимулирования труда и реализовать их на практике. Те формы, которые способны сделать очевидным для каждого индивида всестороннее превосходство социализма над капиталистическим способом производства.

Противоречие между социальным равенством и социальным неравенством

В этом всемирно-историческом процессе социальное единство социалистического общества, преодоление классовых противоречий и конфликтов выступают как огромное достижение и как значительная движущая сила. Классовый антагонизм при капитализме ведет в конечном счете к растрачиванию производительных сил, прежде всего трудящихся

масс как главной производительной силы. Стремление империалистической буржуазии к упрочению и защите капиталистических производственных отношений все более и более вступает в конфликт с требованиями развития производительных сил, что проявляется в углубляющихся экономических и социальных кризисах. При социализме все классы и слои общества имеют, в сущности, одинаковые интересы: всестороннее повышение уровня материальной и культурно-духовной жизни масс на основе высокоразвитых производительных сил. Это создает возможности и условия для разрешения противоречий в интересах трудящихся, в пользу общественного прогресса. Движение и разрешение противоречий социализма ведет не к расшатыванию общественного организма, не к его дестабилизации, но к упрочению и дальнейшему развитию. Сколь бы напряженными ни были дорой конфликты интересов, они основываются на социальном единстве, согласии интересов по их общему содержанию. В силу этого движение конфликтов имеет своим конечным результатом не эрозию общества, а возникновение эффективных форм его прогрессивного развития. Тенденция развития противоречий, как правило, направлена вперед, в будущее. Они способствуют всестороннему выявлению преимуществ социализма, вызреванию его существенных признаков.

Противоречия — это живые, подвижные отношения между действующими людьми, между индивидами, коллективами и классами. Социализму внутренне присущи определенные противоречия как неизбежные, исторически обусловленные структурные отношения. Эти отношения отличаются тем, что они являются взаимно стимулирующими процессами. Благодаря этому структурные противоречия становятся мотором и основой движения социалистического общества. Одним из таких структурных противоречий является противоречие между основополагающим **социальным равенством** — одинаковым отношением всех к общественным средствам производства — и **социальной дифференцированностью**, которая обусловлена, во-первых, двумя формами общественной собственности, а во-вторых, общественным разделением труда и различиями в материальном вознаграждении за труд. Трудящиеся в социалистическом обществе, с одной стороны, находятся между собой в отношениях социального равенства, с другой — в отношениях социального неравенства. Причем социальное равенство выступает как определяющий момент. Но социальное неравенство тем не менее является значительным — оно охватывает неравенство в образе жизни, в доходах, в культурно-духовном облике. Оно принимает характер противоречий, диалектически противоположных условий. Их движение имеет тенденцию к сглаживанию моментов расхождения путей дальнейшего развертывания материальных

предпосылок социального единства и стирания слишком сильных различий посредством регулирующих мер общества.

Тем не менее следует констатировать, что «несмотря на немаловажные успехи в постепенном преодолении определенных социальных различий... и развитой социализм вследствие разных материальных условий процесса труда в других социально-экономических предпосылок еще длительное время воспроизводит различия, а также неравенство в образе жизни»²⁶.

Рабочее движение ставит перед собой программную цель — обеспечить, чтобы все люди жили в условиях действительного социального равенства и имели равные возможности пользоваться материальными и духовными достижениями общества. Но это недостижимо и на высокой ступени развития социализма. **Именно ради того, чтобы приблизиться к гуманистической цели социального равенства для всех**, социалистическое общество не может допустить стирания различий в доходах, ибо в таком случае был бы утрачен стимулирующий эффект оплаты в соответствии с количеством и качеством труда. Социалистическое общество, с одной стороны, должно стремиться сгладить социальные различия, а с другой стороны, оно должно их сохранять. Таково противоречие в отношении социалистического общества к проблеме социальных различий, движение которых в конечном счете способствует постепенному переходу к высшей фазе коммунистической общественной формации.

Из социальной дифференциации внутри социалистического общества проистекают различия и противоречия в интересах людей. Нельзя впадать в иллюзию и абсолютизировать согласие интересов. При объективно существующих социальных различиях неизбежно их расхождение. Абсолютизация же единства интересов в социалистическом обществе может повести к отрицанию реальных противоречий.

Существует общий объективный интерес всех классов и слоев общества в упрочении, укреплении материальных основ социалистического общества, необходимом для повышения общего жизненного уровня. Эти объективные рамки могут быть в каждом отдельном случае наполнены разным содержанием. Ведь интересы образуют некое структурированное целое, комплексную целостность, и, чтобы реализовать наиболее общие интересы, необходимо дать ход специфическим интересам и целеустановкам. При этом могут возникнуть и расхождения между различными интересами. Интересы отражают объективные условия, в которых действует данный субъект. В качестве субъектов в социалистическом обществе выступают не только

²⁶ Miller R. Dialektik im Sozialismus und sozialisti-sche Lebensweise. — In: Dialektik im Sozialismus. Berlin, 1976, S. 154.

классы и слои, но также более мелкие группы и коллективы, например, предприятия, бригады, отделы, семьи и, наконец, индивиды. Из конкретных условий жизни этих субъектов социального процесса проистекают дифференцированные интересы, которые в конечном счете нацелены на обеспечение и динамизацию данных жизненных условий.

Социалистическое общество не является простой суммой многообразных социальных субъектов, а составляет их комплексное целое. Это значит, что не существует полного тождества совокупных общественных интересов и интересов отдельных агентов деятельности. То, что с точки зрения отдельного предприятия представляется выгодным, отвечает его интересам, не обязательно должно быть таковым с точки зрения всего общества. Часто здесь имеют место расхождения и противоречия. Ведь интересы прежде всего соблюдаются в их непосредственной, специфической привязанности к данному действующему субъекту. Но отсюда же проистекает партикулярность интересов. Добиться же того, чтобы каждый отдельный трудящийся в своей деятельности, в поведении постоянно учитывал совокупный интерес предприятия и общества, отодвигая, если нужно, на задний план свой личный интерес, — это хотя и желательно, но при современных условиях едва ли выполнимо. «Своя рубашка все же ближе к телу»; индивид, естественно, печется о своих индивидуальных потребностях и часто не задается вопросом о потребностях и интересах более широкого целого. Общество, однако, должно посредством регулирующих материальных, организационных мер и воздействия на сознание индивидов заботиться о том, чтобы объективно данное согласие особенных и общих интересов в полной мере учитывалось и в деятельности субъекта, чтобы оно сознательно пользовалось признанием. Вновь и вновь встает задача регулировать, опосредствовать, выравнивать противоречия в интересах для удовлетворения потребностей всех и тем самым каждого индивида. Фундаментальные интересы классов и общества должны иметь приоритет над частными интересами. Обеспечить это — одна из важнейших задач марксистско-ленинской партии.

Объективной основой значительной части противоречий в интересах являются различия в характере, содержании и условиях труда, социальные и классовые различия, применение принципа распределения в соответствии с количеством и качеством труда в период, когда еще не создано изобилие товаров. Данные противоречия перестают оказывать свое действие постепенно, в той мере, в какой социалистическое общество укрепляет свою материальную основу, выравнивает социальные различия и повышает жизненный уровень населения. Это длительный процесс, включающий в себя опять-таки противоречия в интересах. Для обеспечения своих

долговременных интересов обществу часто бывает необходимо пойти на то, чтобы меньше внимания уделять кратковременным интересам. Так, чтобы при низком исходном уровне развития экономики создать современное производство и тем самым в перспективе прочно обеспечить высокий уровень жизни населения, на первых порах приходится урезать его жизненный уровень. Чтобы обеспечить основополагающий интерес всех в укреплении оборонной мощи социалистического общества, все индивиды должны внести в это дело определенный вклад и понести какие-то материальные издержки, которые, при поверхностном рассмотрении, представляются вычетами из качества жизни. Таким образом, сам процесс постепенного сглаживания противоречий в интересах не свободен от противоречий и конфликтов: движение социалистического общества есть реальное, живое, процессуальное противоречие.

Противоречия между общественным бытием и общественным сознанием

Противоречия в способе производства и образе жизни социалистического общества отражаются в многообразных различиях и противоречиях в политической и духовно-культурной областях. Между материальными основами общества и их идейным отражением не существует абсолютного соответствия. Соответствие дополняется здесь несоответствием.

Общественное сознание не есть пассивное, прямое отражение общественного бытия, оно имеет свою собственную динамику. **Во-первых**, определяющее сознание бытие не сводится к материально-экономическому бытию, оно охватывает комплекс материальных и идеологических (политических) условий, а также национальные традиции и исторические предпосылки. **Во-вторых**, от способа восприятия бытия индивидами зависит, отражается ли и как отражается в их сознании их фактическое бытие. Если их сознание обращено лишь к поверхностным явлениям бытия, то результатом является ложное отражение. **В-третьих**, нельзя представлять развитие сознания таким образом, будто оно отправляется непосредственно от объективного положения дел. Сознание всегда исходит из сознания, из конкретного данного, унаследованного, сформированного в результате многообразных идейных воздействий мыслительного достояния человека и целых общественных групп.

Применительно к социалистическому обществу это значит, что сознание человека не согласуется автоматически с его социалистическим бытием. Сначала лишь сознание меньшинства, в основе своей сплотившегося в марксистско-ленинскую партию, отвечает общественному бытию. Это меньшинство, исходя из глубоких, научно обоснованных убеждений,

выступает за упрочение, укрепление социалистического общественного строя. За данными рамками имеют место порой весьма значительные противоречия между социалистическими условиями жизни и духовными установками индивидов и групп.

Социалистическое общество не может мириться с такими противоречиями, особенно тогда, когда они приобретают достаточно широкие общественные масштабы. Всякое общество стремится к тому, чтобы привести духовную жизнь своих членов в соответствие с материальным бытием, ибо в противном случае возникает потенциал, направленный против интересов господствующих классов. Социалистическое общество тоже должно ставить перед собой эту задачу. **Во-первых**, потому, что оно является обществом, которое возникает в классовой борьбе с империализмом, которое и далее остается объектом агрессивных устремлений свергнутых эксплуататорских классов. **Во-вторых**, потому, что оно в силу присущих ему условий производства и собственности может быть создано лишь общей волей и по общему плану. Общая воля и общий план, однако, предполагают далеко идущее единообразие духовных установок и идейных позиций в отношении социалистического общества, ценностей и убеждений людей. Идеологический плюрализм, напротив, дезорганизует общую волю и общий план.

Движущая сила сознательности

Поэтому перед социалистическим обществом вновь и вновь встает задача привести сознание людей в соответствие с их бытием и разрешить возникающие между ними противоречия посредством воспитательной работы, согласованной с систематическим развитием объективных условий жизни. И здесь диалектическое противоречие выступает как мотор развития; динамичное, перспективное разрешение противоречий между объективным бытием и его идейным отражением позволяет высвободить значительные потенции развития социалистического общества. При социализме, как ни в каком другом обществе, сознательность становится **огромной движущей, силой, приобретает огромную действенность**. Это связано с тем, что при социализме больше не существует тех репрессивных детерминант развития, которые присущи капитализму. Правда, средств социалистического убеждения **самих по себе** недостаточно для того, чтобы добиться высоких достижений во всех областях общественной жизни. Для этого нужны или должны быть созданы многообразные объективные условия. Вместе с тем равнодушие некоторых трудящихся к делам предприятия и общества, бесхозяйственное обращение с народной собственностью, расточительство материалов и времени, а также недисциплинированность в большинстве случаев являются результатом недостаточной социалистической

сознательности. Вооружить людей глубоко обоснованными социалистическими убеждениями — значит создать мощный потенциал общественного развития.

Данная задача, а вместе с ней необходимость разрешения противоречия между бытием и сознанием вновь и вновь становится в порядок дня. Речь идет о постоянно воспроизводящемся противоречии. Оно воспроизводится, **во-первых**, потому, что все новые поколения трудящихся берут на себя бремя общественной ответственности. **Во-вторых**, потому, что социалистическое общество в каждый момент развивается не без конфликтов: вместе с новыми условиями перед действующими субъектами встают и новые задачи, новые требования. И суть дела не просто в том, чтобы каждый индивид осознал социализм как некий тип общественных отношений. Необходимо, чтобы каждый индивид понял социализм в его конкретном противоречивом движении, чтобы он осознал, каким образом трудности и проблемы, с которыми ему надо справиться, проистекают из объективной динамики социализма, из условий классовой борьбы на международной арене (а в ряде случаев — из недостатков субъективного порядка). Чтобы, поняв это, он выработал активную продуктивную позицию по отношению к данным трудностям и проблемам.

Необходимость привести идеальное в соответствие с материальным, разрешить противоречия, возникающие по мере прогресса социалистического общества, выдвигает задачу эффективно противодействовать тем влияниям на сознание людей, из-за которых они занимают нейтральную или даже враждебную установку по отношению к социализму. Отсюда понятно большое значение не только образования и воспитания, пропагандистской работы, но также литературы и искусства, которые со всей определенностью ставят перед собой цель углублять и упрочивать социалистические убеждения людей. Здесь тоже возникают сложные противоречия и конфликты.

Некоторые художники полагают, что главная задача искусства — в выявлении недостатков, того, что еще не достигнуто, то есть, по существу, в критике реального социализма. Социализм, несомненно, нуждается в критике, ибо это динамичное, развивающееся общество. И в ходе развития высшее — а оно существует сначала в форме возможного, тенденции — всегда критикует низшее, то, что наличествует в форме уже устаревающей реальной действительности. Но субъект критики — не какая-то интеллектуальная элита. Это сами массы трудящихся, продуктивно и критически относящиеся к своим собственным достижениям.

Марксистско-ленинская партия вновь и вновь выступает с такой продуктивной критикой, анализируя опыт, формулируя новые задачи, вырабатывая свою программу и развивая теорию. Но критика лишь тогда становится ферментом, способствующим развитию социализма, когда она открывает, делает очевидным то, что препятствует дальнейшему упрочению и совершенствованию, прогрессу социалистического общества. Она утверждает социализм тем, что критикует его, и она утверждает реально существующий социализм, а не социализм как абстрактный идеал в некотором надуманном мире совершенства и гармонии.

Поэтому все дело в точке зрения, с которой осуществляется критика. Если эта точка зрения определяется скептическим сомнением, то результатом критики будет сумрачный образ социалистической действительности, где якобы господствуют одиночество индивида, раскол между людьми, постоянные неудачи в осуществлении их стремлений. Такое изображение социализма не помогает достижению тех целей, которые критика декларирует. Литература и искусство — это не созерцание человечества вообще, вне пространства и времени. Литература и искусство не создают произвольных картин мира, они вторгаются — сознательно или бессознательно — в политико-идеологическое развитие общества.

Ни абстрактное изображение социализма, в основе которого лежит идеализированное представление о нем, ни чисто описательное перечисление его недостатков и несовершенств не ведут к постижению действительности. Показ идеального, «очищенного» от противоречий и конфликтов мира социализма едва ли может пробудить позитивные импульсы, поскольку ему противоречит повседневный опыт. Но точно так же простое описание теневых сторон социализма оказывает негативное идеологическое воздействие: оно подтачивает силы, которые ведут к его дальнейшему развитию, оно отчуждает людей от социализма вместо того, чтобы теснее с ним связывать. Действительность социализма — это исторически обусловленный процесс с неизбежными конфликтами, процесс, в котором оформляются преимущества и существенные признаки социализма, его гуманистический характер, его потенциально неограниченные возможности в развертывании вещных и человеческих производительных сил.

Когда литература и искусство, научная теория и средства массовой информации показывают этот процесс с присущими ему конфликтами, они способствуют углублению социалистических убеждений людей. Когда они позитивно-критически оценивают достижения, выявляют требующие решения проблемы, они мобилизуют силы общества для того, чтобы справиться с ними. Отсюда ясно, какое ключевое значение имеет противоречие как фермент социального развития, насколько необходимо

связывать между собой социализм и противоречия в теоретическом рассмотрении. Всякая попытка исключить из поля зрения противоречия с необходимостью ограничивает позитивное воздействие на сознание людей, возможности мобилизации масс на дальнейшее всестороннее упрочение социалистического строя.

И не в том суть дела, чтобы противоречия в форме недостатков, проблем и трудностей или в форме еще не достигнутого, так сказать, поставить под надзор. Диалектическое противоречие ни в коей мере не сводится к моменту несоответствия, расхождения, к отношению недостаточности. Напротив, оно является живой душой всякого прогрессивного движения, всякого динамичного развития. Оно — позитивная данность, движущая сила общественного прогресса.

Несоответствия моментов некоторого целого, расхождения между объективным и субъективным (реальными требованиями и наличным потенциалом для их выполнения) находятся в сложно опосредствованной взаимосвязи с движением вышеуказанных основополагающих противоречий структуры и развития социалистического общества. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями, производством и потреблением, потреблением и накоплением, между материальными и идеологическими отношениями, противоречия между бытием и сознанием, базисом и надстройкой и т. д. проявляются в самых разнообразных производных противоречиях. А именно в таких противоречиях, в которых осуществляется борьба старого с новым, традиций капитализма — с возможностями и необходимостями социализма, неразвитого социалистического содержания — с развитым, мыслительных и поведенческих установок созидателей социализма — с тенденциями непрерывно развивающихся социалистических общественных отношений, которые постоянно толкают дальше, вперед, в будущее. В этом процессе противоречия производного характера могут возникать вследствие недостаточного субъективного овладения объективными процессами, а также могут вытекать из неизбежных объективных обстоятельств — национальных и интернациональных (экономических, политических и идеологических). Они, таким образом, являются результатом динамики роста, прогрессивного развития, которое всегда включает в себя частичные расхождения между объективно необходимым и реально возможным. Противоречия такого рода суть **продукты**, результаты развития; но одновременно и прежде всего следует иметь в виду, что **основой**, источником развития является противоречие. А развитие есть продукт противоречия.

Следует максимально точно определить место противоречия во всем комплексе стимулов, движущих сил социалистического общества, исходя из

конкретно данных исторических условий. Источник движения социализма заключается в тех противоречиях, которые непосредственно связаны с его *сущностью*. Сущность — это необходимая связь моментов, закономерное соотношение которых друг с другом и формирует противоречие. Многообразные производные, обусловленные конкретными обстоятельствами противоречия, порожденные социализмом, не составляют его сущности как закономерного этапа развития человеческого общества. Но при этом они накладывают отпечаток на его исторически конкретную определенность, на его исторический облик. Они, по сути своей, существуют при данных исторических предпосылках, и благодаря их движению и разрешению социализм как реальное историческое явление развивается.

Сущность отображается в явлениях, противоречия сущности обнаруживаются в противоречиях исторически обусловленного многообразия явлений, имеющих относительную самостоятельность и собственную динамику. Было бы неправильно приписывать статус диалектических противоречий лишь противоречиям сущности, а производные противоречия определять как преходящие, недиалектические явления, как недостатки. Противоречия социалистического общества образуют комплексную целостность, тотальность, определенную общими социальными и исторически особенными условиями, целостность, в которой отдельные противоречия имеют разные причины, разное эволюционное значение, разный социальный вес. Они распадаются на противоречия сущности и противоречия явления. Но в целом они предстают как диалектика *социализма*, которая, по существу, является диалектикой противоречия в его разнообразных формах существования.

III. О ДИАЛЕКТИКЕ СУЩНОСТИ И СУЩЕСТВОВАНИЯ

Что такое сущность и как она относится к существованию? Эта проблема занимает философию со времени ее возникновения. Существует ли в смене явлений нечто устойчивое, и если существует, то какого рода это устойчивое, как его определить?

На данный вопрос, очень тесно связанный с основным вопросом философии, давали и дают прямые или косвенные ответы все философские направления.

Но именно Гегель, и он в особой мере, дал решающий импульс к ясному пониманию соотношения между сущностью и существованием. Маркс и Энгельс на различных этапах своего теоретического творчества обращались к гегелевскому учению о сущности. Из письма Бруно Бауэра Карлу Марксу от

11 декабря 1839 г. явствует, что Маркс тогда был поглощен «логическими занятиями». «То, что ты говоришь о логических энергиях противопоставления и т. д., как мне кажется, — пишет Бауэр, — Гегель совершенно определенно развил в своем месте, в разделе о методе; в области сущности они имеют форму рефлексии и как таковые и рассматриваются Гегелем. О бытии он где-то говорит, что здесь диалектика формы и движение определенности только «прорастают», то есть еще не могут быть обособлены для рефлексии;

это впервые становится возможным только в области сущности... Только постарайся сделать так, чтобы ты смог без всяких помех отдаться твоим логическим работам; вот если бы ты сумел когда-нибудь совершенно заново проработать сущность!»²⁷.

Маркс намеревался написать логику противоположения. И хотя эта рукопись до сегодняшнего дня не найдена, интерес Маркса к учению о сущности постоянно обнаруживается в его произведениях. Всю жизнь он не мог отделаться от «логики сущности». Такие произведения, как «К критике гегелевской философии права», «Экономические рукописи 1857—1859 годов» и «Капитал», немыслимы без методологического инструментария «логики сущности». И Энгельс тоже вновь и вновь занимается этой частью логики Гегеля. Даже в 1891 г. он рекомендует молодым людям штудировать учение о сущности и называет его главной частью гегелевской логики, так как в ней абстрактные противоположности теряют свою статичность. И как только возникает стремление удержать одну сторону, она незаметно превращается в другую²⁸.

Актуальность правильного познания объективной диалектики существования и сущности обусловлена сложной ситуацией классовой борьбы в нашу эпоху. Мы живем в эпоху всемирного перехода от капитализма к социализму. В силу своей сущности, своих внутренних противоречий капитализм закономерно переходит в социализм. В результате этого процесса в мире возникла социалистическая семья народов. После завоевания политической власти рабочим классом, ведомым марксистско-ленинскими партиями, страны социализма совершили долгий переход от капитализма к социализму. За этот переходный период социалистический общественный строй сумел стать на свои собственные ноги, развить свою собственную сущность и присущие лишь ему противоречия и законы движения.

Теперь встает задача создания развитого социалистического общества. Это значит, что организму социалистического общества надо придать

²⁷ MEGA. Dritte Abteilung, Bd. 1, S. 336.

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 176.

соразмерность, развить все сообразные данному обществу качества. Это значит полностью развить социализм в его целостности, тотальности, чтобы социалистическое общество достигло расцвета и зрелости. Это значит не что иное, как полное вызревание сущности социалистического общества в его целостности.

Однако в результате победы социализма в одной, затем в нескольких странах возникла историческая ситуация мирного сосуществования между странами социализма и капитализма, которая в условиях гонки атомных вооружений и нависшей над человечеством угрозы термоядерной войны налагает на страны социализма двойную ответственность. С одной стороны, они обязаны все силы направить на упрочение социализма, на развертывание диалектики его сущности. С другой стороны, они связаны со странами капитализма, стоят с ними в отношении политического сосуществования. Они должны ставить перед собой как те задачи, которые вытекают из их собственной, социалистической сущности, так и те, которые обусловлены требованиями сосуществования со странами другого социального строя.

Философской основой для теоретического осмысления этих сложных задач является диалектика сущности и существования.

Капитализм и социализм представляют собой нечто существующее. Философская категория существования обозначает некую вещь, нечто такое, что тождественно с самим собой, что существует непосредственно и, так сказать, чей переход из некоторого «другого» закончен. И все-таки характеристика существования не исчерпывается этим.

Социализм обрел существование и подверг отрицанию, снятию капитализм. Чтобы окончательно и всесторонне преодолеть границы или барьеры капитализма и наметить свои собственные границы, собственную меру, социализм нуждался в целом историческом переходном периоде. Как известно, политическая революция прорывает самую первую, политическую границу капитализма. Лишь в процессе переходного периода социалистическое общество становится идентичным самому себе, капитализм снимается в своей целостности, а социализм тем самым обретает существование. Социалистическое общество не только *исторически* опосредствовано, связано с капитализмом, с «иным». И после того как социализм обретает существование, он еще длительное время *одновременно* связан с другой существующей реальностью — с существующими империалистическими странами, с государствами, освободившимися от колониального гнета, и т. д.

Это сложное опосредствование с историей, современностью и будущим также выражается категорией существования. «Существование, — писал

Гегель, — есть непосредственное единство рефлексии-в-самое-себя и рефлексии-в-другое. Оно есть поэтому неопределенное множество существующих как рефлексированных в самое себя и одновременно также видимых в другом (*in-Anderes-scheinen*), *относительно* существующих, которые образуют мир взаимозависимостей и бесконечное сцепление оснований и обосновываемых. Основания сами суть существования, и существующие суть также со многих сторон столь же основания, сколь и обоснованные»²⁹.

К понятию существования

Термин «существование», производный от латинского слова «*existere*»³⁰, указывает на нечто, обязанное своим происхождением другому.

Существование — это бытие, которое происходит из основания. Это бытие, которое полагается опосредствованием. Существование представляет собой результат диалектического отрицания наличной вещи или основания, снявшего себя самое. Внутреннее опосредствование или противоречивость побуждают к внешнему опосредствованию, к снятию самого себя и прорыву границы, преграды, к переходу в качественно иное существование. Основу для возникновения и формирования социализма составляет присущее капитализму противоречивое развитие, которое с необходимостью ставит социализм в порядок дня истории.

Мир, полагает Гегель, предстает перед нами на первых порах как «неопределенное множество существующих, которые, одновременно рефлексированные в самое себя и в другое, относятся взаимно друг к другу как основание и обосновываемое. В этой пестрой игре мира как совокупности существующих вначале нигде не видно твердой опоры; все выступает здесь только как относительное, обусловленное другим и обуславливающее другое»³¹.

Пестрая игра мира есть не что иное, как бесконечное количественное и качественное многообразие бесконечно многих относительно самостоятельно существующих форм развития материи, каждая из которых имеет своими причинами и условиями другие формы развития материи и одновременно выступает в качестве их причины и условия.

²⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 287.

³⁰ По-немецки понятие «существование» выражается заимствованным из латыни словом «*Existenz*». — Прим. перев.

³¹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 287—288.

Вечная, несотворимая и неуничтожимая метаморфоза движущейся материи, вечное изменение ее количественных и качественных форм — вот чем поддерживается и осуществляется ее всеобщая сущность.

И когда мы ставим вопрос о всеобщей сущности этого бесконечного многообразия существующего, то эту сущность мы находим не в постоянстве, абсолютности или даже в неизменности, но исключительно в материальности существующего. В. И. Ленин показал, что мы, люди, можем описать указанную материальность в языке лишь с помощью противопоставления материи и сознания.

Если рассматривать мир как целое, то все существующее выступает лишь как нечто относительное. В общем и целом в вечной смене форм сохраняется одно — материальность. Противоречие же, присущее этой всеобщей сущности, с данной точки зрения отражается философскими категориями единства и многообразия, опосредствования и непосредственности, непрерывности и прерывности. Эти «наиболее общие» противоречия не существуют сами по себе, в чистом виде. Уже формула «единство в многообразии» подсказывает, что названные противоречия существуют лишь в бесконечном многообразии форм.

Поэтому совершенно неправомерно эти всеобщие абстрактные определения, которые исследует и должна исследовать философия, *непосредственно* отождествлять с их особыми формами, которые соответствуют конкретному многообразию развития.

Например, К. Маркс в «Капитале» занимается конкретными проблемами конкретной науки. Поэтому вполне естественно, что развитые философией наиболее общие определения в ходе анализа конкретных экономических взаимосвязей приобретают конкретную, особенную форму и, как таковые, отнюдь не излагаются во всей их многогранности и в систематической философской взаимосвязи. Маркс не претендовал на это. Он, напротив, предполагает имеющиеся определения, выработанные философской диалектикой, как само собою разумеющееся теоретическое средство труда и потому не видит необходимости излагать их во всеобщей форме. Это не входило в его задачи при создании «Капитала». Отсюда естественно и необходимо следует, что диалектика в экономических трудах Маркса принимает конкретную, особенную форму, не теряя взаимосвязи со своей философской предпосылкой.

Раз это так, то само собой понятно, что и, наоборот, конкретный диалектический подход, приложение метода к конкретному материалу настолько же недопустимо *непосредственно* возводить на уровень *философского* диалектического метода, насколько невозможно

непосредственно применять его в других частных науках, например в политической экономии социализма.

Эта взаимосвязь имеет очень большое теоретическое и мировоззренческое значение. Из-за того что она не учитывается должным образом, абстрактный, формальный и в конечном счете непродуктивный характер приобретают трактовки логики «Капитала». На том же основании напрочь отрицают принципиальное мировоззренчески-философское значение универсальной материалистической диалектики как философской теории и метода диалектического и исторического материализма.

Сам Маркс признавал данную взаимосвязь. Так, он считает нелепостью попытку Лассаля «изложить политическую экономию по-гегелевски». Ведь «одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе»³². Еще в 1847 г. Маркс упрекал Прудона в том, что он мало проник «в тайну научной диалектики» и что «вместо того чтобы видеть в *экономических категориях теоретические выражения исторических, соответствующих определенной ступени развития материального производства, производственных отношений*, он нелепо превращает их в искони существующие, *вечные идеи...*»³³. Вместе с Гегелем понимая метод как осознание внутреннего самодвижения, Маркс предполагает всеобщие определения, но не оставляет их в этой всеобщей форме, а конкретизирует в ходе свободного движения в конкретном материале.

Диалектика существования

В кажущемся хаосе вечной метаморфозы единой материи, в вечной смене ее качественно и количественно определенных форм наше мышление стремится открыть причинные взаимосвязи, напасть на след законов этой смены форм.

В свете диалектики формальной определенности материи, диалектики существования все относительно, обусловлено другим и в свою очередь рождает, обуславливает другое. Иными словами, в этом мире нет ни одного абсолютно прочного пункта, нигде нельзя найти вещь, которая существует лишь благодаря тому, что соотносится сама с собой. Такого абстрактного бытия, столь абстрактного соотношения с самим собой без опосредствования с другим не существует, они не имеют существования. Это было бы абсолютным, абстрактным бытием-небытием в гегелевском смысле.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 224.

³³ Там же, т. 16, с. 27.

Ни одна из форм развития материи не существует соотнесенной лишь с самой собой и тем самым вне материального единства, взаимосвязи, объективной причинности движущейся в пространстве и времени материи. Напротив, всякое существование, всякая форма развития материи **одновременно** соотнесена с собой **и** с другим. Тем самым **всякому** существованию присуще **противоречие**; это значит, что оно в той мере является непосредственно формой развития материи, в какой оно тождественно с самим собой и **одновременно** опосредствовано другими существованиями в пространстве и во времени.

Противоречие существования следует строго отличать от противоречия сущности; это сущностно различные взаимосвязи. Противоречие сущности не определяет взаимосвязи между двумя **различными** вещами, их опосредствования, которое, даже если оно понято в своей диалектике, остается **внешним**. Противоречие сущности определяет опосредствование **внутри** некоторой вещи. Общество тоже претерпевает смену форм, метаморфозу материи. Мы констатируем наличие различных общественных формаций в прошлом и настоящем, констатируем их сосуществование, их обусловленность и воздействие друг на друга, их расхождение и переход друг в друга, их распад и преобразование.

Маркс в «Капитале» ставит перед собой задачу раскрыть и закономерность смены исторических форм производства, перехода феодализма в капитализм, и существенное, внутреннее движение самого капитализма. Таким образом, он изучает капитализм в его существовании, в его опосредствовании другими общественными формациями, из которых он возникает и в которые он переходит, а также в его сущности, в его внутренних противоречиях, развитие которых есть единственный исторический путь его разложения и преобразования³⁴.

В знаменитом разделе своего труда о процессе накопления капитала Маркс анализирует сам процесс перехода, возникновения и образования экономических основ капитала. Маркс называет этот процесс **прологом истории** капитала. Он охватывает опосредствование, переход, уничтожение прежнего способа производства, «превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала»³⁵. Капиталистический

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 499.

³⁵ Там же, с. 771.

способ производства встает экономически на собственные ноги тогда, когда этот процесс превращения достаточно разложил экономические основы старого общества «вглубь и вширь», когда рабочие превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал.

Маркс описывает здесь взаимосвязь, опосредствование, движение от одного к другому, от феодальной к капиталистической собственности на средства производства. Этот процесс есть процесс уничтожения одного и возникновений другого, взламывания данного существования, его границ и рамок и упрочения нового существования, капиталистического общества, которое рождается из старого, феодального. Это движение от одного различия к другому различию, к качественно иной форме человеческого общежития. Диалектика такого опосредствования одного другим названа Гегелем и Марксом *диалектикой бытия* или *существования*.

Когда капиталистическое общество отбрасывает костыли и экономически встает на собственные ноги, «более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»³⁶. С окончанием этого процесса превращения данное общество на обретенной им собственной основе, в пределах своей меры развивает соразмерную ему совокупность, *тотальность*, *целостность* качеств. Оно созревает, становится всесторонне развитым обществом, имеющим капиталистический характер, или сущность; в соответствии со своей сущностью оно подчиняет себе все отдельные моменты общественной жизни, развертывает эту сущность в целостность, тотальность. Вследствие этого диалектику существования сменяет *диалектика сущности*, современная история капитала.

Как только капиталистический способ производства изживает остатки прежних экономических форм, свою сращенность с ними, капитал выступает как «господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества»³⁷ и развивается по адекватным ему законам, которые вместе с тем проявляются как господствующие над капиталом жизненные тенденции³⁸.

Эта внутренняя диалектика долгое время развертывает потенции буржуазного общества. «Мы видели, — пишет К. Маркс, — что процесс обмена товаров заключает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего,

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

³⁷ Там же, т. 46, ч. I, с. 44.

³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 155.

заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается»³⁹. В такого рода противоречии Гегель видит «корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»⁴⁰. Данное существование подвергается отрицанию, снятию, оно уступает место новому, иному существованию. В нем возникает новое, другое, сообразное ему противоречивое отношение, которое опять-таки побуждает к разрешению этого противоречия.

Диалектика сущности

Уже в работе 1843 г. «К критике гегелевской философии права» Маркс подчеркивает, что действительные крайности не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Они «и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг Другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга. Одна крайность не носит в себе самой стремление к другой крайности, потребность в ней или ее предвосхищение». Потребность в предвосхищении, продолжает Маркс, имеют, например, мужской и женский пол, ибо они образуют одну **сущность**. Между ними имеется не противоречие существования, а противоречие сущности. Они суть «противоположные определения **одной и той же** сущности, различия одной **сущности** на **высшей ступени ее развития**. Они представляют собой **дифференцированную** сущность. Они суть то, что они суть, **лишь** как **различённое** определение, и именно как **это** различённое определение сущности. **Истинными, действительными** крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и не-человеческий род. В одном случае различие есть различие **существования**, в другом — различие между **сущностями**, различие **двух** сущностей»⁴¹.

Когда сущностные, внутренние противоречия некоторого явления высвобождаются из старого, прежнего явления и обретают свойственную и соразмерную только им форму движения, тогда такое движение есть именно та форма, в которой развертываются все наличные в этом обществе возможности и в которой само это явление может созреть в своей целостности, тотальности, достигнуть зрелости. Высвобождение из старого явления, то есть феодального способа производства, Маркс называет прологом истории капитала. «До тех пор пока капитал слаб, он сам еще ищет опору в прошлых или исчезающих с его появлением способах производства.

³⁹ Там же, т. 23, с. 113—114.

⁴⁰ Гегель, Наука логики, т. 2, с. 65.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 321.

Когда он чувствует себя сильным, он отбрасывает эти костыли и движется соответственно своим собственным законам»⁴². И тогда «для своего становления капитал больше не исходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста»⁴³.

Как только капитал заканчивает свое становление, он создает свои собственные предпосылки, а предпосылки его становления сняты в его наличном бытии. «Условия и предпосылки **становления, возникновения** капитала предполагают как раз то, что капитал еще не существует, а только лишь **становится**; следовательно, они исчезают при действительном капитале, при том капитале, который, исходя из собственной действительности, сам полагает условия своего собственного осуществления»⁴⁴.

Исторические предпосылки капитала и есть как раз такого рода **исторические** предпосылки, которые «уже изжиты и поэтому принадлежат к **истории образования капитала**, но отнюдь не к его **современной** истории, т. е. они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства»⁴⁵.

Исторические предпосылки — это уже снятые, бывшие предпосылки, в то время как «современные условия производства выступают как **устраняющие самих себя**, а потому — как такие условия производства, которые полагают **исторические предпосылки** для нового общественного строя»⁴⁶. Становление нового явления, новой тотальности в лоне исторически изжившей себя целостности, короче говоря, ее предыстория совершается как процесс разложения старого, прежнего явления.

Маркс называет капитал, взятый во всей совокупности, тотальности его отношений, «внутренней структурой современного общества»⁴⁷.

Эта внутренняя структура не появляется сразу в готовом виде; она развивается не «из **ничего**, из воздуха или из лона сама себя полагающей идеи», а «внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности»⁴⁸. Старая целостность, тотальность разлагается в отдельных точках, и в этом процессе опять-таки в отдельных точках возникают новые отношения. «Даже развитие

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 155.

⁴³ Там же, т. 46, ч. I, с. 448.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 449.

⁴⁷ См. там же, с. 227.

⁴⁸ Там же, с. 229.

мануфактуры предполагает начинающееся разложение старых экономических отношений земельной собственности. С другой стороны, из этого совершающегося в отдельных точках разложения новая форма земельной собственности возникает во всей своей полноте и широте лишь тогда, когда современная промышленность достигает высокой степени развития...»⁴⁹.

Возникновение нового *вплетено* в становление *самой* целостности, тотальности, и не предшествует ей как что-то внешнее и первичное. Оно переходит в движение, которое совершает переворот во *всем содержании* и ломает границы старого.

Когда капиталистический способ производства встает на собственные ноги, то есть когда старое общество достаточно разложено вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, «тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих»⁵⁰.

Этот процесс не есть переход от разного к другому разному, здесь происходит развитие сущностного различия до его высшей ступени — до целостности, соответствующей своей сущности. Он не может быть понят с помощью диалектики существования; тут необходима диалектика сущности.

Маркс дает убедительное описание этого процесса с точки зрения его экономико-технической основы, то есть описание *сущностного развития капитализма в себе самом*, которое ведет к его полному раскрытию: «Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер

⁴⁹ Там же, с. 228.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772.

капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»⁵¹.

Как только историческая форма производства в своем развитии достигает высшего раскрытия своих сущностных различий и состояния зрелой целостности, она сама «создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается»⁵².

На примере феодализма Маркс показывает, что созревшее, превратившееся в целостность общество больше не может выносить его собственное сущностное противоречие. Оно должно сломать свою границу, которая стала преградой, оно подвергается отрицанию. Обретает существование новое общество.

Высшее развитие себя самое полагающей целостности, оставившей далеко позади свою предысторию, есть ее расцвет.

Маркс говорит об увядании *после* расцвета и как следствии расцвета. Применительно к базису общества он отмечает, что расцвет, наивысшее развитие базиса, есть тот пункт, «где сам базис приобретает такую форму, в которой он совместим с *наивысшим развитием производительных сил*, а потому также — с наиболее богатым развитием индивидов [в условиях данного базиса]. Как только этот пункт достигнут, дальнейшее развитие выступает как упадок, а новое развитие начинается на новом базисе»⁵³.

При этом история самых разных эпох показывает, что уничтожение старого общества необязательно и не при всех обстоятельствах ведет к тому, что

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772—773.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 771.

⁵³ Там же, т. 46, ч. II, с. 34.

возникшие в недрах старого общества моменты нового общества набирают силу, необходимую для образования нового общества.

Как правило, человеческое общество стоит перед такими альтернативными возможностями. Либо новое общество благодаря динамичному развитию развертывает новую, лишь ему присущую диалектику сущности, прорывает рамки старого общества, живет по-своему, полагает себя самое и производит свои собственные моменты, обнаруживает свои собственные законы движения. Либо, чему тоже есть исторические примеры, элементы нового так и не укрепляются, не набирают силы, достаточной для того, чтобы прорвать рамки старого и начать сущностное движение.

В этом случае общество испытывает стагнацию, застой; оно либо гибнет само, либо бывает разрушено извне. Таким образом пришли в упадок высокоразвитые культуры. Они уже не в состоянии были переносить противоречие, но не могли и развить достаточно сильные моменты новой исторической альтернативы.

Нераздельность сущности и существования

Каждая форма развития материи является одновременно ***сущностью и существованием*** и поэтому подчинена двоякому противоречивому отношению — противоречию существования и противоречию сущности.

Если вещь представляет собой нечто и в то же время «иное» (речь идет не о «своем ином»), если она соотнесена не только с самой собой, но опосредствована другими вещами, стоит с ними во взаимосвязи и тем самым определяется, ограничивается, это значит, что ей присуще противоречие существования. Нечто существует лишь в отношении к «другому», которое составляет его границу.

Однако этим не исчерпывается противоречивое движение материи, ибо одновременно всякой форме развития материи присуще противоречие сущности. Философия долго билась над познанием этого противоречия сущности, противоречия в сущности самой вещи, а также над познанием отношения между сущностью и существованием.

Сущность (по латыни «*essentia*») в отличие от существования есть «самобытие» вещи. Как это понимать?

Если мы, рассматривая мир как целое, констатируем, что он сохраняется и осуществляется в своей сущности, в своей материальности лишь в вечном потоке, постоянной смене форм, их вечном взаимопереходе, то аналогичный тезис верен и применительно к отдельной вещи. Конкретная сущность данной вещи сохраняется лишь в процессе, в беспокойном изменении, которое происходит в форме противоречия. Вот это сохраняющееся и

развивающееся в беспокойном изменении относительное постоянство, которым одна вещь качественно отличается от другой, и отражает понятие «сущность». Данное понятие отражает постоянную природу, относительное постоянство, относительный покой вещи. При этом фундаментальное значение имеет то, что основу устойчивых свойств вещи составляет ее сущность, внутреннее опосредствование ее собственного расхождения, или различия, встреча со своим внутренним противоречием, а не опосредствованно этой вещи «другим».

Постоянство вещей, их «само-бытие» было зафиксировано, но не объяснено старым философским понятием субстанции, свидетельствовавшим о том, что постоянное, сохраняющееся понималось как неподвижное, недифференцированное. Категория субстанции в таком понимании обозначила полный разрыв между константностью и изменением, между сущностью и противоречием. Гегель ликвидировал этот разрыв, истолковав единство, тождество, субстанцию, *essentia*, то есть сущность, не как нечто неизменное. Он раскрыл внутреннее противоречивое изменение в самих вещах, показал движение их внутренних противоречий.

Гегель ясно осознал, что искать единство в многообразии, покой в движении, постоянство в изменении не то же самое, что искать непреходящее в преходящем, абсолютное в относительном. Он учил, что нужно, напротив, сами единство, сущность понимать как относительное, преходящее и прежде всего как внутреннее противоречивое движение.

История философии доказывает, что трудности, на которые наталкивались попытки сформулировать содержание понятия «субстанция», были связаны не с чем иным, как со стремлением определить неопределимое, то, что определению не поддается, потому что не имеется в наличии.

Сущность нельзя сводить к неизменности, абсолютности. И сама сущность преходяща. В. И. Ленин считай, что диалектика в собственном смысле есть «изучение противоречия *в самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также»⁵⁴.

Гегель создал основу для преодоления разрыва между сущностью и существованием, субстанцией и акциденциями, истолковав сущность и существование как необходимые моменты единой объективной логики, или диалектики. «В философском познании становление *наличного бытия* как наличного бытия также отличается от становления *сущности* или внутренней природы дела. Но философское познание... содержит и то и

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

другое...»⁵⁵ Дав диалектическую трактовку как существования, так и сущности, Гегель преодолел прежнюю метафизику, или, как он сам говорил, онтологию, как ту часть метафизики, «которая должна была исследовать природу *ens* [сущего] вообще...»⁵⁶. Ее место заняла объективная логика, *диалектика, которая постигает и бытие, существование, и сущность*.

Объективная диалектика существования определяет изменения форм материи, их метаморфозу. Эта диалектика, которую называют также детерминизмом, отражает изменение форм материи с помощью категорий «количество», «качество», «мера», «причинность», «условие», «взаимодействие», «нечто» и «другое», «бытие-для-другого» и т. д.

Как известно, термин «детерминизм» является производным от латинского слова «*determinare*» (определять). И ему присущи оттенки смысла, связанные со словом «*terminus*», означающим пограничный камень, рубеж, меру, ограничение. Детерминизм, или диалектика существования, есть учение об отношении, об опосредствовании, о взаимосвязи разграниченных вещей, о различиях, о разных качествах, о существованиях, которые существуют в пространстве и во времени, то есть рядомположенно или последовательно.

Диалектика существования — это диалектика взаимосвязи и перехода от одного к другому, от одного разного к другому разному, способ опосредствования и перехода одного в другое. Именно это имеет в виду Гегель, когда пишет:

«Одним лишь блужданием из одного качества в другое и одним лишь переходом из качественного в количественное и наоборот дело еще не окончено — имеется в вещах нечто пребывающее, и это пребывающее есть прежде всего сущность»⁵⁷.

Хотя между диалектикой сущности и диалектикой существования имеются объективные различия, это не значит, что сущность и существование жестко и непосредственно противоположны друг другу. Еще меньше это значит, что сущность представляет собой нечто более высокое и совершенное по отношению к существованию. Сущность не существует *до* существования, не является более ценной; напротив, одного просто нет без другого. Абсолютная целостность материи складывается из взаимодействия относительных целостностей, единство существует лишь в многообразии. Целостность материи не воплощается в какой-то одной целостности. «Что вступает однажды в пространство и во время, то должно также

⁵⁵ Гегель. Соч., т. 4, с. 22.

⁵⁶ Гегель. Наука логики, т. 1, с. 118.

⁵⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 265.

подчиниться **законам** пространства и времени, — писал Л. Фейербах. — У входа в мир стоит на страже deus terminus (бог ограничения).

Самоограничение — плата за вход. Все, что становится действительным, становится действительным как нечто определенное. Полное воплощение рода в **одной** индивидуальности было бы абсолютным чудом, насильственной отменой всех законов и принципов действительности, то есть на деле означало бы гибель мира»⁵⁸.

Диалектика этого мира состоит в том, что все в нем должно обратиться в прах, чтобы продолжать быть. Другими словами, противоречие сущности делает возможным различие существования, а различие существования делает возможным противоречие сущности. Бог различения имеет брата-близнеца — бога внутреннего, сущностного противоречия. «Человек, поскольку он хочет быть действительно, должен налично существовать, должен ограничивать себя. Кому конечное слишком претит, тот не достигает никакой действительности, а остается в области абстрактного и бесследно истлевает в себе»⁵⁹.

Диалектика существования отражает переход одного разного в другое разное, существующее до или после первого, или взаимодействие одновременно существующих форм развития материи. Совершенно иной характер имеет диалектика сущности. Она отражает опосредствованно **не разного**, не разных вещей, а **различённого**, различий внутри самой вещи. Здесь мы имеем дело с опосредствованном вещи самой собой и в себе самой, с ее внутренним движением, «само-бытием», с ее сущностным тождеством с собой, которое осуществляется лишь во внутренних различиях.

«Само-себя-полагающему и «внутри-себя-живущее»

К. Маркс называет внутренним опосредствованном, «имманентной границей» те рамки в которых «естественным образом» развиваются и движутся вещи, например способы производства⁶⁰. Для других одновременно с ними существующих или только еще возникающих способов производства это **пределы**. Новое явление должно преодолевать их, если оно уже достаточно развилось. «Эти границы становятся подлежащими преодолению пределами лишь после того, как производительные силы в отношения общения развились настолько, чтобы капитал как таковой мог начать выступать в качестве регулирующего принципа производства. Те границы, которые он ломал, были подлежащими преодолению пределами для его

⁵⁸ Feyerbach L. Zur Kritik der Hegelschen Philosophie. — In: Feuerbach L. Gesammelte Schriften. Bd. 9. Berlin, 1970, S. 20.

⁵⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 231.

⁶⁰ См.: Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46 ч. II с 153

движения, развития осуществления. Капитал при этом отнюдь не уничтожал все границы, все пределы а только не соответствующие ему границы, которые являлись для него подлежащими преодолению пределами»⁶¹.

Маркс обрисовывает здесь единство диалектики сущности и существования. Когда капитал набирается достаточно сил в лоне старого способа производства, он должен уничтожить исторические пределы, «которые затрудняли и тормозили адекватное ему движение»⁶², перейти от одного к «другому», обрести существование, выйти из «другого».

Иное дело — диалектика сущности. «Капитал внутри своих собственных границ... чувствует себя свободным, беспредельным, т. е. ограниченным лишь самим собой, лишь своими собственными жизненными условиями»⁶³. Аналогичным образом Гегель придерживался того мнения, что стихия философии — не несущественное, а *существенное* определение, которое он характеризует как «само-себя-полагающее и внутри-себя-живущее, наличное бытие в своем понятии. Это процесс, который создает себе свои моменты и проходит их...»⁶⁴.

Сущностный процесс сам полагает свойственные ему различия, создает имманентные и соответствующие себе моменты. В этом внутреннем различии сущность, по словам Маркса, чувствует себя свободной, ибо она ограничена лишь самой собой. «Подобным же образом цеховое ремесло в эпоху своего расцвета находило в цеховой организации полностью ту свободу, в которой оно нуждалось, т. е. соответствующие ему производственные отношения. Ведь оно само породило их из себя и развило их как *свои* имманентные условия, а, следовательно, отнюдь не как внешние и стеснительные пределы»⁶⁵.

Основанный на капитале способ производства должен найти адекватную себе форму, представляющую собой его свободное развитие — «свободное развитие условий капитала и самого капитала как процесса, постоянно воспроизводящего эти условия»⁶⁶. Только тогда внутренние законы капитала, которые на первоначальных исторических ступенях его развития выступают лишь как тенденции, полагают себя как законы. Только тогда разворачивается его движение в соответствии с его собственными законами.

В таком смысле определяет сущность и Гегель. «Бытие, или непосредственность, которая через отрицание самой себя опосредствует

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 153.

⁶² Там же, с. 154.

⁶³ Там же, с. 153.

⁶⁴ Гегель. Соч., т. 4, с. 24.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 153—154.

⁶⁶ Там же, с. 154.

себя *собой* и приходит в отношение с самой собой и которая, следовательно, есть также опосредствование, снимающее себя, приводящее себя к отношению с собой, к непосредственности, есть *сущность*... В сущности нет больше перехода, а есть только отношение... Если (в сфере бытия) нечто стало другим, то тем самым нечто исчезло; не так в сфере сущности: здесь мы не имеем истинно другого, а имеем лишь различие, отношение одного к *его* другому. Следовательно, переход сущности вместе с тем не есть переход, ибо при переходе различного в различное различное не исчезает, но различные остаются в их отношении»⁶⁷.

Когда говорят, что сущность больше не знает никакого перехода, это отнюдь не значит, что прекращается становление. Напротив, прекращается переход от «нечто» к «другому», который, в свою очередь, опять-таки становится возможным и необходимым благодаря опосредствованию сущности. Отсюда парадоксальная, но меткая формулировка Гегеля: переход сущности вместе с тем не есть переход, ибо при этом не исчезает отношение между различным, ибо данное отношение остается в себе самом, потому что как раз оно и составляет сущность. «Но сущность есть в-себе-бытие, она *существенна* лишь постольку, поскольку она имеет в самой себе свое отрицательное, отношение с другим, опосредствованно»⁶⁸.

Под этим углом зрения не кажутся столь уж мистически или идеалистически извращенными следующие высказывания Гегеля: «Сущность как бытие, опосредствующее себя собой через свою же отрицательность, есть отношение с самой собой, лишь будучи отношением с другим... Сущность есть погруженное *в самое себя бытие, т. е.* простое отношение сущности с собой есть это отношение, положенное как отрицание отрицательного, как опосредствование себя в самой себе самой собой»⁶⁹. Понятие сущности выражает то, что вещи движутся в силу своей внутренней противоречивости, что они изменяются в себе самих.

В сущности исчезает всякий след разных элементов, качественно различных форм развития как относительно самостоятельных, относительно устойчивых узловых пунктов материи в их непосредственности. Из этого исчезновения, то есть его *бывшего бытия (Gewesensein)*, Гегель выводил понятие *сущности (Wesen)*. Сущность — это снятая, или *бывшая (gewesene)*, непосредственность, то есть движение, в котором происходит не переход одного в другое, но одно предполагает свое «другое», опосредствовано им, не существует без него. В самой сущности нет истинно «другого», разного; в ней есть лишь различие, то есть отношение одного

⁶⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 262-263.

⁶⁸ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 268.

⁶⁹ Там же, с. 264.

к *своему* «другому». Различие, по словам Маркса, «заключается здесь уже не в раздельном существовании различных элементов...»⁷⁰.

Непосредственное различие, точнее говоря, различие в виде простой разницы, то есть в разделенном наличии «нечто» и «другого», которое определяет сферу существования, исчезло в области сущности. Различие существует здесь не как разница, не в разделенном наличии различных форм развития материи, оно существует в живом организме, в котором исчез всякий след различных элементов как таковых. Приведем полностью высказывание Маркса, из которого взяты вышеприведенные слова.

«Различие заключается здесь уже не в раздельном существовании различных элементов, а в живом движении отличных друг от друга функций, которые все одушевлены одной и той же жизнью. Таким образом, само их различие не предшествует в готовом виде этой жизни, а, напротив, само непрестанно вытекает из нее самой и столь же постоянно исчезает и парализуется в ней»⁷¹.

Поэтому Маркс называет органическим такое движение, в котором различия «по самой своей природе ежеминутно растворяются в единстве целого», в котором они «различия в едином, а не единства в различном»⁷².

Различия проявляются как различные функции одного и того же. Эту диалектику сущности Гегель философски описал с помощью категорий тождества и различия. Они раскрывают не что иное, как противоречие сущности, источник всякой диалектики. И коль скоро не удастся духовно овладеть этим противоречием сущности, понять, что противоположные определения составляют различие в *единой сущности* на высшей ступени ее развития, диалектика превращается в метафизику. Противоположные определения «суть то, что они суть, *лишь* как *различённое* определение»⁷³ сущности. Но вместо этого их вырывают из сущностной взаимосвязи и превращают в абстрактные противоположности, которые утратили всякую взаимную поддержку. И при любой попытке удержать лишь одну сторону она «незаметно превращается в другую»⁷⁴.

Метафизический подход к процессам, протекающим в соответствии с диалектикой сущности, влечет за собой далеко идущие практические последствия. Создание развитого социалистического общества — это, выражаясь философски, задача овладения сущностью, *внутренним* опосредствованием, *внутренними* противоречиями социализма. Разумеется, ни на секунду не теряя из виду противоречий

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40. с. 278.

⁷¹ Там же, с. 278—279.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 280.

⁷³ Там же, т. 1, с. 321.

⁷⁴ См. там же, т. 38, с. 176.

существования, например, военной угрозы со стороны империализма или определенные экономические ситуации. Общественная жизнь в целом должна достичь качественно более высокого уровня зрелости. Отсюда вытекает требование — полностью раскрыть потенции сущностных противоречий социалистического общества и тем самым способствовать достижению его полной зрелости.

Политическая революция и переходный период от капитализма к социализму остались позади. Социалистическое общество стоит на собственных ногах. Это значит, что *оно само создает свои различия*, и соотношение этих различий определяет его сущность и его жизнь, его облик. Маркс называл сущностью движение, в котором созданные различия в соответствии с их собственной сущностью моментально растворяются в единстве целого. Это, однако, возможно лишь при том условии, если различия родственны, а именно если они имеют одинаковую сущность. В сущностном движении данная целостность, то есть социалистическое общество, достигает зрелости во *всех* своих моментах.

Общество, которое разрушило, преодолело, оставило позади себя историческое опосредствованно прошлым, должно развиваться на собственной основе, ибо оно является саму себя производящей и воспроизводящей целостностью. Но поступательное движение такой целостности соотнобразуется с развитием всего ее конкретного содержания и согласуется с сущностью этого общества. Органичный прогресс социалистического общества возможен только тогда, когда вся его жизнь, все его моменты — от производительных сил до философии — в целом достигнут качественно более высокого уровня зрелости, будут подняты на уровень сущности социалистического общества. Невозможно, чтобы тот или другой момент отставал или вообще отсутствовал. В зрелом обществе, или, как говорит Маркс, в «разумном организме», «голова не может состоять из железа, а тело — из мяса. Члены для своего сохранения должны обладать *равным достоинством*, быть одной плоти и крови... К тому же члены могут лишь постольку взаимно сохранять друг друга, поскольку весь организм находится в текучем состоянии и каждый из членов снимается в этой текучести, стало быть, ни один из них не отличается «неподвижностью», «неизменностью»...»⁷⁵.

Если члены друг к другу не подходят, если у них не одна сущность, если невозможно самостоятельное, органическое движение, в котором они взаимно поддерживают друг друга, то результатом может быть только «конвульсивное» движение. Это происходит тогда, когда члены распадаются

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 261.

на косные и абстрактные составные части, фиксированные не органически, а насильственно, на части, которые как раз и не создают своего собственного различия.

Именно поэтому решающее значение имеет задача обеспечить дальнейший прогресс социалистического общества, развертывание всех его моментов. А следовательно, преобразовать наличное его состояние в соответствии с сущностью социализма и прежде всего создать пока еще недостающие элементы, то есть именно создать «различие в себе самом». И несомненно, что это отнюдь не легкая задача, даже существенно более трудная, творческая работа, чем отрицание старого общества.

Если говорить о коммунизме, то диалектика сущности предполагает, что в социалистическом обществе не могут быть механически заготовлены отдельные элементы высшей, коммунистической фазы, которые, как неорганические, насильственно фиксированные части, существовали бы, функционировали в органической целостности, тотальности социалистического общества наряду с его органическими моментами.

Становление целостности, происходящее в соответствии с диалектикой сущности, есть не только исторический результат, но в той же мере историческая предпосылка для становления нового общества. Если изменяется сама сущность социалистического общества, если она становится все более дифференцированной и многообразной, если, стало быть, сущность достигает зрелости, то ее внутреннее опосредствование, ее сущностные противоречия органически требуют необходимого перехода к более высокой фазе, к коммунистическому обществу.

Знание диалектики сущности и существования позволяет определить и прояснить как различие, так и единство социалистической и коммунистической фаз коммунистической общественной формации.

IV. ПОНЯТИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Действительность стремится к понятию

Подобно тому как в технической области значительные открытия по большей части являются настоящими детьми своего времени, то есть соответствуют совершенно определенной материальной потребности и вырастают из нее, и философские понятия в определенное время в большей степени, чем обычно, обнаруживают свою зависимость от объективной реальности, сильнее, чем в других случаях, показывают, что является ее *отражением*. Возрождение

идеи целостности (тотальности), восстановление в правах понятия целостности (тотальности) как крайне важной категории материалистической диалектики могут служить примером, который подтверждает верность положения: общественное бытие определяет общественное сознание. Потребности развития общественного бытия стимулируют развитие общественного сознания. Конкретное общественное бытие, определенный уровень развития нашего общества оказывают действие как материальная сила, которая направляет в определенное русло помимо всего прочего и развитие философского сознания.

Мышление, опирающееся на понятие целостности, — это, стало быть, не результат «поиска категорий», характерного для идеалистического воззрения на историю, но его прямая противоположность. Противоположность потому, что, как указывали Маркс и Энгельс, необходимо все время оставаться на почве действительной истории, объясняя не практику из идей, а идеи из материальной практики⁷⁶. Если понимать дело таким образом, то можно утверждать, не скатываясь к гегелевскому идеализму, что действительность стремится к понятию. Действительность стремится к понятию — это положение допускает материалистическую интерпретацию⁷⁷. Данное положение необходимо нам для того, чтобы вновь освоиться с понятием целостности (тотальности).

Восстановлению в правах этого философского понятия, которое происходит в нашей философии примерно с середины 70-х годов, существенным образом способствовало достижение определенной степени общественного развития в ГДР и других странах социализма, связанных с нами узами братства. Эта степень развития потребовала более глубокого философского постижения исторического процесса, в особенности коммунистической общественной формации. Тем самым она одновременно сделала необходимым создание понятийного инструмента, с помощью которого можно было осмыслить развитие социалистического общества в целом, развитие, раскрывающее его сущность. В качестве такого понятийного инструмента и предстала почти забытая категория целостности, которая, будучи глубочайшим образом связанной с диалектикой, играла центральную роль уже в классической немецкой философии, прежде всего у Гегеля, и получила также высокую оценку Маркса и Ленина.

Решающую роль в том, что проблема целостности вновь стала важным вопросом марксистско-ленинской философии, сыграло и развитие самой

⁷⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т. М 1985, т. 2, с. 37.

⁷⁷ Уже молодой Маркс пришел к убеждению: «Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 423).

философии, и идеологическое классовое противоборство, в котором указанная проблема достаточно часто занимала и занимает заметное место. Так, современная буржуазная философия, а с нею и ревизионизм в его различных вариантах включили фальсифицированное понятие целостности (тотальности) в теоретический арсенал средств, используемых для открытых или завуалированных нападков на марксистско-ленинскую философию. В этой связи можно назвать имена таких представителей самых разных философских направлений, как Теодор Адорно и Жан Поль Сартр, Карел Косик и Макс Хоркхаймер.

Поскольку марксистско-ленинская философия не может ни отказаться от понятия целостности, ни пассивно взирать, как она используется буржуазной идеологией при попытках подорвать единство материализма и диалектики, из которого впервые выросло новое качество философии рабочего класса, то и с этой точки зрения дальнейшая разработка марксистско-ленинской трактовки целостности представляется настоящей необходимостью.

Усиливающийся интерес к понятию целостности вырос из более дифференцированной позиции, занятой рядом марксистских философов в отношении системных наук. Значение последних для *философии* во второй половине шестидесятых годов, отмеченных бурным развитием кибернетики, было завышено.

Более деловая оценка отношений между системными науками и философией потребовала более точного определения специфики системно-теоретических категорий в сравнении с философскими. Тем более что в буржуазной социальной науке были предприняты широко задуманные попытки попросту сомкнуть общественную теорию и теорию систем, трактовать философскую теорию общества как теорию систем. И это было сделано не в последнюю очередь затем, чтобы таким образом преодолеть марксистское понимание истории, подменить его революционную классовую сущность абстрактной, ценностно-нейтральной, объективистской концепцией.

При всей заинтересованности в диалектико-материалистическом понятии целостности необходимо все же иметь в виду (это следует отметить в особенности для того, чтобы избежать недоразумений, а также абсолютизации данного понятия), что его творческое и плодотворное применение в познании возможно лишь во взаимосвязи со всеми другими категориями марксистской диалектики. Оно занимает свое место в подвижном, отнюдь не косном и строго иерархически построенном ансамбле категорий марксистско-ленинской философии и столь же мало является в нем «центральной категорией», как и понятие «практика» или понятие «труд», что ошибочно утверждали некоторое время назад.

Если исходить из диалектико-материалистического характера нашей марксистско-ленинской теории, то неправомерно постулировать какую-то «центральную категорию».

Прежде чем углубиться в основополагающие теоретические и методологические взаимосвязи, которые следует учитывать, применяя диалектико-материалистическую концепцию целостности (тотальности) к обществу, необходимо сделать некоторые замечания по поводу употребления этого понятия вообще.

Если мы просмотрим литературу, то часто встретимся и в философских работах с таким употреблением данного понятия, которое не исчерпывает богатства его определений. Далеко не в каждом случае, когда идет речь о целостности, используется весь теоретический и методологический инструментарий, который содержится в этой важной категории материалистической диалектики. Нередко можно столкнуться с обыденными вариантами понятия целостности (тотальности), когда совсем не принимается во внимание его философская глубина. Оно употребляется здесь лишь в смысле целого, полноты, охватывающего единства, то есть в значениях, которые очевидны, ясны для повседневного мышления и отнюдь не предполагают специального философского знания, но к которым ни в коей мере не сводится указанное философское понятие.

Если данное различие значений известно, если оно осознано, то и для философов, на наш взгляд, не является запретным употребление понятия целостности (тотальности) в более или менее поверхностных его значениях, которые подразумевают прежде всего «полноту» некоторой вещи. Такое употребление данного понятия относительно правомерно — ведь при предварительной характеристике тех или иных фактов *вначале* вполне можно обойтись рассмотрением этих фактов в их наличных полноте и единстве, не думая об их *внутренних* опосредствованиях, об их генезисе и их сущности. Для мышления, которое постепенно приближается к сущности вещей, нужен живой язык, не позволяющий слишком жестко стеснять себя философскому размышлению. Так, к примеру, вполне понятно и оправданно, что Маркс, который внес чрезвычайно большой вклад в разработку философски обоснованной концепции целостности (тотальности), без опаски применяет также более простые варианты понятия «тотальность», говоря о «совокупности (Totalitat) товаров», «совокупности (Totalitat) производительных сил» или о «совокупности (Totalitat) отраслей производства». Тем самым он хотел прежде всего постичь в полноте и единстве многообразие форм, в которых существуют товары, производительные силы, отрасли производства и т. д. на определенном уровне развития общества.

И все-таки нужно учитывать то, что указанная категория не исчерпывается этими определениями, что она не сводится к отражению полноты и единства многообразия. Напротив, истинная сила понятия целостности (тотальности) в том и состоит, что оно, в соответствии со своей диалектической сущностью, **дает возможность понять многообразие не только в его единстве, но одновременно в его движении и развитии**. Благодаря этому данное понятие отвечает требованию В. И. Ленина, которое является принципиальным требованием последовательного диалектико-материалистического философствования — **связать принцип единства с принципом развития**⁷⁸. В таком понимании категория целостности (тотальности) предстает как неотъемлемый инструмент диалектико-материалистического мышления, правильное, творческое и, стало быть, недогматическое применение которого помогает обогатить и углубить философское познание природы, общества и мышления.

Теоретический и методологический потенциал понятия целостности

С материалистической точки зрения развивающаяся целостность всегда имеет конкретно-исторический характер. Эта позиция диалектико-материалистической концепции целостности с самого начала диаметрально противоположна тем буржуазным учениям, которые просто-напросто возводят человеческое общество в ранг тотальности, то есть рассматривают социальное развитие — если оно вообще признается — как некий континуум, в основе которого лежит единая, неизменная сущность. Последняя часто мыслится как некоторая цель, которая должна быть достигнута и которая задана общественному развитию. Но человечество не есть **единое** общественное целое, **одна** органическая тотальность, которая движется к какой-то цели. Напротив, человечество — это совокупность конкретных общественных целостностей, экономически обусловленных социальных общностей, **общественно-экономических формаций**, которые исторически сменяют друг друга и конкретно сосуществуют друг с другом. И если мы отправляемся от этой основы, то и человеческую сущность мы тоже будем определять не как сущность человека **как таковую**, как нечто надисторическое и всегда себе тождественное, но поймем ее как ансамбль конкретных общественных отношений. А значит, поймем конкретно, поймем как нечто подверженное изменению вместе с самим этим ансамблем.

Диалектико-материалистическая трактовка целостности (тотальности) общества необходимо включает в себя идею революционного развития, которая позволяет различать разные общественные формации и объясняет их закономерную последовательность. При этом данная трактовка исходит из

⁷⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

того, что разные экономически обусловленные формы организации общества суть продукты материальных процессов развития.

Иными словами, она кладет в основу всякого рассмотрения общества закон исторического изменения общественно-экономических формаций. Смена разных общественных целостностей оказывается, таким образом, последовательностью общественно-экономических формаций, а последовательность общественно-экономических формаций есть следствие формирования качественно различных общественных целостностей. Трактовка общества как целостности, коль скоро она осуществляется с диалектико-материалистических позиций, не может проводиться в отрыве от марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций, а значит — в отрыве от определения конкретного *классового содержания* рассматриваемой формации. Указанная трактовка общества не является методологическим принципом, который существует помимо исследуемого содержания, выступая в качестве некоего образца для подражания; напротив, он теснейшим образом связан с этим содержанием и модифицируется им от случая к случаю.

Отсюда явствует, что руководствоваться идеей целостности (тотальности) — не значит сперва развивать ее теоретические и методологические проявления *вообще*, «в чистом мышлении», а затем в соответствии с ними судить о действительности. Понятие целостности (тотальности) должно быть определено таким образом, чтобы его можно было использовать для философского познания реальности. Иначе говоря, важно, чтобы оно оставалось подвижным, несхематичным. Этот принцип, справедливый для марксистско-ленинской философии в целом, не призывает к произволу, а подчеркивает недогматический характер нашей философии, который так усиленно оспаривается современной буржуазной философией и современным ревизионизмом. Этот принцип имеет совершенно особую значимость для диалектико-материалистической идеи целостности (тотальности). Ведь данное понятие охватывает не только отдельные моменты предмета, не только отдельные его стороны в их изолированности, но отражает этот предмет в его целостности и своеобразной индивидуальности.

Результатом *общего* анализа категории целостности (тотальности) могут быть поэтому лишь некоторые основополагающие определения и тезисы, подобные тем, которые демонстрирует Маркс применительно к понятию производства, «производства вообще»⁷⁹. Плодотворность понятия целостности (тотальности) выявляется только в том случае, если его

⁷⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 21.

применяют к конкретному предмету. В соответствии с природой предмета общие определения должны быть дополнены специфическими. Философское рассмотрение присущей качественно определенным формам развития целостности, которое ставит перед собой задачу постичь предмет в его внешних и внутренних опосредствованиях, а в результате этого — в его *собственной* жизни, в его *специфическом* движении и развитии, требует погружения в материал и поэтому несовместимо с методологическим схематизмом.

Чтобы выразить эту мысль несколько более пластично, можно сказать: большая разница — делать предметом исследования определенную общественно-экономическую формацию в ее идеальной форме или же исследовать с *помощью теории общественно-экономических формаций* определенное, конкретно-исторически существующее общество. В обоих случаях понятие целостности (тотальности) удерживает свою общую философскую определенность. Однако дополнения, модификации, которые оно претерпевает, находятся в соответствии с предметом познания. Чтобы идея целостности (тотальности) выполняла свою функцию как философско-методологический принцип, чтобы она могла стать «сознанием о форме внутреннего самодвижения содержания», «душой и понятием содержания», она должна отвлечься от внешней формы и полностью отдаться конкретному материалу. А это предполагает весьма умелое обращение с указанным понятием.

В приведенном примере различие, между прочим, будет состоять в том, что целостный подход в первом случае показывает необходимое *проистечение* друг из друга различных общественных целостностей, которые здесь следует конкретно понимать как определенные общественно-экономические формации. Во внутренней противоречивости общественно-экономической формации, развившейся в целостность, он открывает возможность и *историческую необходимость* перехода к новой, более высокой общественно-экономической формации, которая, в свою очередь, развивается в целостность. Вследствие этого определения целостности переживают известную идеализацию, по уровню обобщения соответствующую теории общественно-экономических формаций. Теория формаций, если ее конкретно сопоставлять с неисторическими концепциями истории, имеет — применительно к реальному историческому процессу — характер модели и потому является абстрактной.

Иную функцию выполняет данная теория при рассмотрении конкретной исторически существующей общественной целостности. Здесь реальному историческому процессу отводится гораздо больше места. И, вообще говоря, такое рассмотрение может подвести к выводу, что общество в его конкретно-

исторической определенности не разворачивается в зрелую целостность, из которой закономерно вырастает новая форма общественной организации, но что оно в силу стечения внутренних и внешних обстоятельств может оказаться в состоянии застоя или даже упадка. Отсюда, однако, не следует заключать, что при подобных предпосылках снимается значимость идеи целостности. Напротив, оказывается, что при исследовании хода развития реально существующего общественного организма, во-первых, те или иные общеполитические определения служат основополагающими ориентирами и, во-вторых, в соответствии с характером конкретного общественного организма они могут измениться или же отступить на задний план по сравнению с другими определениями.

Так, например, *противоречия сущности* играют главную роль при познании движения и развития объективных, реальных целостностей. В рамках теории формаций они объясняют внутреннее развитие общественного целого к стадии его зрелости и, далее, его *самоотрицание*, которое порождает новое общественное целое. Однако, как показывает реальный исторический процесс, эта смена формаций, рождение одна из другой качественно различных общественных целостностей протекает не по прямой восходящей линии, не как постоянный прогрессивный процесс. Так, определенные общества могут достигать высшего пункта своего развития, то есть формировать свою индивидуальную целостность, а затем впадать в состояние агонии, причем в их недрах так и не рождается новая общественная целостность. Это значит, что развитие противоречий сущности в их взаимосвязи с противоречиями существования может протекать таким образом, что исторический процесс окажется застопоренным и данное общество придет в упадок. Общий закон последовательности формаций и содержательно связанное с ним понятие общественной целостности могут служить руководящей нитью при исследовании конкретных исторических целостностей. Но при всем их методологическом значении мы не должны упускать из виду относительность содержательных определений, поскольку всеобщее в историческом прогрессе существует в особенном, в модифицированной форме.

Таким образом, для противоречий сущности характерна тенденция к порождению новой целостности. Аналогичным образом обстоит дело и с тем положением, что то или иное общество никогда не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых оно дает достаточно простора⁸⁰. В этом случае исторический процесс проявляется в *отдельных* отклонениях, модификациях данной общей закономерности, которые должны быть отражены понятием целостности. Так, необходимо

⁸⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

зафиксировать варианты развития, когда социальный организм, представляющий новую общественно-экономическую формацию, рождается в существующем обществе еще до того, как все производительные силы получают в его лоне такое развитие, какое допускают его производственные отношения. Развитие нового общества в целостность состоит в данном случае в том, чтобы сначала преодолеть отставание производительных сил от возможного уровня их развития в рамках старого общества, а уже потом выводить их на уровень, соответствующий сущности нового общества. Стало быть, нужно учитывать, что производственные отношения порой обгоняют в своем развитии производительные силы, что они могут стоять на более высоком уровне, чем производительные силы. При этом главной задачей нового общества может стать обеспечение соответствия этих двух сторон, и решить ее надо еще до того, как данное новое общество полностью выявит свою сущность и достигнет своей высшей индивидуальности.

Понятие целостности (тотальности) имеет уровень всеобщности, свойственный теории общественно-экономических формаций. Это предполагает, что его определение претерпевает в ходе конкретно-исторических исследований те или иные модификации. Пустым занятием было бы пытаться предугадать их наперед, *независимо от предмета познания*.

О первичном и вторичном

С учетом относительности общих определений, о которой шла речь выше, понимание общества как целостности в диалектико-материалистическом учении о формациях не означает, что мы подходим к обществу как к совокупности связей и отношений, которые предполагают и производят друг друга, что общественное целое составляет диалектическое единство многообразных моментов. Оно подчеркивает: в органической целостности общества имеют место *первичные моменты (приоритеты)*, отношения, доминирующие над другими отношениями и оказывающие на них влияние, налагающие на них отпечаток сообразно своей сущности.

Исходя из господствующей роли производственных отношений, которым принадлежит особое место в обществе, материалистическое понимание истории требует «рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — т. е. гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания... и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему,

конечно, можно будет изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами)⁸¹.

Таким образом, понимание общества как целостности требует не только исследования различных сторон, различных общественных сфер и моментов в их постоянном взаимном опосредствовании. Оно в той же мере предполагает изучение генезиса этих сфер и моментов, раскрытие зависимости их развития от характера пронизывающего общество фундаментального принципа, который проявляется в доминирующем моменте — в производственных отношениях.

Большое мировоззренческое значение этого основного тезиса диалектико-материалистической концепции целостности относительно господствующих моментов внутри последней бросается в глаза прежде всего тогда, когда речь идет о таком общественном целом, в котором переплетаются и взаимно обуславливают друг друга материальные и идеальные моменты. И если при его рассмотрении не отдается отчета в том, что существует первичное, обуславливающее, и вторичное, обусловленное, если материальные и идеальные моменты с самого начала трактуются как равноценные, то не может быть и речи о научном постижении истории.

Чтобы пояснить эту мысль, можно в качестве примера привести концепцию общества Георга Лукача. В сборнике статей «История и классовое сознание» (1919—1922), оказавшем в свое время очень большое влияние на мышление немалого числа прогрессивных буржуазных интеллигентов, влияние, в какой-то мере сохраняющееся до сих пор, игнорирование первичного в общественной целостности (тотальности), нивелирование материальных и идеальных моментов в ней, по существу, вело к отказу от философского материализма и к утрате революционного характера диалектики, который Лукач субъективно стремился защитить. Вследствие того, что Лукач не выделял отношения материального производства из ансамбля общественных отношений, вследствие того, что он понимал общественную целостность как единство материальных и идеальных компонентов, в котором сознание рассматривается не как явление, порожденное объективной реальностью и зависящее от нее, а недвусмысленно уравнивается с ней, он превратил идеальное в самостоятельную, конститутивную составную часть действительности. Тем самым он хотел теоретически обосновать свой тезис о совпадении теории и практики. Лукач не только смазал специфический статус материальных и идеальных отношений в обществе, но и прямо

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т., т. 2, с. 37. Выражению «весь процесс в целом» в оригинале соответствует «die Sache in ihrer Totalität». — Прим. перев.

противопоставил целостность (тотальность) как «центральную категорию» экономике. Так, он писал:

«Не господство экономических мотивов в объяснении истории решающим образом отличает марксизм от буржуазной науки, а точка зрения тотальности (Totalitat). Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частями составляет сущность метода, который Маркс заимствовал у Гегеля»⁸².

Лукач, таким образом, выдал идею целостности (тотальности), взятую абстрактно, вне противоположности философского материализма и идеализма, за сущность диалектического метода, лишив его, по существу, *мировоззренческого характера*. Он превратил диалектический метод в самостоятельную сущность, которая якобы ведет некую собственную абстрактную жизнь вне связи с основными философскими направлениями, и, по сути дела, отождествил метод Маркса и метод Гегеля, между тем как диалектический метод Маркса по своей основе «не только отличается от гегелевского, но является его прямой противоположностью»⁸³. Он относился к марксовой диалектике так, как если бы материалистическое основание было для нее чем-то внешним, привнесенным, что можно произвольно учитывать или игнорировать, не затрагивая сути диалектического метода.

Отсюда ясно, что, как только нарушается хотя бы один из основных принципов диалектико-материалистической концепции целостности (тотальности), это имеет своим следствием возникновение в последующем ошибочных взглядов. Ибо, писал В. И. Ленин, «в этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи»⁸⁴.

Целое вместе со своим становлением

Следующий принцип диалектико-материалистического рассмотрения общества под углом зрения целостности (тотальности) вытекает из осознания того, что истинное есть целое (das Ganze). В основе этого сформулированного уже Гегелем положения лежит идея, что не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением⁸⁵. Маркс считал себя единомышленником Гегеля в том (и все его теоретические труды служат тому живым примером), что суть дела исчерпывается лишь в

⁸² Lukacs G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik. Neuwied — Berlin (West), 1970, S. 94.

⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

⁸⁵ См.: Гегель. Соч., т. 4, с. 2.

его выполнении. Иначе говоря, чтобы действительно достичь полного знания о предмете, его следует познать в развитии, в становлении. Голый же результат, напротив, если вспомнить метафору Гегеля, есть труп, оставивший позади себя тенденцию⁸⁶.

Чтобы понять общество в его *собственной жизни* — а ничто иное и не является целью социально ориентированного рассмотрения идеи целостности, — нельзя, стало быть, ограничиваться исследованием результата исторического развития, то есть «готовой» общественно-экономической формации. В таком исследовании необходимо учитывать процесс *образования* конкретной формации, начинающийся в общем в недрах существующего, исторически отжившего общества. Это показывает *относительность* всякой общественной целостности, как вообще всякой определенной, конкретной целостности. Она является относительной в том плане, что *не несет в себе самой* своего начала, а зарождается в лоне предшествующего ей общественного целого. Общественные целостности, будучи относительными, являются *обусловленными, опосредствованными*. Они представляют собой продукты развития исторически отживших общественных целостностей и возникают как результат их противоречивого движения. Маркс прямо подчеркивает эту мысль, когда пишет:

«Нужно помнить, что новые производительные силы и производственные отношения не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона саму себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности»⁸⁷.

Концепция целостности в более широком смысле (о концепции целостности в более узком понимании мы еще будем говорить) включает в себя представление о тон фазе развития нового общества, в которой оно уже не существует. Познание этой прошлой исторической переходной стадии принадлежит к познанию целого, *углубляет* познание общества в его зрелости. Углубляет понимание, что общество впервые действительно может быть познано лишь при этом условии. И наоборот, знание о стадии зрелости общественной целостности позволяет острее увидеть значение и роль прошлого. Научное, философское знание социализма и коммунизма в их целостности не может обойтись без знания о становлении социализма, без знания о его предпосылках в недрах капиталистической общественной формации. Без знания об этом процессе не может быть познана сущность

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229.

коммунистической формации, а следовательно, сама эта формация в ее целостности.

В данной связи важно проводить различие между теми условиями, которые впервые порождают целостность, и теми, которые сама целостность порождает для собственного воспроизводства. ***Условия становления новой общественной целостности не являются условиями ее существования.*** По идеологическим мотивам это различие игнорируется буржуазной мыслью, и игнорируется не случайно.

Всякое общество как целостность имеет свои предпосылки, которые именно в качестве ***исторических*** предпосылок принадлежат прошлому и потому — ***истории становления*** этого общества, а не современной истории данного конкретного целого.

Они не являются моментом действительной, сформировавшейся целостности, но суть ее прошлые предпосылки. Предпосылки ее становления, ее возникновения как раз знаменуют собой то, что целостность еще не существует, а только ***становится***. Эти предпосылки исчезают вместе с появлением действительной целостности, которая сама, исходя из своей действительности, полагает условия своего осуществления. Целостность тогда уже, по словам Маркса, не исходит из предпосылок своего становления, но она сама предпослана и, исходя из самой себя, сама создает предпосылки своего сохранения и дальнейшего развития⁸⁸.

Если это снятие условий становления не учитывается, если условия становления толкуются прямо как условия тотальности, целостности, то это неизбежно ведет к апологии неготовых, нетипичных отношений, и значит, к недооценке развития. К. Маркс показывает эту дилемму на примере буржуазных экономистов, которые рассматривают капитал «как вечную и ***естественную*** (а не историческую) форму производства». Они стараются «оправдать капитал, выдавая условия его становления за условия его теперешнего осуществления; иными словами, те моменты, при которых капиталист еще присваивает себе что-нибудь в качестве не-капиталиста — так как он еще только становится капиталистом, — буржуазные экономисты выдают за те условия, при которых он присваивает себе нечто уже ***в качестве капиталиста***»⁸⁹.

И сегодня еще буржуазные идеологи пользуются этим приемом для очернения реального социализма. Один из такого рода тезисов — это тезис о военной угрозе миру во всем мире со стороны социалистических государств.

⁸⁸ См.: Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 448.

⁸⁹ Там же, с. 449.

Особое место на переднем крае борьбы против разрядки империалистические круги отводят мифу о «советской военной угрозе». Тем самым жизненно важная для реального социализма задача — защитить свои достижения от посягательств империализма, тенденция которого к безграничной экспансии закономерно определяет его агрессивный характер, — извращается по своему содержанию и используется для фальсификаций сущности социализма. Вырастающая из противоречий существования реального социализма, а не из противоречий его сущности ситуация, при которой мир и сегодня остается еще вооруженным, эта обусловленная единственно лишь существованием империализма ситуация выдается за доказательство того, что социализм и мир по своей сути не связаны друг с другом.

Империалистические силы пытаются сколотить идеологический капитал на том, что коммунистическая формация пока еще не развилась в зрелую целостность, не приобрела развитой, а значит, и универсальной формы, которая сделает чем-то само собою разумеющимся мирное строительство общества. Империалистические силы связывают опасность войны, которая порождается *сущностью капитализма, с* сущностью социализма и коммунизма и возлагают вину за ее возможность на новый общественный строй. Насколько несостоятельны подобные подтасовки, свидетельствует упорная борьба стран социалистического содружества за разрядку и разоружение.

Как возникает новое?

К содержанию концепции социальной целостности принадлежит, далее, более подробная характеристика становления новой общественной целостности в недрах старого общества. Данный процесс нельзя понимать как диффузное движение или как развитие некоторого зародыша, его нужно понимать как постепенное, совершающееся в отдельных точках разложение исторически изжившей себя целостности. Эта проведенная Марксом идея, имеющая далеко идущее теоретическое значение, присутствует уже у Гегеля, правда будучи вплетенной в идеалистический контекст его философии: «Это постепенное измельчание, не изменившее облика целого, прерывается восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира. Однако совершенной действительности в этом новом так же мало, как и в новорожденном младенце; и существенно не упускать этого из виду»⁹⁰.

Из этой мысли, между прочим, следует такой вывод: строго говоря, нельзя утверждать, что на определенном уровне развития общества формируется росток нового общества. В подобной формулировке, которая имеет хождение и вследствие ее наглядности, в большей или меньшей мере допускается

⁹⁰ Гегель. Соч., т. 4, с. 6.

уступка эволюционной концепции развития. Эта формулировка постольку искажает суть дела, поскольку развитие ростка, если уж использовать термины биологии, до зрелого растения является процессом, который характеризуется главным образом непрерывностью. Развитие же общества до зрелой целостности не протекает без революционного скачка, прерывающего относительную непрерывность развития. Процесс формирования новой общественной целостности представляет собой единство непрерывности и прерывности, эволюции и революции, причем революционная фаза **вплетаена** в процесс развития целостности и не предшествует этому процессу. Расхожая формулировка относительно «ростка» склоняет к эволюционной трактовке развития, поскольку формирование новой общественной целостности истолковывается ею лишь как вызревание этого ростка (или многих ростков), а не как такой процесс, который содержит в себе качественный скачок и, стало быть, конституирование **новой сущности**.

Наряду с данным аспектом необходимо иметь в виду и другой, с ним связанный: термин «росток» подкрепляет представление о том, что целостность имеет своим началом нечто простое, абстрактное, в процессе ее становления развивающееся в сложное, конкретное. Однако, писал К. Маркс, «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»⁹¹. Учитывая это обстоятельство, Маркс в своем **тезисе о разложении старой целостности в отдельных точках** исходит из того, что возникновение новой целостности начинается с целого ряда многообразных процессов, которые уже не соответствуют сущности старого общества и потому проявляются как «встречные тенденции», но при этом не складываются в органическое целое. Начало целостности не есть нечто «простое», как полагал объективный идеалист Гегель. В качестве такого начала выступает **распыленное многообразие**, отдельные элементы которого сами могут быть различной степени сложности. Это распыленное многообразие после революционного скачка конституируется и развивается дальше как единое, дифференцированное и противоречивое в себе целое.

Разложение приходящей в упадок целостности в отдельных ее точках начинается уже на стадии ее зрелости. Оно вызывается самой приходящей в упадок целостностью на основе ее внутренней противоречивости и вызывается необходимостью. Если данная целостность, подобно обществу, представляет собой единство материального и идеального, то описанный процесс имеет своим исходным пунктом материальную основу, мерцает то

⁹¹ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 37—38.

там, то здесь, постепенно захватывая все больше и больше сторон общественного организма, пока наконец («вспышка молнии») не становится неизбежной эпоха революционного изменения и наступает качественный переворот. В этой революционной фазе своего развития новая целостность высвобождает себя и следует уже своей собственной «судьбе». В данном процессе упраздняется условие ее становления, после чего она развивается *на собственной основе*.

Целостность как стадия зрелости

Социальная целостность в узком смысле (а в таком случае речь идет в первую очередь об обществе как целостности) ***есть определенная стадия развития общества, стадия его зрелости***. Поэтому общество как целостность представляет собой особый отрезок исторического процесса развития каждой общественно-экономической формации, который одновременно создает предпосылки для новой целостности⁹².

Когда же можно говорить о социальной целостности в смысле сформировавшегося, зрелого, развитого общества? Что касается развития буржуазного общества в целостность, то на этот счет мы читаем у К. Маркса: «Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»⁹³.

Подчинить себе все элементы общества или создать еще недостающие его моменты — в этом состоит процесс становления общества в целостность. Результатом является зрелая целостность, в которой все моменты соответствуют сущности целого. Развернутая целостность не сводится лишь к тому, что различные ее стороны стоят в необходимой взаимосвязи (Маркс называл это всего лишь тавтологией⁹⁴), но означает также, что названные стороны преобразованы в соответствии с единой сущностью, и это можно показать на примере различных моментов.

⁹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 155.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229. Выражениям «совокупное целое», «целостность» в оригинале соответствует термин «Totalitat». — Прим. перев.

⁹⁴ См. там же, т. 1, с. 229.

Становление общества как целостности тождественно созданию новых или превращению уже существующих элементов в такие, которые соответствуют характеру новой целостности, адекватны ее сущности. При этом не исключено, что в новой общественной целостности какое-то время еще продолжают сохраняться анклавы (элементы) старого общества, хотя они все-таки впоследствии подчиняются сущности новой целостности. В таком случае они могут существовать с пользой для нее и даже могут быть сознательно сохранены в ней. Например, сейчас в ГДР развиваются частное ремесло и народные промыслы. Государство, исходя из того, что они приносят пользу построению развитого социалистического общества, оказывает им помощь.

В процессе развития общества и те моменты, которые сами по себе, по своей сущности уже выпадают из старой целостности, тем не менее какое-то время могут оставаться интегрированными в нее. Это значит, что такие моменты, вопреки своему прогрессивному, разрушительному характеру, силой старой целостности оказываются долгое время интегрированными в общественный организм и—в конечном счете вразрез с их собственной природой — подчиненными сущности данной целостности. Такие моменты являются потенциальными формами проявления вышеописанного процесса разложения тотальности в отдельных точках. Это моменты, которые уже не соответствуют обществу и поэтому лишь отчасти встраиваются в жизнь старой целостности. Примером подобного рода могут служить существующие в системе капиталистической экономики потребительские общества, которые *юридически* выпадают из капиталистической собственности, но *экономически* целиком включаются в круговорот капитала. «Потребительские общества, которые в некоторых капиталистических странах играют значительную роль и располагают собственными довольно значительными производственными мощностями, а также, например, жилищно-кооперативные товарищества, патронируемые профсоюзами в ФРГ, по своей юридической форме отличаются от капиталистических отношений собственности на средства производства. Экономически же они включены в тотальность капиталистического способа производства и подчиняются господствующим в нем законам использования капитала»⁹⁵.

И все-таки возрастающее и стабилизирующее себя согласование различных социальных областей с совокупной общественной сущностью, которое должно рассматриваться как центральный критерий степени общественной целостности, не ведет к гармонизации в том ее смысле, что ликвидируется

⁹⁵ Cruger H. Gesellschaftsformation und gesellschaft-liche Totalitat. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie 1976, H. 9, S. 1130.

противоречивость внутри целостности. Напротив, гармония, как определял Гегель, представляет собой «соотношение качественных различий, взятых в их совокупности и вытекающих из сущности самой вещи»⁹⁶. Целостность и внутренняя противоречивость общества не исключают друг друга, напротив, социальная целостность немыслима без внутренних противоречий. Если бы дело обстояло не так, если бы в рамках целостности была достигнута лишенная всяких противоречий гармония, то это означало бы разрыв историчности, абсолютный общественный покой, ибо противоречие — источник всякого движения, а стало быть, и исторического прогресса.

Таким образом, если речь идет о растущем согласовании общественных явлений, то это не означает уменьшения их противоречивого характера, а свидетельствует об уменьшении их *самостоятельности*. Будучи конституированными целостностью, они низведены до положения *моментов*. Следовательно, они больше не предшествуют целостности как части некоторого механического целого, но предполагают ее для своего существования. Само различие их проистекает из общественного организма. Их живое различие есть жизнь самой целостности. В живом организме, писал К. Маркс, совершенно исчезает всякий след различных элементов как таковых. «Различие заключается здесь уже не в раздельном существовании различных элементов, а в живом движении отличных друг от друга функций, которые все одушевлены одной и той же жизнью. Таким образом, само их различие не предшествует в готовом виде этой жизни, а, напротив, само непрестанно вытекает из нее самой и столь же постоянно исчезает и парализуется в ней»⁹⁷. Этими словами Маркс уже во время переворота своих мировоззренческих позиций выразительно описал то, что следует понимать под целостностью, под конкретной тотальностью. Ибо термин «конкретный» в соответствии со своим латинским происхождением означает нечто вроде «сросшийся воедино», и это в точности соответствует сути дела.

Тотальность, целостность — это отнюдь не составленное из частей целое, а единство особого рода, чья специфика состоит в том, что оно представляет собой живое единство различных моментов, которые оно само порождает. Несмотря на свою постоянно воспроизводящуюся специфику, несмотря на свое различие, эти моменты проникнуты *одной сущностью*, «одушевлены одной и той же жизнью». И именно в этом смысле органическая целостность общества является конкретной, является конкретной тотальностью.

⁹⁶ Гегель. Эстетика. В 4-х т. М., 1968, т. 1, с. 149.

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 278—279.

Сегодня слово «конкретно» часто употребляется также в значении «действительно существующего», или «осязаемого», в противоположность к абстрактному в смысле «нечувственного», или «духовного». Но и при таком употреблении этого слова не выхолащивается смысл латинского «concretus», ибо действительное, объективно реальное как раз и есть сращенное, единство (das Eins-Sein) противоположностей, есть то, что остается нераздельным в различии и что человеческий ум в ходе духовного освоения вынужден разделять, превращать в абстракции, для устранения которых ему приходится прилагать потом столько усилий. В конечном счете лишь посредством диалектики, посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному, от абстрактно-всеобщего к конкретно-всеобщему человеческому уму удастся

воспроизводить материальные целостности как мыслительные целостности и таким образом познавать действительность в ее сущности, которая сама является противоречивой и изменчивой.

И если в данной связи говорится о тенденции к гармонизации, состоящей в том, что разворачивается сущность целостности, которая сообщается всем общественным сферам, становится распознаваемой в них, то это совсем не означает, например, что противоречие отходит на задний план по сравнению с тождеством или уступает ему свое место. Столь же мало это означает, что при изучении единства моментов целостности можно пренебрегать исследованием их различий. Уже К. Маркс предостерегал против того, чтобы на манер гегельянцев его времени, говоря о единстве и сущностном равенстве моментов некоторой целостности, забывать об их различии, во всем видеть одно и то же. «И это делается не только социалистическими беллетристами, но и самыми прозаическими экономистами... в той форме, что если рассматривать какой-нибудь народ в целом или также человечество in abstracto, то его производство будет его потреблением»⁹⁸. Маркс же пришел к другому результату. Он заключается не в том, что «производство, распределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что все они образуют собой части единого целого, различия внутри единства»⁹⁹.

Рассмотрение общества как целостности нацелено на органическое общественное целое. Но нацелено таким образом, что сохраняется специфика его различных элементов, причем эта специфика объясняется исходя из сущности целостности и сводится к ней.

Целостность как развитая индивидуальность

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 30.

⁹⁹ Там же, с. 36.

Своеобразие диалектики целостности таково, что она начинается в отдельных точках, как распыленное и лишь внешне соотнесенное многообразие. Но при этом, поскольку целостность положена как особенное существование, она может продолжать свое развитие и достигать полной зрелости, лишь если «катится дальше все ее содержание» (Гегель). «И этот прогресс есть развитие всей массы, развитие конкретной целостности (Totalitat)»¹⁰⁰.

Данное положение весьма актуально для теории коммунистической общественной формации. Наряду с прочим из него следует: социалистическое общество как низшая фаза единой коммунистической формации характеризуется не тем, что в нем как бы «заранее продуцируются» отдельные элементы высшей фазы и благодаря их количественному умножению, так сказать, «по кусочкам» возникает высшее качество коммунизма. Развитое социалистическое общество есть определенное историческое качество всей целостности общественной жизни, а не конгломерат общественных сфер, в котором отдельные составные части могут развиваться произвольным образом. Построение такого общества означает, что вызревает более высокое качество общественной жизни **в ее совокупности**. Нельзя поэтому обсуждать социально-историческое качество тех или иных сфер и сторон общества, рассматривая их изолированно друг от друга. О них следует судить, исходя из их места в целом, как о моментах формирующейся совокупности общественных отношений, взаимно обуславливающих друг друга, указывающих друг на друга. Всеобщие сущностные черты коммунизма, таким образом, непозволительно отделять от специфических особенностей социалистической фазы и ставить рядом с ними как предвосхищенные элементы коммунистического общества. Напротив, необходимо исходить из того, что, несмотря на свою относительную стабильность, изменяется и сама сущность общества. Она изменяется, становясь более зрелой, так что коммунизм все больше и больше развертывает свою индивидуальность в едином процессе, охватывающем все сферы общественной целостности.

Вообще становление целостности и формирование индивидуальности общества столь же мало чужды друг другу, сколь мало они являются параллельно протекающими процессами. Если к ним присмотреться поближе, они представляют собой **один и тот же процесс**. Ибо поскольку особенная сущность некоторой целостности делается все более всеобщей,

¹⁰⁰ Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Die Einleitung nach den Vorlesungen Hegels von 1823—1827/1828. — In: Hegel G. W. F. Samtliche Werke. Kritische Ausgabe. Leipzig, 1944, Bd. XVa S. 119.

постольку все отчетливей выступает также индивидуальность этой целостности, лишь ей одной присущий характер.

Процесс, в котором формируется целостность, а ее своеобразная сущность накладывает отпечаток на совокупность составляющих ее моментов, то есть процесс, в котором сущностные определения обнаруживаются в многообразных отношениях и который мы называем становлением целостностью, — этот процесс есть не что иное, как выражение отличительного характера целостности, ее *индивидуальности*. ***Развернутая целостность есть та стадия в развитии органического целого, на которой наиболее отчетливо выступает его индивидуальность, его сущностное своеобразие, на которой его специфические особенности достигают высшей ступени всеобщности.*** С этой точки зрения становление целостностью может также пониматься как процесс индивидуализации.

Тем самым мы прояснили еще один аспект противоречивости в становлении целостностью. Этот аспект заключается в том, что становление особенного как всеобщего не нивелирует это особенное, а как раз впервые позволяет ему выступить вполне отчетливо. Такое становление есть *одновременно* обособление. Его результатом является *индивидуальная* целостность, в которой особенность целого стала всеобщей характеристикой. Гегель, который интенсивно занимался этой проблемой, описал становление целостностью как процесс, в котором индивидуальность определяет себя к особенностям, но при этом отрицает особенность и возвращается к себе, так что реальная целостность, как он пишет, становится наполненной, то есть богатой определениями, и — как относящееся к самому себе негативное единство — существенно самостной и субъективной¹⁰¹.

Отмеченная здесь взаимосвязь между целостностью, индивидуальностью и субъективностью (в смысле активности) четко фиксируется В. И. Лениным, когда он отмечает: ***«Богаче всего самое конкретное, и самое субъективное»***¹⁰². Самое индивидуальное — самое богатое определениями. Многообразные определения преобразовались в соответствии с единой сущностью, стали формами проявления этой сущности. Целостность, определенная в своей внутренней противоречивости, есть — как развернутая сущность — *индивидуальность*.

¹⁰¹ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 2, с. 360.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 212.

V. ДИСКУССИИ О ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМЫ

Вопрос о соотношении идеи системы и идеи целостности, который все чаще поднимается в последние годы марксистскими философами, является одним из тех вопросов, которые непосредственно затрагивают и двигают вперед развитие марксистской философии. Он приобретает статус принципиального вопроса вследствие того, что при его решении речь идет не о философском познании частных моментов, а о сущности материалистической диалектики как универсальной философской теории и метода.

Следовательно, ответ на указанный вопрос может внести большой вклад в углубление понимания материалистической диалектики в целом и стимулировать ее дальнейшее творческое развитие. Чтобы ответить на поставленный вопрос, требуется именно тот творческий подход к марксистской философии, которого В. И. Ленин так настойчиво требовал и который применял сам, отличая от простой защиты марксизма. Недостаточность последней позиции В. И. Ленин критически вскрыл, между прочим, на примере Г. В. Плеханова. И по этой причине все более интенсивное изучение вопросов, группирующихся вокруг соотношения идеи системы и идеи целостности, имеет особую значимость.

Как толчок к целенаправленному исследованию названного соотношения следует рассматривать феномен тех первых преувеличенных надежд, под влиянием которых в середине 60-х годов часто вообще не проводилось различия между теорией систем и марксистской философией, а теория систем трактовалась как философия.

Успехи кибернетики и различных форм системно-теоретических исследований в многочисленных научных дисциплинах (например, в биологии, социологии, политэкономии, психологии и лингвистике) способствовали тому, что в философии имело место безотчетное заимствование понятий и методов теории систем, заимствование, которое натолкнулось на оправданный отпор. Но в этой связи важно отметить, что критике были подвергнуты не кибернетика и другие системные науки, а упрощенности и искажения в трактовке соотношения между теорией систем и философией.

Уже в 1969 г. Курт Хагер указал на далеко идущие последствия лобового отождествления теории систем и философии, системного анализа и диалектики: «Следствием схематического применения кибернетических методов к анализу общественных процессов является упразднение диалектики как неотъемлемой теоретической основы правильного понимания

в высшей степени сложных взаимосвязей между материальными и идеологическими отношениями, между базисом и надстройкой, между обществом, классом и личностью и т. д. Диалектический анализ живых, противоречивых общественных процессов подменяется функциональной схемой, причем нередко из виду выпускается именно специфически социальная, классово обусловленная сущность общественных процессов... Чтобы двинуться дальше, чтобы полностью развернуть все потенции кибернетики на основе марксистско-ленинской теории общества и эффективно использовать ее при решении встающих задач, мы крайне нуждаемся в творческих дискуссиях о пока еще открытых проблемах развития кибернетики и других организационных наук»¹⁰³.

За это время диспут продвинулся далеко вперед. Тем не менее он пока еще не привел к определенному результату, причиной чего, без сомнения, в значительной мере является сложность самой проблематики. И состоит она не только в том, что имеются многие сосуществующие и дополняющие друг друга системные концепции¹⁰⁴ и что общая теория систем (ОТС) пока еще не существует в полностью отработанной форме. Само понятие «система» выступает в столь многообразных вариантах, что принципиальное и всеохватывающее прояснение вопроса о соотношении понятия «система» и понятия «целостность» (что является лишь иным способом выражения вопроса о соотношении между теорией систем и диалектикой) кажется едва ли возможным или по меньшей мере чрезвычайно затруднительным¹⁰⁵.

¹⁰³ Tagung des ZK der SED, 28./29. April 1969. Hager K. Grundfragen des geistigen Lebens. Berlin, 1970 S. 48-49.

¹⁰⁴ По существу, различаются три системные концепции:

- структурная концепция системы, рассматривает систему как целостность взаимосвязанных элементов, причем соотношения между элементами придают системе дополнительное качество, которое не может быть сведено к элементам системы;
- функциональная концепция системы отвлекается от внутреннего строения системы и ограничивается поведением некоторой целостности в ее среде. Функциональная концепция системы подменяет вопрос о сущности вещи операционалистским вопросом о ее поведении. В соответствии с принципом «черного ящика» система характеризуется путем выявления определенных взаимосвязей между ее внешними свойствами. В разряд этих свойств попадают в особенности входные и выходные параметры; если нужно описать конституцию самой системы, иногда включаются также и так называемые параметры состояния. Функциональную концепцию системы интересует не вопрос «Что такое данная вещь?», а вопрос «Что она делает?»;
- иерархическая концепция системы подчеркивает, что элементы некоторой системы опять-таки можно рассматривать как системы, а саму систему следует понимать как элемент более широкой системы. Таким образом, существует много уровней целостностей и частей, много подсистем и суперсистем, причем целостность — это часть ближайшего более высокого уровня, а часть — это целостность ближайшего более низкого уровня. Иными словами, системный подход возможен на различных уровнях такой иерархии (Systemtheorie als Wissenschaftsprogramm. Kdnigstein/Ts., 1978).

¹⁰⁵ Уже только различные определения систем как моделей и систем как объективно существующих реальностей ведут к различным философским выводам.

Современные трудности в удовлетворительном определении соотношения между системным мышлением и диалектикой заключаются, на наш взгляд, прежде всего в том, что понятие «система», которое имеет за собой значительную традицию в философском мышлении, в новое время получило распространение в такой версии, в которой был утрачен его *философский характер*.

Однако нам не поможет пойти дальше и альтернативная постановка вопроса: может ли понятие «система» все еще считаться философской категорией или нет ввиду такого своего развития в новое время? В такой абстрактной постановке данный вопрос является столь же бессмысленным, как если бы мы хотели задать его относительно понятия «работа». Ибо существует физическое понятие «работа» и наряду с ним имеются различные философские категории труда. Точно так же мы должны сегодня исходить из того, что есть понятие «система» в системных науках и есть философское понятие «система». Два эти понятия соприкасаются, что естественно, поскольку одно понятие (в данном случае понятие «система» в системных науках) развивается из другого (из философского понятия системы) и в конечном счете становится рядом с ним как иное понятие. Но оба эти понятия нельзя подменять друг другом, то есть нельзя вновь внедрять в философию понятие «система», заимствованное из теории систем.

Касаясь неправильного применения физического понятия «работа» в политэкономии и анализируя случай, сходный с постулированием системно-научного понятия «система» в качестве философской категории в наши дни, Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы»: *«Работа.*— Эта категория переносится механической теорией теплоты из политической экономии в физику (ибо *в физиологическом, отношении* она еще далеко не определена научным образом), но при этом определяется совершенно иначе, что видно уже из того, что лишь совершенно незначительную, второстепенную часть экономической работы (поднимание тяжестей и т.д.) можно выразить в килограммометрах. Несмотря на это, имеется склонность переносить обратно термодинамическое понятие работы в те науки, из которых эта категория заимствована с иным определением... Кое-кто, по-видимому, даже непрочь перенести термодинамическую категорию работы обратно также и в политическую экономию, — как это делают некоторые дарвинисты с борьбой за существование, — причем в итоге получилась бы только чепуха»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 624, 625. 2 Это развитие можно свести, в сущности, к четырем источникам: 1) к общей теории систем Людвиг фон Берталанфи; 2) к кибернетике Норберта Винера вместе с его предшественниками и последователями в теории управления и теории информации; 3) к многочисленным практически ориентированным системным подходам, таким,

И в нашем случае дело обстоит точно так же. Мы хотим тем самым еще раз подчеркнуть, что возникновение нефилософских вариантов понятия системы ни в коем случае не упраздняет философского понятия «система», не делает его необоснованным или излишним. Но оно заставляет заново осмыслить его содержание.

Стремительное развитие системного мышления, происходившее в сороковые годы нашего века в самых разных дисциплинах, оттесняло на задний план традиционную философскую идею системы или наслаивалось на нее. В силу интегративного характера системного мышления возможности его применения необычайно широки. Все это привело к непредвиденному распространению понятия системы даже в повседневном языке, в результате чего оно стало расхожим термином.

Одно из основополагающих различий между философским понятием системы и данным понятием в теории систем, различие, на которое уже много раз указывалось в литературе, заключается в том, что в последнем не учитываются *мировоззренческие* аспекты постановки того или иного вопроса. Данная мировоззренческая индифферентность в первую очередь и делает необходимым принципиальное разграничение между философским понятием системы и понятием системы в теории систем. А это ставит критику тенденции к смазыванию качественных различий между философией и теорией систем, между материалистической диалектикой и методами теории систем в ряд принципиальных вопросов. Для системно-теоретических анализов совершенно безразлично, например, о чем идет речь при рассмотрении воздействующих друг на друга элементов некоторой системы — об элементах материальной или идеальной природы. Но в философском исследовании данный момент имеет первостепенное значение. Более того, он никак *не может* быть принижен в философских анализах именно потому, что философия *необходимо* носит мировоззренческий характер.

Но эта безотносительность господствующего в настоящее время понятия системы (и примыкающих к нему понятий «структура», «функция», «элемент») к мировоззренческим вопросам делает совершенно ясной необходимость принципиального отпора устремлениям к слиянию диалектики и теории систем. Сложилось понимание того, что подобный симбиоз неизбежно ведет к выхолащиванию диалектики, значение и сила которой состоят именно в том, что она, говоря словами Ф. Энгельса, «в зародыше содержит цельное мировоззрение». Диалектика — это не

как исследование операций, системный анализ и системотехника; и наконец 4) к современной математике (Systemtheorie als Wissenschaftsprogramm, S. 13—14).

абстрактный, формальный метод, а содержательный метод, который, несмотря на высокую степень своей всеобщности, должен ориентироваться на конкретный предмет. Она является теорией, способной постигать *сущность* вещей. Напротив, системное мышление современной чеканки не отражает ни качества, ни сущности эмпирических объектов. Его специфика состоит в том, чтобы в высшей степени абстрактным образом — по большей части в форме математических моделей — фиксировать определенные *формы* организации, *отношения* порядка и *образцы* поведения вещей и процессов независимо от их эмпирического содержания. В этом состоит научная потенция системного мышления, но здесь одновременно и причина его ограниченности. С общефилософской точки зрения это значит: идея системы в теории систем нацелена на квалифицированное отображение отдельных формальных определенностей вещей.

Отсюда явствует, что вводимое теорией систем «уточнение» диалектики неизбежно должно вести к ликвидации содержательного момента и тем самым — мировоззренческого ее содержания. А это выбивает из рук трудящихся самый острый теоретический инструмент и лишает его мировоззрение философской основы. С таким ходом вещей наш идеологический противник может быть вполне согласен.

В соответствии с этим представляется чрезвычайно настоятельной потребность отграничить философское понятие системы от аналогичного понятия общей теории систем. Это нужно не в последнюю очередь для того, чтобы лучше понять сами системные науки и специфику достигнутых ими результатов, чтобы лучше их оценить. И если линию водораздела между ними невозможно пока еще прочертить достаточно четко, то это объясняется происхождением понятия «система», применяемого в общей теории систем, из философского понятия «система», уходящего своими корнями в древнегреческую философию. Однако данное обстоятельство никоим образом не может узаконить такое понятие системы, в котором произвольно смешивались бы системно-научные и философские моменты. Подобное гибридное понятие должно быть решительно отклонено — для блага философии и теории систем.

Если мы обратимся к первоначальному, философски ориентированному системному мышлению (из которого теория систем заимствовала существенные аспекты и использовала в своих целях), то сюда должны быть отнесены усилия, направленные на более глубокое постижение философского вопроса об отношении целого к своим частям.

Слово «systema» на греческом языке означает «составление» и отражает тот простой опыт, что вещи не являются аморфными, нерасчлененными и при ближайшем рассмотрении оказываются «составленными» из «частей», которые можно расчленить.

Но из того, что был осознан основополагающий факт расчлененности вещей, не было сделано единых выводов. В подходе к проблеме целостности, как и к другим философским вопросам, можно выделить две противоположные линии. Первая линия, так сказать, «атомистически» считает, что части предшествуют целому. А Другая линия, так сказать, «холистски» предпосылает целое его частям.

Последняя традиция существенным образом связана с именем Аристотеля, которого можно рассматривать как первооткрывателя своеобразия органического целого в сравнении с другими формами целостности. «*Атомистическая*» же линия, которая часто имела материалистическую ориентацию, коренится в философии Левкиппа и Демокрита. Несмотря на односторонность этих двух концепций, обе они двинули философское мышление вперед, *обе* создали решающие предпосылки, без которых немыслимо было бы диалектико-материалистическое понимание целостности в его сегодняшней дифференцированности.

При этом следует подчеркнуть, что названные линии в истории философского мышления редко строго отделены друг от друга. Намного чаще мы находим их взаимные перекрещивания и напластования, так что метафизические и диалектические мыслительные ходы по проблеме целостности весьма близко соседствуют. И если все-таки обе концепции целостности столетиями присутствовали в философском мышлении, то нельзя забывать, что господство одного или другого образа мысли вытекало из конкретных общественных условий и фундаментальных научных, теоретических воззрений эпохи.

Главенствующая философия средневековья, *схоластика*, которая использовала интерпретацию аристотелевских трудов для узаконения существующих общественных и религиозных отношений, разделяла с Аристотелем и его понимание целостности. Но философы того времени не довольствовались простым воспроизведением аристотелевских мыслей. В подразделении различных форм целостности они вышли за пределы своего образца и достигли при регистрации различных значений самого слова «целостность» такого проникновения в проблему, которое еще и сегодня приводит в удивление.

Чтобы дать некоторое самое приблизительное представление о достойном внимания проблемном сознании схоластической, а также аверроистской философии XIII в. в этом вопросе, уместно сделать некоторые короткие замечания. Это тем более стоит сделать, что философия средних веков в недавнем прошлом часто огульно и несправедливо недооценивалась.

При философском обсуждении проблемы целого и его частей представители схоластической философии исходили из того, что оба понятия являются коррелятивными (соотносительными). Этот тезис, как показывает история философии, отнюдь не принадлежит к числу самоочевидных¹⁰⁷. В соответствии с воззрениями теоретических умов этого времени делимость и часть относились к области количества. Поэтому количественное целое (*totum quantitativum*) они считали первым и начальным видом целостности. Определение Аристотеля, связанное с математическим пониманием количественного целого, определение, в соответствии с которым мы имеем дело с частью тогда, когда каким-то образом делим количество, привело уже в схоластике к различению так называемых аликвотных и аликвантных частей.

Но гораздо большее значение имело различие между гомогенным и гетерогенным целым, которое мы находим у Фомы Аквинского. Это различие учитывает тот факт, что определенные виды целостностей состоят из подобных частей (например, литр воды), другие же, напротив, составлены из неподобных частей (например, лошадь). Уже на этих выбранных Фомой Аквинским примерах видно, что понятие гетерогенного целого нужно ему для философского постижения организма, который представляется ему тем более совершенным и высокоорганизованным, чем более дифференцированно он структурирован и расчленен. Ибо, как аргументирует Фома Аквинский, чтобы осуществлять различные деятельности, необходимы различные органы, которые, в свою очередь, при росте их числа предполагают также единство более высокого уровня.

Фома Аквинский, который особенно способствовал осмыслению проблематики целостности, наряду с различием между гетерогенным и гомогенным целым провел также различие между «количественной

¹⁰⁷ Зенон, например, приходит к отрицанию возможности целого, состоящего из частей, отправляясь от своего математически выдержанного мыслительного эксперимента с летящей стрелой. Поскольку Зенон совершает процедуру деления таким образом, что отрезки пролетаемого стрелой пути делятся и расчленяются на все более мелкие части, эти отрезки утрачивают характер единого и целого. Элейцу не удастся мыслить части в целом и целое — в частях. Где есть части, там нет целого. Затронутая в этой связи проблема движения тоже получила соответствующую трактовку. Так как стрела накладывается на полученные в результате процедуры деления атомы пути, то подвергается отрицанию и движение. Если не может быть состоящего из частей целого, не может быть и движения.

целостностью», «целостностью сущности» и «целостностью в соответствии с силой и действенной способностью», а также выдвинул другие классификации видов и родов целого, которые пересекаются с вышеназванными. Согласно его концепции, всякое целое может быть сведено к трем родам, а именно: к универсальному, интегральному и потенциальному (возможному) целому. Эту классификацию Фома Аквинский намечает прежде всего в связи с обсуждением вопроса о добродетели; она ведет к дальнейшим дифференциациям в употреблении понятия «*totum potentiale*» («потенциальное целое»). С потенциальной целостностью, между прочим, мы имеем дело и тогда, когда такой навык или добродетель, как смелость, в трудных ситуациях требуется и проявляется в полной мере, а в других ситуациях — лишь «отчасти».

Введенное Фомой Аквинским понятие «*totum universale*» («универсальное целое») предназначено для фиксации понятийного целого: когда понятие рассматривается в его составе из частных содержаний, оно приурочивается к «*totum essentiale*» («сущностному целому»). Понятие интегрального целого, стало быть, пересекается прежде всего с видами целого, названными в первой классификации; интегральному, целостному человеку принадлежат как его существенные части форма и материя, душа и тело. Точно так же целостному человеку принадлежат зрение или воля как интегральные части его способности действовать. Количественное целое может состоять из интегральных частей — это выясняется, согласно Фоме Аквинскому, из того, что в «целом» литре молока сплошь и рядом не хватает одной или больше капель, которые уже как бы не являются интегральной частью. Фома ясно отметил этот широкий объем понятия «интегральная часть». Прототип интегрального целого, части которого необходимы для того, чтобы оно было неповрежденным и полным (интегральными называются как раз те части, из которых, согласно Фоме, составляется совершенство некоторого целого), — это гетерогенное целое, например человек. Если у такого целого отсутствует одна из его важнейших частей, то оно уже не является больше целокупным, а является ущербным, представляет собой нечто искаженное, обрубленное, как торс. Следовательно, в интегральном гетерогенном целом необходимо провести дополнительное различие между существенными и акцидентальными (несущественными, случайными) частями. При этом надо отметить, что Фома Аквинский в рамках своего учения об абстракции называет акцидентальными также те части, которые не включаются в определение существенных частей субстанции. Ту мысль, что несущественная, второстепенная часть — это не интегральная часть гетерогенного целого, Фома поясняет изречением: «Лысые — не калеки». И в самом деле, не волосы делают человека целым, то есть совершенным.

Дальнейшее различие, проведенное Фомой Аквинским, касается естественных целостностей (например, организмы) и искусственных целостностей (например, дома). Первые—это нечто «просто единое» и только «в известном отношении многое». Последние, наоборот, представляют собой нечто «просто многое» и только «в известном отношении единое», а именно благодаря «составлению» и «нагромождению» прежде раздельно существовавших материалов.

Поэтому получающееся путем составления и расположения целое можно назвать также «упорядоченным целым».

Как раз последнее определение, которое целое сводит к механическому целому, обнаруживает сродство с понятием «система». Сродство, которое подчеркивается еще и тем, что такое упорядоченное целое Фома Аквинский видел также в универсуме, который позже, с развитием астрономии, выдавался за главнейшую модель для системного мышления. Он мыслил целостность универсума скорее по аналогии с артефактом¹⁰⁸, чем по аналогии с организмом, так что в этом пункте его можно рассматривать как предшественника механистической концепции мира, которой предстояло начать свое победное шествие в последующие столетия. Правда, тогда она вырастала из материалистических позиций¹⁰⁹.

Уже фрагментарно изложенные нами мысли Фомы Аквинского наглядно показывают, сколь мало оправдан упомянутый выше и до сегодняшнего дня еще не искорененный предрассудок, будто абстрактные понятийные анализы схоластики представляют собой бесполезное словесное крохоборство. Напротив, эти анализы говорят, что и в них побеждает непрерывность философского мышления, та непрерывность, без которой не были бы возможны ни системное мышление механистического материализма, ни идея тотальности идеалистической диалектики. Обе эти традиции на свой лад оплодотворили философское мышление и продвинули его вперед в направлении последовательно научной, диалектико-материалистической концепции целостности, высшей точкой которой является понятие развивающейся тотальности.

¹⁰⁸ Артефакт (лат. arte—искусственно+factus—сделанный) — в данном случае продукт чьей-то деятельности в отличие от природных вещей. — Прим. ред.

¹⁰⁹ Противоположное этому предположение о существовании мировой души, выражающейся в универсуме и всех его частях, которое выдвинул в средние века Авицеброн, а в начале нового времени — Джордано Бруно, должно было привести ко взгляду на универсум как на организм. Для доказательства этого нужны дальнейшие исследования. Они, наверное, могут раскрыть доселе еще неизвестные, небезынтересные соединительные линии, связывающие этот взгляд с диалектической концепцией целостности немецкого классического идеализма.

Однако весомые результаты, достигнутые средневековой философией, апеллировавшей к Аристотелю в развитии понятия целостности, в последующем едва ли сыграли какую-то роль. С выступлением новых классовых сил на исходе XV в., которое сигнализировало о приходе новой общественной формации и открыло продолжавшуюся вплоть до 1789 г. эпоху упадка феодализма, произошла переориентация мышления, в результате которой проблема целостности утратила свое преимущественное положение.

Стремительно возраставший интерес буржуазии к развитию производительных сил, ее стремление вытеснить феодальную идеологию привели не просто к триумфу науки над верой, но также к такому переплетению философии и науки, подобие которого до той поры имело место только в эпоху античности. Но там, конечно, оно проявилось еще в совершенно первоначальной, неразвитой форме, поскольку науки лишь начинали эмансипироваться от философии.

Растущий престиж естественнонаучного мышления XV и XVI вв., берущего за образец строгость математики, не мог длительное время оставаться без последствий для философского мышления. И не только в том смысле, что философия благодаря своему контакту с частными науками (особую роль играли в это время астрономия и механика) все больше и больше склонялась к материалистическим позициям. Присущие естествознанию методы расчленения объектов изучения, его стремление к математически строгому их постижению вызвали в философии преобладание метафизических, то есть недиалектических, представлений. Это коснулось также проблемы целого и его частей. Особенно в философии XVII и XVIII вв. она утрачивала свое значение, поскольку механистическое объяснение организма делало излишним его рассмотрение как целостности особого рода.

Господствовавшее механистическое представление о целом нивелировало различные формы целостности. Тогда признавалась лишь одна форма целостности — агрегат. Даже человек объяснялся как целое, функционирующее наподобие механических систем, как целое, в которое входило также мышление. В книге «Человек-машина» (1747) французского философа-материалиста Жюльена Офре де Ламетри эта концепция нашла свое образное выражение.

В философии того времени особое внимание уделялось поэтому логическим и математическим аспектам целого и его частей. Явное пристрастие к идее системы стоит в теснейшей связи с описанным ходом развития. Идея составления различных частей в упорядоченное целое, в некую систему как-то по-особому соответствовала кредо естествознания и философии того времени. Ведь их цель в значительной мере состояла в том, чтобы собирать и

систематически упорядочивать новые знания, то есть устанавливать между ними **взаимосвязь**, пусть в конечном счете еще чисто внешним образом.

С материалистических позиций рассматривалась не только система мира, планетная система, «естественная система» растений и животных. И сама философия строила себе свои системы. Эти системы сначала были ориентированы рационалистически (Рене Декарт, Томас Гоббс), причем главный угол зрения задавался математизацией научного познания. Но вскоре они были подвергнуты критике и сменены сенсуалистскими представлениями о системе, типичными для философии Просвещения. Однако применимость **обоих** видов представлений о системе определялась в первую очередь теми принципами, которые были положены в их основу. Поэтому определения понятия системы в меньшей степени относились к «естественным системам», чем к системам мысли.

К классическим дефинициям системы принадлежит, без сомнения, определение Этьена Бонно де Кондильяка. Он сформулировал его в своем «Трактате о системах», вышедшем в 1749 г. С небольшими изменениями это определение было воспроизведено в знаменитой «Энциклопедии» и отчасти даже в «Grand Larousse» (Paris, 1964). Оно гласит: «Всякая система есть не что иное, как расположение различных частей какого-нибудь искусства или науки в известном порядке, в котором они все взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются первыми. Части, содержащие объяснения других частей, называются **принципами**, и система тем более совершенна, чем меньше число ее принципов; желательно даже, чтобы число их сводилось к одному»¹¹⁰.

Решающий вклад в диалектическое преодоление механистической идеи целого, характерной для философии поднимающейся буржуазии, внесла **немецкая классическая философия** от Канта до Гегеля. Она преодолела механически-материалистическое понимание системы, сводившее ее к простому агрегату. Элементы уже не рассматривались в ней как соотнесенные лишь чисто внешне, и вследствие этого сама система не объяснялась как соединение готовых элементов. Большой шаг вперед, сделанный немецким классическим идеализмом в разработке проблематики целостности, состоял в том, что его представители понимали части не как детерминанты целого, а рассматривали целое как такое динамическое единство, которое из себя самого рождает необходимые для своего существования части, само их производит и воспроизводит.

Однако эта динамическая концепция системы, которая выразила новое мыслительное содержание понятием **тотальности**, была завоевана ценой

¹¹⁰ Кондильяк. Соч. В 3-х т. М., 1982, т. 2, с. 6.

отказа от материалистической точки зрения, от материализма. Его слабость, правильно распознанная и справедливо раскритикованная идеализмом, состояла тогда в том, что объективный мир он понимал лишь как нечто пассивное, но не как творчески активное начало. В реальных условиях эпохи, когда деятельное бытие и духовность были слиты воедино, механистическое понятие системы по необходимости можно было преодолеть лишь одним способом — сливая систему и идеальность.

Развитие качественно новой идеи целостности, начинающееся с Канта, продолженное Фихте и Шеллингом, достигло своей высшей на этом этапе точки и завершения в философии Гегеля¹¹¹. Гегель противопоставил целому, созданному путем агрегации, органическое (определенное идеей) целое, которое формируется благодаря своей собственной активности, которое, как он говорит, само производит себя как система. При этом Гегель, однако, не ограничился тем, что вновь ввел в системное мышление ранее недооцененный качественный момент. Его великое достижение состоит в первую очередь в том, что он связал органическую концепцию целого с идеей самодвижения и развития, что он понял *систему как тотальность*. Целостность, представленную как систему, или тотальность, он рассматривал не как сущее, но как *становящееся* целое, которое отличается от механического целого преимущественно своим *имманентным* — проистекающим из внутренней противоречивости — развитием и *сущностным единством*.

Однако чрезвычайно плодотворная мысль о соединении диалектических концепций целостности и развития вследствие гегелевского идеализма оказалась обременена такими выводами, с которыми не может согласиться диалектико-материалистическая философия. Один из них — это тезис о простом начале тотальности, который Гегель вновь и вновь выдает за важнейшую, фундаментальную черту веяного становления целого: «Но подлинным значением системы является тотальность, и она истинна лишь как такая тотальность, которая начинается с самого простого и путем развития делается все более конкретной»¹¹². Идеалистически интерпретированное тождество мышления и бытия побуждало Гегеля к тому, чтобы в процессе развития духа, его восхождения от абстрактного к конкретному видеть воплощение движения и развития к тотальности, целостности вообще. Философская наука Гегеля возвела духовное, идеальное в ранг единственной силы, которая исходя из себя самой развертывается в

¹¹¹ Leske M. Die Kategorie der Totalitat in der marxistisch-leninistischen Dialektik. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1978, H. 3, S. 324—330.

¹¹² Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Die Einleitung nach den Vorlesungen Hegels von 1823 bis 1827/28. — In: Hegel G. W. F. Samtliche Werke. Kritische Ausgabe, Bd. XVa, S. 118.

систему. Философия, которая является истинно системосозидающей, по преимуществу представляет собой для него производство системы.

С сегодняшней точки зрения есть, таким образом, две проблемы, по которым нужно размежеваться с Гегелем в его понимании системы, или тотальности: первая — сведение тотальности в конечном счете к сфере идеального, духовного и вторая — недифференцированное отождествление системы и тотальности.

Первая проблема была решена благодаря победе материализма в послегегелевской философии, которую вслед за Людвигом Фейербахом совершили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Вторая проблема занимает нас еще и сегодня; сегодня вообще она впервые предстает перед нами в своей необходимой ясности и остроте. Образование самостоятельной теории систем, как мы видели, внесло существенный вклад в осознание данной проблемы, однако ее решение остается за философией.

Прежде чем дальше обсуждать этот вопрос, нужно сделать несколько замечаний по проблеме абстрактного и конкретного, которые имеют отношение к материалистической концепции целостности (тотальности). Преодолевая гегелевское идеалистическое понимание тотальности, она не может исходить из того, что становление целостностей как в материальной, так и в идеальной области совершается просто как движение от абстрактного к конкретному. По сути дела, речь идет о вопросе, существует ли объективно-реальная абстракция, и на этот вопрос, по нашему мнению, следует *в философском плане* ответить отрицательно.

Если допускается объективно реальное абстрактное, с чем нередко можно столкнуться в философской литературе, то в качестве аргумента по большей части привлекаются высказывания К. Маркса об «абстрактном человеке», об «абстрактном индивиде» или об «абстрактных общественных отношениях», которые служат и для доказательства «абстрактного бытия» объективной реальности. Однако тот факт, что экономическое учение Маркса демонстрирует образцовое применение материалистической диалектики, не может оправдать этот упрощенческий подход, ибо содержание политэкономических и философских тезисов принадлежит к различным уровням отражения действительности. Так, индивид «абстрактен», если его рассматривать исходя из процесса обращения капитала, но не в общеполитическом смысле. Если не иметь в виду данное необходимое ограничение, то неизбежно возникает сомнительный вывод: абстрактный человек — это отчужденный человек; он является абстрактным потому, что отчужден. Стало быть, и отчуждение представляет собой общий признак объективной реальности. Если пытаться обосновывать измерение

абстрактного в материальном мире с помощью «абстрактного индивида» или «абстрактных отношений» буржуазного общества, то последовательности ради нужно также признать отчуждение в качестве универсально-значимой философской категории.

Однако отказ от неправомерного сверствания политэкономических, а в более общем плане — частнонаучных тезисов с философскими еще не решает самой проблемы. Он еще не дает ответа, можно ли вообще говорить о том, что объективная действительность является как конкретной, так и абстрактной. Когда наряду с конкретностью материального мира подчеркивается также его абстрактность, то данная формулировка, без сомнения, должна акцентировать, что объективная реальность представляет собой единство бесконечного многообразия, что природа есть "и мгновение *и* отношение"¹¹³, и структура и процесс. Но действительно ли понятие «абстрактное» в строгом его смысле здесь подходит — это еще вопрос.

Проблема актуальная, но далеко не новая. Еще до того, как Боэций ввел в философский язык понятие абстрактного в виде латинского термина «abstractum», Аристотель интенсивно занимался понятийным различением того, что изолировано в мышлении, от действительно, реально разделенного, различением, которого не содержалось в полемически рассматриваемой им философии Платона. Аристотель ориентируется на то, чтобы применять понятие абстрактного для обозначения тех определенностей, которые можно мыслить раздельными, но которые в действительности никогда не существуют отдельно от действительного субстрата. Он указывает на искусственный характер операции и одновременно подчеркивает «онтологическую» несамостоятельность абстракций, которые Платон в форме «идей» признавал как раз в качестве изначально существующего. Для Платона чувственное в противоположность чистым, идеальным существованиям представляет собой результат акта «привхождения»; для Аристотеля же, напротив, конкретное целое является первоначальным, из которого лишь путем «изымания», некоторого процесса абстрагирования могут быть мысленно изолированы определения частей.

Уже у Боэция и во всей латинской традиции аристотелевский термин «choriston», с помощью которого обозначалась «онтологическая раздельность», передавался как с помощью термина «abstractum», так и с помощью термина «separatum». Это смешение двух видов раздельности отяготило понятие абстрактного двусмысленностью, которая оказалась весьма устойчивой. С нею связан средневековый спор об универсалиях. И

¹¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 190.

сегодня еще, как мы видели, идет борьба вокруг содержательного определения понятия «абстрактное».

Если понятие «абстрактное» понимают как отражение объективно отстраняющихся, ограничивающихся друг от друга сторон некоторого целого, если субъективное абстрактное воспринимают как идеальное отображение объективного абстрактного, то, по нашему мнению, утрачивается *подлинное* содержание данного понятия, его смысл. Ибо этот смысл, если говорить точно, состоит не в том, чтобы схватывать объективную ограниченность вещей и явлений или их различных сторон и моментов. Специфическое назначение диалектико-материалистической категории абстрактного заключается, *во-первых*, в том, чтобы выразить, что различные стороны и моменты, которые в вещах существуют лишь во взаимосвязи друг с другом и благодаря этой взаимосвязи, в *мышлении*, однако, и *только* в мышлении, только в процессе познания изымаются из этой универсальной взаимосвязи и *фиксируются* в своей односторонности, в своей отделенности. Абстрактное, если брать его философское измерение, обозначает ту особенность мышления, что в ходе духовного освоения конкретной действительности оно прежде всего разлагает эту конкретность на непосредственные определения, причем материалистическая теория познания предполагает и подчеркивает промежуточный характер этой стадии познания.

К этому нужно добавить, *во-вторых*, другой момент, который имеет едва ли не большее значение. А именно это мгновенное расчленение конкретной действительности в мышлении, придание односторонности ее «многосторонности» *всегда является также процессом обобщения*. Абстрактное, которое проявляется в виде абстрактных понятий, есть — потому что мы его мыслим — всегда что-то *общее*. Имеет место противоречие между *словом* и *вещью*, на которое указал Ленин, опираясь на Гегеля и Фейербаха. Фейербах отмечал в «Основных положениях философии будущего»: «В начале феноменологии мы прямо наталкиваемся на противоречие между *словом*, представляющим нечто общее, и *вещью*, которая всегда единична»¹¹⁴.

В. И. Ленин в этой связи замечает, беря свои слова в двойную рамку: «Всякое слово (речь) уже *обобщает...* Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее»¹¹⁵. Тем самым он подхватывает идею Гегеля о том, что сущее постигается не как сущее, а его постижение (мышление) есть превращение его во всеобщее. Так, Гегель пишет: «Мыслить эмпирический мир — значит,

¹¹⁴ Фейербах Л. Избр. филос. произв. М., 1955, т. 1, с. 174.

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 246.

наоборот, существенно изменить его эмпирическую форму и превратить его в некое всеобщее. Мышление вместе с тем совершает отрицательную деятельность по отношению к эмпирической основе: воспринимаемый материал, определяемый посредством всеобщности, *не остается* в своей первоначальной эмпирической форме. При этом выявляется внутреннее содержание воспринимаемого вместе с отстранением (Entfernung) и отрицанием его оболочки...»¹¹⁶.

Отдельное, каким оно существует объективно и реально, мы не можем мыслить, не можем выразить в слове; стало быть, мы имеем его лишь в чувствах. «Восприятие как таковое всегда есть нечто единичное и преходящее; познание, однако, не останавливается на нем, а в воспринятом единичном оно отыскивает всеобщее и пребывающее... В восприятии мы имеем многообразное конкретное, определения которого мы должны разобрать подобно тому, как снимают слои с луковицы... Анализ есть, однако, переход от непосредственности восприятия к мысли, поскольку определения, объединенные в анализируемом предмете, получают форму всеобщности благодаря тому, что их отделяют друг от друга»¹¹⁷ (В нашем *мышлении* мы имеем лишь *общее* — либо абстрактное, либо в конкретной форме. Но это значит, что само по себе мышление, именно из-за своей общности, является в целом всегда абстрактным, даже если оно предстает перед нами в своей высшей, диалектической, то есть конкретной, форме. И разумное мышление, диалектическое мышление, которое имеет форму конкретно-всеобщего, будучи мыслью, тоже абстрактно. Одновременно, однако, оно является конкретным, ибо его всеобщность — *«не простое, формальное единство, но единство различных определений»*¹¹⁸.

Это все же не значит, как иногда полагают, что специфика мыслительных актов, с помощью которых мы духовно осваиваем объективную реальность, ставит под сомнение то, что наше познание является отражением мира. Абстрактное в человеческом уме имеет объективное содержание. Но не потому, что оно является непосредственным, прямым (плоским) отражением «объективного абстрактного», а потому, что оно представляет собой объективное многообразие, которое в отдельном всегда удерживает всеобщее, имеет его своим основанием. Односторонность и всеобщность, противоречивым образом связанные друг с другом в абстрактном¹¹⁹, не

¹¹⁶ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с.171.

¹¹⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 150.

¹¹⁸ Там же, с. 210.

¹¹⁹ Абстрактное или, точнее, абстрактно-всеобщее несет в самом себе противоречие. Оно относится к определенным, отдельным сторонам объективной реальности, но может их выражать

являются фикциями, а вырастают из реальных данностей. Поэтому мы можем с полным основанием говорить об **объективном содержании** абстрактного, даже если мы трактуем его лишь как момент субъективности, сознания, лишь как субъективное абстрактное, а не как «предметное определение наличного существования в философском смысле»¹²⁰.

Если абстрактное «онтологизируется», процесс познания упрощается, тривиализуется, чего совсем не происходит на деле. Мышление «проясняет» действительность не так, как это делает фотографический аппарат, — а именно к этому клонится противопоставление «объективного» и субъективного абстрактного, оно осваивает действительность **своим способом**. Понятие абстрактного служит для более точного определения этого особого способа духовного освоения мира в сознании.

Ленинское замечание о том, что природа «и конкретна **и** абстрактна»¹²¹, следует поэтому понимать в изложенном выше смысле. Тем более что Ленин тотчас уточняет: человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике. Признание «объективного абстрактного» по своей тенденции ведет, вольно или невольно, к метафизическому образу мыслей. Ибо метафизика состоит в том, чтобы логическую конструкцию тождественной вещи — конструкцию, которая является безусловно необходимой для науки абстракцией, — выдавать за материальную реальность, то есть **абстракции считать реальностями**. Точка зрения, что будто существует объективно-абстрактное, есть точка зрения метафизики.

Однако вернемся к соотношению между системой и тотальностью, целостностью. В современной марксистской философии понятие «система» в последнее время усиленно применяется для того, чтобы обозначить определенные внешние взаимосвязи внутри некоторого целого. Такое употребление понятия «система» отчетливо отличается от более раннего, когда считалось, что данное понятие показывает «процесс самодвижения» и что с его помощью преодолевается метафизическое представление о целом. Это толкование сегодня уже не является общепризнанным. Интенсивная материалистическая разработка гегелевской диалектики, которой так настойчиво требовал В. И. Ленин, все более и более укрепляет понимание того, что понятие системы и его дополнение, понятие элемента, коль скоро

лишь в форме всеобщности. Его поэтому следует понимать как особую форму всеобщего в мышлении.

¹²⁰ Концепцию, в соответствии с которой абстрактное есть «определение объекта созерцания», а не специфическая форма его отражения в сознании, среди прочих защищал Э. В. Ильенков.

¹²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 190.

они не в состоянии уловить *самодвижение* органического целого, страдают тем же недостатком, который Гегель уже выявил в понятийной паре «часть — целое».

Гегель пришел к выводу, что названные категории даже в их диалектической трактовке имеют в себе едва ли истребимый недialeктический момент, который надо видеть и учитывать. «*Отношение целого и частей*, — говорится в «Энциклопедии философских наук», — есть непосредственное и потому лишенное мысли отношение и переход тождества-с-собой в разность. Здесь переходят от целого к частям и от частей к целому, забывая, что каждый из этих двух членов противоположен другому, и принимая то целое, то части за самостоятельные существования. Или, иными словами, так как части существуют *в* целом, а целое состоит *из* частей, то в разное время то один, то другой член есть *устойчивое* существование, а его другое — *несущественное*»¹²².

В том, что части самостоятельны по отношению друг к другу и к целому, состоит, согласно Гегелю, *механическое* отношение в своей поверхностной форме. Эта концепция полностью разделяется марксистской философией. Так, Энгельс в «Диалектике природы», явно исходя непосредственно из Гегеля¹²³, прямо подчеркивал, что категории части и целого принадлежат к внешним, механическим отношениям и становятся недостаточными уже в органической природе¹²⁴.

Аналогичным образом обстоит дело с понятийной парой «система — элемент». Как целое состоит из частей будто из своих «кирпичиков», так и система конституируется из предпосланных элементов, которые взаимодействуют между собою и тем самым определяют характер системного целого. Недостаток этой концепции состоит в том, что и точка зрения *взаимодействия*, доминирующая в представлении о системном целом, не способна действительно схватить *внутренние* взаимосвязи

¹²² Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 302.

¹²³ «Отношение целого и частей как непосредственное отношение есть нечто очень понятное рефлектирующему рассудку, и он поэтому часто удовлетворяется им даже там, где на самом деле имеют место более глубокие отношения. Так, например, члены и органы живого тела должны рассматриваться не только как его части, так как они есть то, что они есть, лишь в их единстве и отнюдь не относятся безразлично к последнему. Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома, но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами. Этим мы не хотим сказать, что такое разложение не должно вообще иметь места, но что внешнего и механического отношения целого и частей недостаточно, для того чтобы познать органическую жизнь в ее истине. И если так обстоит дело с органической жизнью, то в гораздо большей мере это верно в случае применения этого отношения к духу и образованиям духовного мира» (Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 301—302). Тем самым Гегель прежде всего намекает на проблему познания общества!

¹²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 528.

органического целого. Ибо когда говорят о том, что нечто оказывает влияние на другое нечто и наоборот, оба данные явления становятся во внешнюю взаимосвязь и исходным пунктом выступает то, что оба они самостоятельны. Это значит, что под углом зрения **взаимодействия** различных сторон и членов органического целого внутренние взаимосвязи в конечном счете рассматриваются как внешние. Хотя данный момент и является необходимой ступенью в познании целого, он не может быть искомой целью познания, стремящегося к предельной адекватности.

Когда Гегель подчеркивает, что подлинным значением системы является тотальность¹²⁵, данной формулировкой он отводит системному мышлению место необходимой, но **недостаточной** ступени философского познания, которое должно идти дальше, к постижению тотальности, чтобы освободиться от односторонности и достичь истины. А истиной является целое.

Эти идеи Гегеля опираются прежде всего на разработанное им диалектическое учение о рассудке и разуме, которому марксистская философия пока еще уделяла мало внимания, хотя оно способно содействовать прояснению не только интересующих нас здесь вопросов. Центральная мысль этого учения состоит в том, что рассудочное мышление как разделяющее мышление сохраняет противоположность определений целого, удерживает их раздельными. Так, рассудок может **приурочить** определения друг к другу, но он не в состоянии заставить перейти их в свою противоположность, то есть не может понять их как противоречивые. Рассудок поэтому оказывается конечным мышлением, чьим принципом является **тождество**. Разум, напротив, имеет своим принципом **тотальность**, то есть он настолько двигает мышление вперед, что противоположности становятся текущими. Как диалектическое познание, он пробивается к противоречию и тем самым — к самодвижению и развитию, становясь таким образом бесконечным.

Для материалистической диалектики отсюда вытекает, что философское рассмотрение системы составляет существенный **узловой пункт** в постижении органических целостностей, но не более чем **промежуточную станцию** на этом пути. Для системного мышления в философии тоже характерно то, что оно постигает **внутренние** взаимосвязи лишь в форме **внешности** (Ausserliehkeit), ибо оно рассматривает вещи или, лучше сказать, их различные стороны и органы как данные, как наличные и существующие. Так что, опираясь на Гегеля, вполне можно назвать

¹²⁵ Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Die Einleitung nach den Vorlesungen Hegels von 1823 bis 1827/28. — In: Hegel G. W. F. Samtliche Werke. Kritische Ausgabe, Bd. XVa, S. 118.

системное мышление формой рассудочного мышления (в противоположность разумному мышлению).

В соответствии с этим характером рассудочного мышления его категориями опять-таки являются категории внешности. Наряду с «системой», «элементом», «структурой» и т. д. сюда относятся также такие категории, как «каузальность», «взаимодействие», «явление».

Диалектическое целостное мышление, как разумное мышление, напротив, не оставляет элементы некоторой системы в их самостоятельности и данности, а постигает их в их генезисе и в их изменчивости, в их актуальном становлении, то есть низводит их до роли **моментов**. (Слово «момент» здесь очень подходит, потому что оно включает в себя временной оттенок и тем самым ориентирует на становление и исчезновение данной вещи.) Основу для этого составляет, во-первых, опосредствование данной стороны или определенности ее противоположностью, то есть постижение их в свойственной им противоречивости, и, во-вторых, постижение различных сторон и составных частей исходя из противоречивого сущностного единства, которое либо впервые порождает эти стороны и части, либо делает их тем, что они собой представляют¹²⁶.

При таком подходе рассматриваемую целостность вообще понимают уже не только в ее «**бытии**» (как это имеет место при системном рассмотрении), но в ее «**становлении**», то есть **в единстве ее возникновения, самосохранения и исчезновения**. Категориями, которые движутся на этом уровне, помимо «целостности» и «момента» являются «противоречие», «сущность» и «основание».

Если принять во внимание, что Гегель рассматривает разум только как рассудочный разум или рассудок только как разумный рассудок, так что рассудок и разум истолковываются им в их диалектическом единстве, то это еще раз подкрепляет выдвинутый выше тезис, что системное мышление представляет собой **узловой пункт** на пути к истинно диалектическому познанию. Оно, как доказывает история философского мышления, **исторически** выступило в качестве такого узлового пункта. И в **систематическом** отношении оно постоянно вновь и вновь выступает как таковое.

Коль скоро, напротив, системный подход абсолютизируется, коль скоро при его использовании довольствуются точкой зрения внешнего или внутреннего взаимодействия, то элементы системы превращаются, так сказать, в ее

¹²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 448.

«атомы», и требовать, чтобы эти атомы составили органическое целое, все равно что требовать квадратуры круга¹²⁷.

Замечание Ф. Энгельса о том, что познание не идет дальше взаимодействия вещей, нельзя поэтому понимать ложным образом. Это замечание призвано подчеркнуть универсальную взаимосвязь количественно и качественно бесконечных форм материи, их самодвижение и имманентную им творческую силу, то есть выразить последовательно *материалистическую* точку зрения, которая делает излишним принятие некоторого находящегося вне мира творца, «бога» или чего-то подобного¹²⁸. Но эта формулировка не означает, что познание не может проникать в более глубокие взаимосвязи объективной реальности, чем взаимодействие.

В какой мере В. И. Ленин был согласен с соответствующими размышлениями Гегеля относительно взаимодействия, видно из его замечаний в конспекте «Науки логики». Гегель писал: «Но хотя взаимодействие есть, несомненно, ближайшая истина отношения причины и действия и оно стоит, так сказать, на пороге понятия, однако, именно поэтому нельзя удовлетворяться применением этого отношения, поскольку дело идет о познании, постигающем в понятиях. Если остановиться на том, чтобы рассматривать данное содержание только с точки зрения взаимодействия, то это на самом деле способ рассмотрения, в котором совершенно отсутствует понятие. В этом случае имеют дело только с сухим фактом, и опять-таки остается неудовлетворенным требование опосредствования, в чем как раз прежде всего и заключается дело, когда применяют отношение причинности. При ближайшем рассмотрении неудовлетворительность в применении отношения взаимодействия заключается в том, что это отношение вместо того, чтобы быть эквивалентом понятия, само должно быть понято. А чтобы понять отношение взаимодействия, мы не должны оставлять обе стороны отношения как непосредственно данные; но... их должно признать моментами третьего, более высокого определения, именно понятия. Так, например, если мы будем считать нравы спартанского народа действием его общественного строя и, наоборот, общественный строй действием нравов, то мы будем, может быть, иметь правильный взгляд на историю этого народа, **но это понимание не даст все же никакого окончательного удовлетворения**, потому что мы с помощью такого объяснения не поймем ни общественного строя, ни нравов этого народа. Понять это можно будет только тогда, если мы постигнем, что обе стороны отношения, как и все прочие особые стороны, которые вошли в

¹²⁷ См. там же, т. 3, с. 461.

¹²⁸ См.: Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546.

жизнь и в историю спартанского народа, вытекали из того понятия, которое лежало в основе их всех»¹²⁹.

То, что Гегель стремится пояснить здесь на примере спартанского народа, в другом месте он выражает следующими словами: «Если довольствоваться такими категориями, как «большое влияние», то между обоими явлениями устанавливают внешнюю взаимосвязь и исходят из той точки зрения, что оба являются самостоятельно существующими. Но здесь мы должны рассматривать это отношение (имеется в виду отношение между политической сферой и философией.—*Прим. авт.*) под другой категорией, не под категорией влияния, воздействия друг на друга. Существенной категорией является единство всех этих различных формообразований, в результате чего в различных моментах выступает и выражается *единый* дух»¹³⁰.

Аналогичное место, показывающее возможности концепции целостности (тотальности), имеется у К. Маркса в первоначальном варианте «Капитала», в «Экономических рукописях 1857—1859 годов». Оно гласит: «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это — то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется»¹³¹.

То, что у Гегеля выражено в идеалистической оболочке и материалистически интерпретировано Марксом, составляет, так сказать, сердцевинный тезис диалектической идеи целостности. Для идеалиста Гегеля *понятие* вещи является тем, что позволяет объяснять различные ее стороны и части; для материалиста Маркса, напротив, постижение «общего освещения, в сферу действия которого попали все другие цвета» означает не что иное, как постижение специфической сущности данного предмета в ее противоречивости и объективности. А исходя из этого — способность объяснить различные стороны и части вещей в их движении (и, соответственно, в их понятийно постигнутом взаимодействии), в их происхождении из данной сущности. Эта концепция, которая постигает предмет в его целостности, была названа Марксом истинно философской, диалектической точкой зрения. По его словам, которые ныне так же

¹²⁹ Цит по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 146—147.

¹³⁰ Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie.— In: Hegel G. W. F. Werke in zwanzig Bänden, Bd. 18, S. 70.

¹³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 43.

актуальны, как и прежде, философски рассмотреть нечто — значит постичь его *своеобразную сущность*, а не его отношение к другому¹³².

Выявление опосредствованности одной вещи другою — это очерченная выше внешняя точка зрения, детерминистская точка зрения, лишь выраженная в несколько ином виде, чем те, что рассматривались нами ранее. Она тоже является необходимой, но недостаточной для истинно философского рассмотрения. Последнее же нацелено, по своей сути, как мы видели, на бесконечное опосредствование вещи самою собою, то есть на постижение *ее существенной внутренней противоречивости, на познание ее самодвижения и развития*. Только раскрытие отношения внутренней существенной противоречивости и связанного с нею развития позволяет понять становление, существование и исчезновение высокоорганизованных целостностей, понять их необходимость и сущность. А тем самым понять их в их целостности (тотальности).

Эта концепция, в которой системное мышление диалектически снято как необходимая ступень, выступает, стало быть, как истинно революционное мышление, ибо оно включает в себя *всесторонность* рассмотрения (которую никак нельзя путать с количественной полнотой!), точно так же как и точку зрения *историчности*. Оно сознательно противостоит односторонности и поверхности мышления, всерьез относясь к положению: истинное есть целое.

VI. «СМЫСЛ» ИСТОРИИ, «СМЫСЛ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Предварительные вопросы относительно «смысла»

Возникновение и развитие человеческого общества — это объективный, закономерно обусловленный процесс, в ходе которого дальнейшее движение общества с необходимостью происходит от достигнутых конкретных ступеней развития. То, что это движение по своей общей тенденции имеет характер восходящего развития, прогресса, является результатом действия — на основе внешних условий — внутренних механизмов общества, в которых субъективные факторы связаны с объективными. В данном процессе одинаково мало можно обнаружить как объективно поставленную цель, так и

¹³² К. Маркс фиксирует эту мысль в связи с критикой гегелевской философии права: «Выборы рассматриваются не философски, т. е. не в их специфической сущности, когда их сразу берут в отношении к власти государя или же к правительственной власти» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 360).

объективно положенный смысл. Существование человечества и его историческое развитие так же мало предустановлены к исполнению некоего «смысла», как существование жизни и материи вообще. Человеческое общество возникло не ради выполнения какой-то «цели», а потому, что объективные условия и законы привели к его возникновению. Аналогичным образом дальнейшее развитие человеческого общества не было результатом воздействия объективно положенной «цели» или «смысла», а явилось необходимым продуктом движения и разрешения объективных и субъективных противоречий, составляющих поле реальных причин, из действия которых проистекает исторический прогресс.

Категории «*цель*» и «*смысл*» вполне правомерно употребляются при *определении человеческой деятельности*. Деятельность людей соотнесена с выполнением поставленных задач, достижением целей и имеет свое смысловое содержание в диалектике средств и целей. Следовательно, не может быть и речи об отбрасывании этих понятий. В марксистско-ленинской философии они являются неотъемлемыми. Главное здесь в том, чтобы отмежеваться от попыток и тенденций перенести целевую и смысловую определенность человеческой деятельности под углом зрения телеологии на мир вообще, на человеческое общество или отдельные этапы его развития. Этот антропоморфизм выступает как идеализм и религиозное мышление, ибо с ним связано явное или неявное предположение, что смысл земным событиям придает трансцендентная сущность. Но даже если такой персонализации не происходит и смысловая определенность приписывается самому движению материи, все равно в подобном случае имеет место отход от материалистической позиции.

Ошибка заключается в том, что определенный тип закономерных взаимосвязей — *структурно-функциональные отношения* — переносятся на бытие общества, на реальность как таковую. Отдельные организмы, популяции, общества, классы, государства и т. д. как комплексные целостности организованы структурно-функционально, то есть их части и отдельные области упорядочены в единство так, что обеспечивается существование и развитие целого. Отдельные органы живого тела выполняют внутри целого и для целого некоторую функцию и служат некоторой цели, постольку их существование и функционирование имеет «смысл», который вытекает из необходимости сохранить существование целого. Научное объяснение этой функциональной определенности исходит из диалектически понятой категории причинности. Причинность следует толковать не как чисто линейную, механическую, как следствие отдельно взятого действия такой же отдельной причины, а как комплекс условий, в котором имеются и функциональные взаимосвязи, и определяющее,

организующее воздействие комплексного целого на его отдельные части. Возникновение последних необходимо, стало быть, объяснять не только каузально-генетически, но также функционально-генетически, исходя из внутренних требований существования и движения целого.

В этом заключается «телеономический» момент, который занимал уже Канта, Шеллинга и Гегеля и из которого они сделали идеалистические выводы. Однако структура реальной целостности не определяется духом, не является идеальным агентом, а представляет собой объективную реальность, материю. И потому воздействие целого на возникновение, функционирование и развитие его частей объяснимо исходя из посылок диалектико-материалистически понятой причинности, без обращения к идеалистическим, телеологическим вспомогательным конструкциям.

То, что верно в отношении внутренней структурной взаимосвязи некоторой тотальности, имеет силу также и применительно к развитию, которое всегда является движением конкретных цельных объектов и потому тоже принадлежит к типу тотальности. В марксистской философской литературе встречаются попытки объяснить направленность развития вообще и социального развития в частности, исходя из его обусловленности относительными целями, целями данного цикла развития. Так как развитие имеет системный аспект, то в нем наличествуют внутренние функциональные отношения. Но это не оправдывает подмены принципа каузально-генетического рассмотрения принципом телеологического рассмотрения.

Развитие общества не есть развитие абстрактной системы «общество вообще»; оно представляет собой движение отдельных социальных организмов, которые определены существенными чертами данной общественной формации и исторически конкретными внутренними и внешними условиями. То, что развитие социальных организмов направлено, то, что оно представляет собой **одно** из многих возможных движений, объясняется объективными предпосылками, а именно движением внутренних и внешних противоречий. В силу их воздействия движение стремится к определенному состоянию с необходимостью, имеющей характер тенденции. Это состояние есть функция, **производный** момент движения реальных возможностей в сфере действия объективных законов исторически определенной социальной среды. Оно представляет собой результат борьбы социальных сил. Было бы ошибкой ставить взаимосвязи с ног на голову и выдавать результат, к которому с необходимостью привело развитие, за результат, обусловленный целью. То, что за феодализмом следует капитализм и так далее, не есть сцепление объективных частичных целей, из которых формируется совокупная цель истории, а есть результат внутренних

противоречий переживающей упадок низшей формации. Именно направленное давление объективных обстоятельств и условий имеет своим итогом соответствующую деятельность социальных сил. **В**

целях, выдвигаемых этими силами, **отражаются объективные возможности и необходимости**, причем прогрессивная альтернатива воплощает собой внутреннюю историческую тенденцию движения основополагающих материальных противоречий. «Объективные цели» — это те состояния, достижению которых общественные движения с необходимостью содействуют вследствие объективных противоречий.

«Смысловые» отношения внутри комплексного целого представлены в действительности в самых разных видах; речь здесь всегда идет о функциональных отношениях, наличие которых удостоверяет выполнение целей частями некоторой целостности внутри ее и для нее. Иное дело, когда структурно-функциональный подход применяется к таким целостностям, как человеческое общество как таковое или реальность вообще. В таком случае смысл превращается в бессмыслицу, ибо человеческое общество не есть функциональный орган более широкого комплексного целого (например, нашей Земли или нашей планетной системы), без которого общество было бы нежизнеспособным. Человеческое общество, как и реальность вообще, несет свой «смысл» в себе самом — оно целесообразно упорядочено, но не является элементом всеохватывающей целевой рациональности. Поэтому на вопрос: «Почему существует человеческое общество?» — можно ответить только причинно, но ни в коем случае не телеологически, а вопрос: «Почему имеет место реальность?» — вообще бессмысленный. Человеческое общество существует не для определенной **цели**, а вследствие определенных, исторически возникших **причин**. И реальность просто имеет место, у нее нет никакого начала, никакой цели, никакого осмысленного движения.

Утверждение, что у наличного бытия нет никакого объективного смысла, подчас наталкивается на сопротивление, часто мотивированное больше эмоционально, чем рационально. Ведь иногда кажется, что тем самым отрицается смысл любого человеческого действия, любых стремлений и напряжения сил индивидов и больших групп. Между тем это ложное предположение. Деятельность, стремление и борьба, страдания индивида и многих людей занимают свое специфическое место в движении конкретной целостности — группы, класса, нации, общества. С этим движением они соотносены смысловым образом, поскольку они являются необходимым функциональным условием существования и развития более крупного целого. Но в силу этого «жизнь как таковая» не приобретает смысла — она не служит выполнению какой-то более высокой цели, — смысл приобретает жизнь, деятельные усилия индивидов и социальных групп. Ведь их усилия,

коль скоро они руководствуются прогрессивными ценностными установками, соотнесены с рациональной целью, возникающей при функционировании некоторого общественного целого. Отсюда вытекает также подход к ответу на вопрос о смысле жизни индивида при социализме.

Кажется противоречивым, что элемент целого имеет определенный смысл, в котором отказано самому целому. Между тем это есть противоречие самой действительности. Научными средствами нельзя доказать ни смысла существования жизни на Земле, ни смысла существования и развития человеческого общества. Все смысловые конструкции суть недопустимое перенесение функциональных условий внутри комплексных целостностей на такие целостности, относительно которых вопрос о функциональных (иерархических) соотношениях превращается в мнимую проблему. Над вопросом о том, почему вообще существует нечто, а не ничто, ломали голову уже средневековые схоласты. И надо отметить, без успеха. Марксистско-ленинская философия не может возвращаться к превратному схоластическому способу мышления, когда она пытается прояснить, почему (для какой цели) существует жизнь и человеческое общество.

«Почему?» может быта понято научным образом не как телеологическое, а только как причинное отношение. А именно понято путем диалектического рассмотрения, которое признает функциональные взаимосвязи, а значит, и объективные целевые отношения в структуре и движении комплексных целостностей. На вопрос:

«Почему существует и развивается человеческое общество?» — наука дает ответ, изучая и изображая объективные условия, необходимым следствием которых было возникновение и развитие человеческого общества. Развитие человечества — это естественноисторический процесс. Причем естественноисторичность следует понимать диалектически, как всемирно-историческую *тенденцию*, которая включает многообразные отклонения от определенной теоретически «идеальной» линии исторического развития. Условия, вызывающие развитие общества, действуют не как линейные причинные взаимосвязи, а как комплексные целостности, которые содержат в себе конкурирующие возможности.

Случайно ли возникло человечество?

Диалектико-материалистический способ рассмотрения доказывает свою правоту и в вопросе о возникновении человечества. В то время как, согласно идеалистическим и религиозным представлениям, данный процесс есть исполнение некоторого «смысла», мы, в соответствии с материалистической концепцией, объясняем его, исходя из объективных условий и законов. Человечество должно было возникнуть не потому, что таинственный

зиждатель смысла поставил перед ним вселенскую задачу, а потому, что соотношение объективных данностей с необходимостью вело к формированию человеческого общества. Необходимость, определявшая этот процесс, не имела ничего общего с соотношением целей и средств, а была необходимостью причин (условий) и следствий. При этом речь идет не о линейной причинности. Прогрессивное развитие комплекса условий, которые способствовали возникновению жизни и позднее — возникновению человеческого общества, совершалось не по прямой линии постоянного движения вперед — это было бы чем-то вроде телеологического процесса с обратным знаком. Условия, которые привели к возникновению человеческого общества, составляли ансамбль предпосылок и факторов, включавших диалектику возможного, вероятного и действительного, случайного и необходимого. Возникновение человечества не было фатальным образом предустановлено уже в первых проявлениях жизни на Земле, но после появления высокоорганизованных существ оно имело характер возможности, впрочем, при таком сгущении условий, когда вероятность его была почти равна единице.

Прогрессирующее развитие жизни ко все более высоким формам организации, движение человечества от более низких к более развитым формам существования имеют определенную последовательность, объективную необходимость. Если эту цепь восходящих состояний рассматривать ретроспективно, как некую развивающуюся целостность, то она окажется целесообразной. Это значит, что механизм смены более низких ступеней развития более высокими, который следует объяснять каузально-генетически, представляется функциональным элементом некой целевой соотнесенности земного бытия. Кто смотрит на вещи таким образом, тот, между прочим, совершает ошибку, приписывая более высоким при данных условиях ступеням развития также и более высокую онтологическую ценность; тем самым он молчаливо предполагает то, что еще только требуется доказать. Определять, что является более низким, а что более высоким, следует в соответствии с научно установленными критериями, которые отражают объективные взаимосвязи. «Более низкое» и «более высокое» — это научные обозначения объективно существующих состояний, процессов развития. Состояние Земли перед возникновением жизни или перед возникновением человечества по своему «ценностному содержанию» не было «более низким», чем после этого. Просто для него было характерно господство иных условий по сравнению с теми, которые установились позднее. «Высшее» в марксистско-ленинской философии определяется путем вычленения совокупности признаков; оно не является объективно «лучшим», как равным образом «низшее» не есть объективно «худшее». И то и другое — необходимые атрибуты реальных условий и законов. Высшее

представляет собой качественно «иное», с необходимостью (вероятностью) проистекающее из данного состояния.

Впрочем, для прогрессивных классов, социальных слоев и индивидов более высокое состояние общественного развития, как правило, имеет более высокую ценность, нежели более низкое. А борьба за него имеет для них глубокий исторический смысл, ибо благодаря этому улучшается жизненное положение масс. В тенденции более высокое в обществе является и более богатым по своим признакам, внутренним структурным условиям и многообразию внешних отношений. Но это не значит, что человеческое общество устремляется к чему-то вроде завершенного идеального состояния, для достижения которого все предшествующие поколения доставляли лишь сырой материал и средства.

Таким образом, возникновение человечества — это в ценностном отношении нейтральный, объективный и (первоначально) в высокой мере природно-обусловленный, закономерный процесс, с которым в реальность не привходит никакого нового «смысла». Смысл представляет собой субъективно-человеческую определенность, форму оценки человеческой деятельности и поведения в рамках некоторого общественного комплекса (или риторическое описание функциональных отношений). Поэтому следует избегать таких утверждений, как: «Уже в самом ее начале наличный смысл человеческой истории—это создание царства свободы...»¹³³.

Формирование человечества было естественным процессом, подготовленным прежним развитием живой материи, и в силу этого оно не являлось ни случайным, ни целенаправленным. Оно не было случайным, поскольку развитие жизни на Земле путем все новых и новых диалектических отрицаний, путем формирования образований все более высоких уровней сложности создало необходимые предпосылки для становления человека. Оно не определялось какой-то целью, поскольку вытекало из причинных механизмов эволюционного процесса. Совокупность этих процессов в своих частностях еще недостаточно прояснена, однако полученные конкретными науками данные достаточны для подтверждения общего философского тезиса о том, что становление человека было не телеологическим, а реально-причинно обусловленным процессом.

Употребление орудий труда, осуществление трудовых процессов требовали концентрации, выдержки, целеустремленности, последовательности решительности, то есть таких способов поведения, которые нуждались в интеллекте и развивали его. Коллективный способ труда и жизни первобытных людей предполагал определенные формы рациональной

¹³³ Block E. Tubinger Einleitung in die Philosophie. Frankfurt a. M., 1964, S. 198.

организации как охоты, так и распределения добычи. Благодаря этим объективным механизмам, сформировавшимся в эволюционном процессе, в ходе длительного исторического развития и возникла человеческая общественная жизнь с присущими ей законами, а социальные факторы напластовались на биологические.

Было ли это процессом, **нацеленным** на нечто более высокое? Ни в коем случае! Речь идет о **направленном**, но отнюдь не о **целенаправленном** процессе. Направленность развития вытекала из потенциала имевшихся в наличии условий, она не была финально заложена в механизмах развития. Телеологический способ рассмотрения, если он желает оставаться верным себе, не может ограничиваться объяснением формирования человеческого рода. Он должен распространить свои предпосылки также и на объяснение возникновения жизни на Земле, и на истолкование требовавшихся для этого планетарных условий. А вместе с тем он обнаруживает близость к средневековой концепции об исключительном центральном положении Земли и человека во Вселенной.

На самом же деле ни наша планетная система, ни галактика, ни бесконечная Вселенная не «запрограммированы» на жизнь и человека. Жизнь и человеческое существование, если соотносить их с мировым целым, возникли из случайных констелляций, они не служат «высшим целям». Правда, существование жизни, существование человечества и его исторический прогресс как эмпирически констатируемая реальность являются необходимым результатом закономерных взаимосвязей развития и объективных условий, и в этом смысле они не случайны. Тем не менее было бы ошибочно полагать, что действие условий, факторов и движущих сил, обусловивших восходящее развитие жизни и человечества, предусмотрено к реализации какого-то смысла, выполнению какой-то цели. Лишь при специфических условиях из совокупности предпосылок могла возникнуть жизнь, а возникнув, подняться ко все более высоким, все более развитым формам, могло образоваться человечество, которое, в свою очередь, лишь при таких условиях способно было пройти различные стадии своего прогрессивного развития. С достижением качественно новых этапов развития всякий раз вступали в действие новые законы (наряду с прежними, сохранившими свою значимость), которые обеспечивали возможность дальнейшего прогрессивного развития. Коль скоро такие условия отсутствовали, то и законы эти не могли действовать, а значит, не могло произойти развития к более высоким формам и состояниям.

Если это так, то можно утверждать, что движение и развитие человечества характеризуется теми же самыми общими признаками, что и развитие неживой и живой материи. Хотя в данных областях действуют конкретные,

особенные законы, общим для них является отсутствие объективно-идеальной целеустремленности, телеологической направленности.

Вследствие реальных причин и условий возникла жизнь и могли заявить о себе такие движущие силы закономерного развития, как мутация, селекция и т. д. Последние поначалу определяли также возникновение и развитие человечества, пока в ходе его дальнейшей истории не были оттеснены социальными факторами. Формирование прямохождения, двуногости было результатом взаимодействия естественных условий жизни и исторически возникших возможностей развития человекообразных. В процессе селекции, отбора получали преимущество те индивиды, «которые на базе уже имевшейся специализации мозга... благодаря мутациям приобрели более совершенные формы высшей нервной деятельности»¹³⁴. Выработывалось кооперативное взаимодействие в группах, употребление орудий труда и взаимное обучение. Формировались социальные связи и зависимости, развивались действенные формы коммуникации. Все это происходило в течение долгого исторического процесса и при жестких условиях отбраковки. Определяющим фактором был ненаправленный мутагенез, что в равной мере присуще также растительным и животным формам жизни. Со времени, когда *Homo sapiens* окончательно сформировался, естественные факторы развития человечества отступили на задний план или исчезли и господствующее место заняли социальные законы движения и развития человеческих общностей.

Итак, можно утверждать, что человеческое общество возникло из стечения объективных обстоятельств, которые, если соотносить их с материей вообще, имеют случайный характер. При этом вероятность их появления увеличивалась вместе с прогрессирующим, восходящим развитием живой материи. Лишь при наличии специфических условий могла возникнуть живая материя, а из нее — социальная форма движения материи. Материя отнюдь не предустановлена к тому, чтобы порождать в конце концов человеческое существование, и возникновение человечества не было заложено неким присущим материи целеполаганием. Отказ от этого представления предполагает признание того, что мир, по сути своей, существует как движущаяся неживая материя, что жизнь и человеческое общество лишь в исключительных условиях возникают из мертвой материи.

До сих пор в науке еще не решена проблема, одиноко ли человечество в космосе. Неясно и то, разрешима ли эта проблема вообще. Из открытий астрономии, однако, вытекает тот достоверный вывод, что материя во Вселенной претерпевает эволюцию, которая совершается в определенном направлении — от более простого к более сложному. Поскольку жизнь и

¹³⁴ Schmidt H.-D. Allgemeine Entwicklungspsychologie. Berlin, 1970, S. 255.

человеческое общество в своем развитии достигают по мере возможности все более высоких уровней сложности, они одновременно, при всей случайности их возникновения в особенных условиях, являются в определенном отношении **необходимыми** продуктами развития материи. Только эта необходимость не телеологическая. Данный вывод получается уже из того, что жизнь на Земле, если она не станет космическим фактором в качестве одаренной разумом жизни, должна предположительно прекратить свое существование через временной промежуток от пяти до шести миллиардов лет.

Вопрос о возникновении жизни на Земле прояснен еще не окончательно. С одной стороны, возможно, что она возникла случайно или даже в виде спор была занесена на Землю из космического пространства. Вполне возможно и то, что тогда на Земле совпали столь благоприятные условия, что жизнь должна была возникнуть с необходимостью. Но и в последнем случае жизнь проистекала из условий, которые должны были вызреть в ходе долгого исторического процесса. Ее возникновение было случайным, если соотносить его с движением материи вообще. Оно было необходимым, если соотносить его с историческим накоплением объективных условий, которые абстрактную возможность возникновения жизни все больше и больше превращали в конкретную возможность, увеличивая ее вероятность.

Аналогичным образом поддается философскому прояснению и проблема возникновения и развития человеческого рода. С развитием живой материи на Земле, с достижением ею все более высоких уровней сложности увеличивалась вероятность возникновения гоминидов и в конечном счете *Nomines sapientes*. Переход ко все более организованным формам жизни исподволь превращал абстрактную возможность возникновения человека в конкретную возможность. Тем не менее должны были сложиться специфические и в определенном смысле исключительные условия, чтобы в долгом эволюционном процессе могли появиться человекообразные и в конечном счете возникнуть люди. Дальнейшее развитие человеческого рода, несмотря на присущую ему последовательность и необходимость, постоянно осуществлялось на основе определенных более или менее случайных условий. И если эти условия не были **абсолютно** случайными, то потому, что слишком велики были многообразие и потенциал оказывавших влияние факторов.

Есть ли смысл в историческом развитии?

Если рассматривать ход развития человечества ретроспективно, то придется приписать ему — в его тенденции — последовательность и внутреннюю необходимость. Человеческое общество претерпело многотысячелетнее

развитие, в котором оно все более дифференцировалось, его производительные силы поднялись на значительную высоту, достигли яркого расцвета наука и духовная жизнь, возрос уровень материальной жизни народа. Ретроспективное рассмотрение может подтолкнуть к выводу, что в истории действует внутренняя целеустремленность и осмысленность, что перед человечеством стоят задачи, к выполнению которых оно все больше и больше приближается. При таком понимании все прошлое существование, страдания и борьба людей представляются подготовительной ступенью к некоему подлинному состоянию. А отсюда получается своеобразный религиозный настрой и ожидания.

Ошибка этого понимания заключается в том, что прогрессивное движение, которое действительно имеет место и проистекает из наличных причин, условий и движущих сил, оно интерпретирует исходя из современного состояния как финально предустановленное к этому состоянию. Таким образом, оно делает детерминантой прошлого развития «высшее» на данный момент состояние. Но даже если это состояние *необходимо* проистекало из прежнего развития, совершенно необоснованным является заключение, будто это развитие совершалось ради данного состояния. С одной стороны, необходимость характеризует совокупное движение, поскольку оно совершается закономерно: необходимость есть атрибут закономерности. С другой стороны, необходимость характеризует достигнутое, конкретное, относительно «завершенное» развитие, поскольку последнее неизбежно вытекало из наличной совокупности условий и причин. Однако необходимость отнюдь не представляет собой необходимости финального отношения. Предполагать — это значит переносить соотнесенность с целями, присущую человеческой деятельности, на универсум, на материю вообще. Но такое заключение по аналогии, как знал уже Кант, не имеет доказательной силы.

Опровержение подобных религиозно-телеологических представлений, если даже отвлечься от его теоретического значения, имеет большую практическую важность. Чтобы и дальше успешно, сознательно и планомерно созидать социалистическое общество, надо непременно понимать, что рабочий класс и объединяющиеся вокруг него трудящиеся в ходе овладения естественными и общественными условиями своего существования должны решать трудные и в известном смысле все более сложные проблемы. При этом ничем нельзя заменить знание законов и условий человеческого существования. А все квазирелигиозные установки, надежды и ожидания вроде тех, что выражены в житейских правилах: «как-нибудь да обойдется» или «человечество не может погибнуть», не только плохо помогают в деле, а, напротив, наносят ему ущерб и дезориентируют

людей. Человечество должно справляться со своими земными, практическими проблемами, решать их с помощью коллективного разума и коллективной организации. В противном случае не исключено, что его существованию придет конец или начнется движение вспять. Представление о том, будто угрозы, связанные с нехваткой полезных ископаемых, загрязнением окружающей среды, опасностью ядерной войны, в силу осмысленности родового существования человечества могут быть решены как бы играючи, не годится для того, чтобы побудить рабочий класс, все прогрессивные слои к величайшему напряжению сил, чтобы сохранить мир и дальнейшее развитие человечества, улучшить жизнь народа.

В марксистской философии категория смысла применялась и порой применяется для объяснения истории. Собственно, и по этой причине стоит заниматься данным вопросом. В одном труде, где наряду с прочим обсуждается тема «смысла истории», утверждается, что с марксистской точки зрения история представляет собой осмысленный процесс. Постановку вопроса о «смысле истории» его авторы считают в научном плане вполне законной и в доказательство ссылаются на кибернетическую теорию систем¹³⁵.

Опираясь на кибернетику, они делают вывод, что замена более низких структур, порядков более высокими и связанное с этим приращение информационного содержания в ходе развития «делает исторические структуры все более осмысленными»¹³⁶. Классовое общество, если следовать этой концепции, является более осмысленным, чем первобытное общество, феодализм — более осмысленным, чем рабовладельческое общество, и т. д. Кибернетизирующее рассмотрение процесса общественного развития должно узаконить постановку вопроса о его смысле. Но при таком подходе историю не объясняют исходя из ее собственных внутренних структур и условий, ей просто навязывается готовая модель объяснения.

Неубедительны и другие попытки обосновать, что понятие «смысл истории» вполне правомерно применять как марксистско-ленинскую категорию. Ибо категория «*смысл истории*» при ее употреблении чаще всего превращается в категорию «*смысл исторической деятельности*». Последнее понятие действительно имеет место и свою функцию в марксистской философии истории. Но это не оправдывает применения отличного от него понятия «смысл истории». Осмысленной является прежде всего та деятельность, которая согласуется с исторической необходимостью, с требованиями исторического прогресса. Деятельность, направленная на выполнение такого

¹³⁵ Klaus G.; Schuize H. Sinn, Gesetz und Fortschritt in der Geschichte. Berlin, 1967, S. 94.

¹³⁶ Klaus G., Schuize H. Sinn, Gesetz und Fortschritt in der Geschichte, S. 244.

рода требований, все больше и больше обретает внутренний смысл. Основой для этого всякий раз являются объективные процессы.

При кибернетизирующем рассмотрении общества и истории категория смысла сплетается с категорией цели — история якобы имеет объективный смысл, поскольку она имеет объективную цель. Такая цель выводится из направленности исторического развития путем отождествления направления развития с целенаправленностью. С точки зрения подобных концепций, общество представляет собой самоуправляемую динамическую систему, которой приписывается свойство «поиска цели» по аналогии с самосохранением животных и растительных организмов. Этот вывод, правда, столь же уязвим, как и отождествление направленности и целенаправленности. Ибо общество, как таковое, не существует как замкнутая, относительно самостоятельная система, а выступает в виде исторических, различным образом организованных социальных общностей, составные части («элементы») которых ни в коем случае не следуют всегда одной и той же стратегии сохранения и оптимизации системы. Цели системы — это зачастую конкурирующие и конфликтующие между собой ориентиры для деятельности социальных сил, которые вырастают из общественных, в конечном счете материальных условий их существования. Здесь к правильным выводам может привести лишь исторически конкретный анализ, в то время как оперирование абстрактными всеобщностями кибернетического и теоретико-системного порядка дает ложные толкования.

Выдвигается тезис, что цель исторического развития состоит в развертывании производительных сил, в реализации господства человека над силами природы и его собственными общественными отношениями.

Поскольку историческое развитие и в самом деле по своей тенденции выступает как приращение господства человека над природой и над своими собственными общественными отношениями, это направленное движение можно истолковать как целенаправленное. В таком случае говорят, что с самого возникновения человечества перед ним якобы была поставлена сформулированная вышеуказанным образом цель, и уже первые проявления жизни на Земле детерминировались этой целью. Детерминировались, но как? Ведь направленное движение общественной жизни может быть объяснено каузально-генетически, исходя из наличных объективных условий и законов, исходя из вызревавших возможностей. Материалистический и диалектический подход к историческому развитию не нуждается в теологических толкованиях. Он обладает достаточным теоретическим потенциалом для объяснения направленности исторического развития.

Эта направленность в конечном счете объясняется ролью труда, материального производства в истории. По мере развития труда, изготовления средств производства вступили в действие социальные силы, которые образовали основу общественного развития. Встает вопрос, в какой степени труд, материальное производство содержат потенциал *развития*, почему они вызывают не только простое воспроизводство существующих отношений? В самом деле, с возникновением трудовой деятельности выживание человека, по существу, обеспечивалось, и многие столетия и тысячелетия традиционные методы производства были достаточными для сохранения человеческой жизни. В соответствии со «смысловым» и «целевым» истолкованием человеческой истории эта ступень социального существования была всего лишь одной, хотя и длительной стадией подготовки фазы подлинного бытия человечества, в качестве каковой выступает индустриальное производство с присущим ему мощным расширением власти человека над природой.

В условиях первобытных отношений человеческий род имел хотя и скудные, но достаточные для поддержания существования средства, которые, правда, вырывались у природы в жестокой борьбе. Первобытные люди, будучи неискушенными в том, что касалось образования и науки, были представителями рода *Homo sapiens*, а совсем не «несовершенными» людьми. С другой стороны, дальнейшая история человеческого общества показала, какие значительные возможности для развития науки, техники, культуры, образования присущи человеческому роду. Она показала, насколько неполноценными, несовершенными, неразвитыми были в этом отношении условия общественной жизни и производительные силы прошлых эпох.

Возможность, вероятность и, наконец, необходимость исторического прогресса как перехода ко все более развитым общественным отношениям и всевозрастающим материальным и идеальным силам, позволяющим властвовать над природой, коренятся во *внутренней диалектике человеческого труда*. Труд — это «заторможенное влечение», «сдержанное желание». Он имеет универсальный характер и выступает посредствующим звеном между органической потребностью, которую человек унаследовал от своих животных предков, и потреблением, удовлетворением потребностей. В труде уже на самых ранних ступенях его развития содержится момент возвышения человека над своей непосредственной зависимостью от природы. Животные, побуждаемые потребностью, прямо овладевают природой, вырывая у нее пищу. Трудящийся человек ставит между потребностью и потреблением систему посредствующих факторов:

изготовление орудий труда, планирование и коллективное осуществление охоты или обработки земли, распределение результатов производства. Эти средства, эта целостность посредствующих факторов имеют собственную жизнь, собственную динамику и в ходе исторического развития изменяют структуру человеческих потребностей, благодаря чему в свою очередь возникают импульсы к развитию и усовершенствованию процессов и средств труда.

Но труд и прямо способствует развитию физических и духовных способностей человека. В то время как животное с присущей ему наследственной структурой способностей в достаточной мере приспособлено к требованиям сохранения своего существования, в человеческом труде происходит развитие человеческих способностей, которое путем передачи навыков и знаний ведет к постепенному освобождению человека от слепой зависимости от природы. Трудовые процессы представляют собой планомерные действия. Они предполагают напряжение всех органов чувств человека и выдвигают высокие требования к его интеллекту, к его способности творчески, планирующе, предвосхищающе мыслить. В них разворачивается специфическая диалектика целей и средств.

Первобытное общество, как в сущности и все докапиталистические формации, характеризовалось постоянством методов производства. Приемы производства, часто ритуализированные, передавались в одной и той же форме от поколения к поколению. Поэтому труд мог лишь в ограниченной мере выполнять свою функцию движущей силы общественного *развития*. Существенной чертой последнего было постоянное воспроизводство прежних производительных сил и производственных отношений. Тем не менее в ходе многих тысячелетий происходило развитие производительных сил и вызываемое им изменение производственных отношений, всех общественных отношений. Этот процесс объясняется взаимодействием внутренних условий общественной производственной деятельности с ее внешними предпосылками.

В послеледниковый период произошли большие изменения в климате и других условиях природной среды, которые отчасти способствовали развитию человеческого общества, отчасти тормозили его. Вследствие того что первобытную орду сменил родовой коллектив, что было вызвано предпосылками общественного характера, люди стали лучше справляться с проблемами сохранения своей жизни с помощью труда и производства. Продолжали развиваться орудия труда, к чему побуждали внутренние стимулы производительных сил. Непосредственный контакт человека с производственными инструментами при их изготовлении и употреблении естественным образом вел к росту навыков, к новым видам орудий труда и

более эффективным методам их изготовления. К этому толкала жесткая необходимость борьбы за выживание. При слабо развитых производительных силах почти невозможно было обеспечить количественное постоянство отдельных коллективов;

чрезвычайно высокой была прежде всего смертность детей.

Усовершенствованные орудия труда вместе с переходом к оседлому образу жизни привели к росту населения, который в свою очередь вынуждал к дальнейшему развитию производительных сил.

Таким образом, решающим потенциалом общественного прогресса является диалектика труда в ее внутренних противоречиях и универсальности, в ее функции опосредствования взаимоотношений между природой и обществом. Прогресс вытекает не из движения к изначально заданной цели, а из объективных условий достигнутого исторического состояния и связанной с этим реальной направленности развития. К числу объективных факторов, способствовавших общественному прогрессу, принадлежат также условия природной среды, благоприятные экологические предпосылки для перехода к аграрному производству и скотоводству, которые далеко не везде на Земле являются одинаковыми. Объективная диалектика развития человеческого общества состояла в том, что из центров прогрессивного развития происходило распространение достигнутого уровня развития производительных сил и производственных отношений на соседние, а в конечном счете и на более далекие зоны, что вызывало прогресс человеческого рода как целого.

Необходимость поступательного движения к антагонистическим обществам

С развитием общественного производства, повышением производительности труда произошли радикальные изменения в социальных отношениях человека. В конечном счете, из «простого» факта появления более эффективных орудий труда следовал и переворот в общественных отношениях, который в свою очередь все дальше и дальше толкал вперед развитие производительных сил. На самых ранних стадиях земледелия применялась коллективная обработка почвы с помощью мотыги. С появлением подсечного земледелия и прежде всего плуга труд индивида обособился от общества. Семьи, а в конце концов и отдельные индивиды стали решающими действующими лицами, субъектами производства. Результатом этого процесса стало формирование частного труда и частной собственности, уничтожение первобытнообщинных отношений производства и обмена, возникновение классового общества.

Ближний Восток — а именно южная Месопотамия — стал исходным пунктом прогрессивного развития производства и общества в V—III тысячелетиях до новой эры. Этому в большой мере способствовали естественные условия; они сделали возможным переход к более интенсивным приемам производства и тем самым стимулировали разрушение первобытнообщинных отношений производства. Замена системы земледелия, зависевшей от природных осадков, искусственным орошением полей полностью изменила организацию труда и социальные отношения. Возведение ирригационных сооружений и контроль за ними требовали согласованных действий больших коллективов при строгом едином руководстве. Вследствие этого новый тип трудовой организации взорвал родовую организацию общества и привел к формированию высшего социального слоя, наделенного особыми функциями власти. Конечным результатом данного развития стало государство. Развитие земледелия, основанного на искусственном орошении, благодаря его более высокой производительности, а также более высокой интенсивности труда имело и то последствие, что стало выгодно использовать в качестве дополнительной рабочей силы военнопленных. Возникло патриархальное домашнее рабство.

Так взаимодействие внутренних условий общественного производства и внешних предпосылок закономерно, каузально-необходимо привело к развитию общества, к достижению более высоких ступеней общественного производства и общественной жизни. Значительно выросли производительность труда и уровень сложности общественной организации, умножились и стали разнообразнее социальные отношения, накапливались знания о взаимосвязях природы и общественной жизни. Но вместе с тем происходило уничтожение первобытной общности в производстве и распределении, возникли социальная дифференциация, бедность и богатство, господство и подчинение. Деятельностью людей в этом историческом процессе руководило не какое-то сверхъестественное смыслополагание, а непосредственный интерес, который заставлял их преследовать определенные цели, дабы использовать объективно данные возможности. Интересы же, как и цели, в конечном счете проистекали из условий производства материальной жизни. Социальная дифференциация привела к дифференциации интересов, к их партикуляризму и антагонизму, к конфликту целей. Интересы, которые служили мотивом для деятельности людей, были направлены либо на увеличение благосостояния, власти, общественного влияния, либо на освобождение от гнетущего господства меньшинства, на завоевание жизни в обеспеченных материальных условиях.

Исторические пути, которые вели к преодолению первобытнообщинных отношений, в каждом отдельном случае были различными. Общим для них

было развитие многообразной техники производства, повышение производительности общественного труда, создание постоянного прибавочного продукта, возникновение социальной дифференциации. Движущие силы этого процесса коренились не в трансцендентных «целях», а в условиях производства и самой общественной жизни, которые диктовали цели деятельности людей.

Непосредственной побудительной силой данного процесса было противоречие между производством и потребностями, которое разрешалось и вновь возникало в социальной деятельности. Производственные отношения первобытного общества составляли общие рамки движения этого противоречия. Их побудительное воздействие выражалось в том, что потребности самих производителей толкали к усовершенствованию орудий труда и производственных отношений. Но поскольку производство воспроизводит также саму структуру потребностей, постольку производительные силы росли очень медленно. Потребности стимулировали развитие производительных сил, по существу, из-за своего **количественного** роста, из-за постепенного увеличения населения. В то же время консервативный характер производственной техники почти не допускал быстрого изменения **качественных** аспектов потребностей.

Кроме того, нужно учитывать, что при крайне низком уровне производства в первобытном обществе возможен был лишь очень медленный рост производительных сил под влиянием внутренних условий трудового процесса. Исходный потенциал был настолько мал, что даже мизерные успехи в изготовлении и применении орудий труда уже обеспечивали преимущество. Лишь на более высоком уровне развития производительных сил, достигнутом при капитализме, становится возможным стремительный рост производительных сил благодаря динамичным исходным условиям. Напротив, в рамках предпосылок первобытного общества качественные перемены происходили на протяжении очень продолжительного времени, что определялось характером производственных отношений, а также состоянием самих производительных сил.

Прогресс производительных сил, производственных отношений и в конечном счете всех общественных отношений в особой мере был результатом разделения труда. В свою очередь оно было следствием оседлого образа жизни, возникновения земледелия и скотоводства из первоначального собирательства и охоты, которые сами были основополагающей формой общественного разделения труда. В успехах общественного разделения труда — появлении различных отраслей ремесла, торговли, наконец, разделении физического и умственного труда — слилось воедино развитие производительных сил и производственных отношений. Разделение труда

охватывает изменение и развитие как производительных сил, так и производственных отношений. Оба вида социальных отношений обретают новое содержание и структурные формы. При этом разделение труда создает потенциал дальнейшего прогресса. Развитие производительных сил, связанное со специализированной деятельностью, неизбежно вызывает потребность в дальнейшем углублении разделения труда, из чего проистекают успехи в повышении его производительности. А это в конце концов ведет к изменению всех общественных отношений.

В общественном развитии, таким образом, проявляется эффект накопления и усиления на основе прогресса в изготовлении и применении орудий труда: рост производительных сил создает предпосылку для дальнейшего, более значительного прогресса вследствие как своей относительно самостоятельной динамики, так и революционизирования производственных отношений, которые в свою очередь движут вперед производительные силы. При ретроспективном взгляде может показаться, что данному усиливающему самому себя процессу присуща целенаправленность, что в качестве финальной детерминации нужно рассматривать как раз эффект кумуляции. Между тем это движение осуществляется необходимо исходя из собственных объективных и субъективных предпосылок. Ответ на вопрос, куда идет развитие, заложен в объективных условиях, в их противоречиях. Но он должен быть найден самими людьми, должен быть осознан ими в практических действиях, в ходе реализации их интересов и целей.

С появлением специализированных ремесел, углублением общественного разделения труда продукты труда в конце концов приняли товарную форму. Возник всеобщий эквивалент, стало накапливаться богатство — общественные явления, которые были чужды родовому обществу и вели к его разрушению. Следствием обособления, приватизации труда и экономических условий существования стали новые, частные интересы и соответственно новые цели деятельности, которые подрывали первоначальную общность интересов и устремлений. Накопление богатства в определенных местах стало причиной постоянных вооруженных столкновений ради его присвоения. В условиях такого рода социальных движений и битв неизбежной необходимостью как для обороны, так и для нападения стала соответствующая организация. Сформировался социальный слой, который осуществлял руководство общественными делами во время войны и мира. Он все больше отделялся от общины, уходил из-под ее контроля и становился властью имущей элитой, родовой знатью.

Все эти процессы постепенного изменения общественных отношений каузально-генетически обусловлены в конечном счете движением производительных сил, теми достижениями, которые принес с собой

продуктивный спор человека с природой вследствие его относительно самостоятельной динамики и движения противоречия между производством и потребностями. Общественные изменения в силу их относительной самостоятельности имели тенденцию к самоусилению. Общественное разделение труда содержало в себе импульс к своему углублению; растущие потребности создавали новые; социальные различия укреплялись и расширялись; властвующие элиты усиливали и стабилизировали свое господство; эксплуатация переходила от более мягких к более жестким формам. Непосредственной движущей силой этих изменений были интересы действующих лиц исторических процессов, интересы, которые обуславливались изменившимися социально-экономическими условиями, а сотрудничество людей превращали в противоборство социальных групп. Обособление различных видов трудовой деятельности друг от друга, так сказать, парцеллирование труда вело к парцеллированию интересов и собственности, к возникновению частной собственности на средства производства.

Внутренняя динамика, движение и разрешение социальных противоречий в некоторой общественно-исторической и природной среде формировали основу дальнейшего общественного развития, которое способствовало более широкому распространению антагонистических общественных отношений и мощному развитию производительных сил. В конечном счете это создало импульс к уничтожению, преодолению социальных антагонизмов, «возвращению» к отношениям социального равенства в производстве и распределении. Но соответствующее воздействие оказывали не трансцендентный «смысл» или «цель», а законы общественной жизни людей, которые, проявляясь в различных условиях в тех или иных формах, вызывали конфликты интересов и стратегий действий. Разрешение этих конфликтов определяло общественный прогресс. Возникает вопрос об объективной диалектике данного процесса и ее субъективном выражении в социальных интересах и общественной борьбе. Особое значение здесь приобретает изучение, так сказать, узловых пунктов общественного развития, пунктов перерыва постепенности количественных изменений. Если следовать идеалистическим представлениям, то смену общественно-экономических формаций обуславливают определенные принципы, которые становятся недостаточными для развивающихся интересов и потребностей людей. Переход от более низкого к более высокому в социальной жизни предстает как результат продвижения к более развитым теоретическим позициям; он якобы вызывается движением рефлектирующего мышления. В действительности же социальный прогресс совершался и совершается потому, что существующая структура и характер общественных отношений

вступают в конфликт с экономическими требованиями, а значит, с материальными потребностями и интересами социальных групп.

Такая постановка вопроса включает в себя две проблемы: проблему упадка определенных обществ и общественных институтов и проблему перехода к новым общественным отношениям и порядкам. В основе данных исторических процессов уже больше не лежат природные механизмы, которые еще действовали в процессе становления человеческого рода (хотя природные *условия* могут оказывать на них влияние). Такой основой являются *социальные* факторы. Стало быть, здесь не годятся биологизаторские представления, вроде тех, согласно которым в подобных случаях мы имеем дело с «исчерпанием» социальных общностей. Ибо, как правило, человеческие популяции не прекращают своего существования, а просто изменяют условия и характер своей социальной жизни, осуществляют иной тип общественных отношений.

Этот процесс не следует изображать в виде прямой восходящей линии развития отдельных обществ. Определенные общества могут достигать высших точек своего развития и после этого впадать в состояние агонии, долгого прозябания, в то время как эстафету исторического прогресса подхватывают другие народы, государства, нации. Теоретическая проблема, таким образом, состоит не просто в определенной последовательности общественно-экономических формаций, понятых как абстрактные исторические структурные типы, но в вопросе о том, каковы общие предпосылки исторического развития отдельных обществ. Тенденция этого развития такова, что в нем воспроизводится общий характер, «основная схема» исторического прогресса. Но данную взаимосвязь нельзя выискивать в каждом отдельном случае, ведь в историческом движении всеобщее существует в особенном, в модифицированной форме. Вопрос о том, почему прежние центры экономического, социального, культурного прогресса со временем утратили свою роль, может быть разрешен лишь посредством изучения конкретных исторических условий, путеводной звездой которого служит общий закон смены формаций. Лишь так можно дать отпор представлениям о сверхисторической целенаправленности социального развития, которые находят аргументы в свою пользу как раз благодаря абстрактной трактовке закона смены формаций.

Упадок определенных обществ вписывается в русло прогресса человеческого общества как целого, прогресса, проявляющегося в виде тенденции. Такой упадок является как бы функциональным условием всемирно-исторического прогресса, поскольку он предполагает всестороннее исчерпание творческих и духовных возможностей некоторого общества в условиях данного типа общественных отношений. Высвобождение новых возможностей не

ограничивается данным обществом. От него исходят стимулирующие воздействия на другие общности (народы, нации), и соединение этих внешних стимуляций с жизнестойкими внутренними условиями приводит к перемещению исторического прогресса в другие пункты и его продолжению. Внутренние предпосылки определенных обществ вследствие их самоусиления побуждают к дальнейшему продвижению в избранном направлении (например, к расширению базиса власти господствующего меньшинства). В той мере, в какой это движение выходит за рамки продуктивных (экономических) возможностей данных обществ, оно обостряет социальную напряженность и ведет к упадку общества или к революционному перевороту в существующих отношениях собственности и власти. Если такого революционного обновления не происходит — а оно связано с многообразными объективными и субъективными предпосылками,— то может наступить длительный застой или даже движение вспять. Эти процессы по-разному проявляются на отдельных ступенях исторического процесса, в отдельных общественно-экономических формациях и едва ли могут быть подведены под общую дефиницию.

Определенный уровень развития производительных сил делает возможным и обуславливает определенный тип производственных отношений и всех других социальных отношений. При абстрактном системном подходе следовало бы ожидать, что данное общество постоянно регулирует и постоянно стабилизирует свои заданные параметры по принципу гомеостаза. Но общественное движение — не процесс движения абстрактных систем. Общества могут переживать упадок, застой, даже гибнуть, потому что в ходе следования социальным интересам возникает все более острое расхождение между потребностями развития производительных сил и возможностями для такого развития, которые создаются производственными отношениями.

Это — общие рамки, так сказать, пространство движения общественных отношений на арене общественно-экономической формации. Они позволяют нам распознать *сущность* того, что осуществляется как всемирно-историческая тенденция. Но на конкретное движение отдельных обществ оказывают воздействие специфические условия. Возникающие здесь связи ни в коем случае не могут быть всегда сведены к всеобщей структурной взаимосвязи между производительными силами и производственными отношениями. При определенном уровне отношений между ними государственно или как-то иначе организованные общности могут возникать и опять гибнуть, хотя при этом не происходит перехода к другому способу производства. Как бы то ни было, объективные внутренние условия составляют движущую силу исторического развития данных обществ.

Именно стечение объективных внутренних и внешних условий и их выражение в человеческих действиях решает вопрос о жизнеспособности избранного пути развития. Решает именно это стечение, а не степень исполнения или неисполнения «смысла» жизни человеческого рода, не триумф или поражение отдельных исторических личностей.

Процессы подъема и упадка конкретных обществ возможны на основе формационных условий, которые остаются неизменными, и история показывает различные варианты этих процессов. Они проистекают из объективных социальных предпосылок, в основе которых в конечном счете лежит экономическая необходимость. *Исторический процесс* ни в коем случае не сводится к общему движению от более низких к более высоким общественно-экономическим формациям, он намного *богаче, чем эта абстрактная взаимосвязь*. Конкретное движение истории в стихии исторически особенного — процессов, вырастающих из конкретных специфических условий в отдельных обществах, — является единичной формой движения всеобщей, закономерной последовательности формаций. Она образует фундаментальный ритм исторического прогресса. Однако лежащая в ее основе в конечном счете определенность экономической формы создает пространство для многообразных производных движений, которые проистекают из широкого спектра объективных и субъективных условий. Одновременно эти движения представляют собою форму, в которой совершаются движение и развитие общественно-экономических формаций. Ибо последнее ни в коем случае не сводится к *смене* формаций, но включает в себя их собственное *движение*.

Научный закон последовательности формаций имеет своим предметом всеобщий, всеохватывающий ритм их развития. Но необходимо учитывать, что философское понятие развития включает понятие движения и имеет его своей предпосылкой. По отношению к истории это значит, что в ней речь идет как о *движении*, так и о *развитии* общественно-экономических формаций. Движение есть непрерывность постоянных, повторяющихся процессов; развитие предполагает не только смену формаций, но и качественные изменения внутри данной формации. Отсюда следует вывод, что вопрос об объективном движении общества следует рассматривать в тройном аспекте: простого движения, качественного изменения внутри одной формации и смены формаций, — подводя под философское понятие многообразие процессов. Философский анализ соединяет эти моменты в единое целое. Он задается вопросом о различных процессах движения в отдельных обществах и при этом использует понятие общественно-экономической формации как общую мировоззренческую рамку.

Внутренние, прежде всего экономические противоречия отдельных формаций, которые ведут к их смене, действуют на процесс движения конкретных обществ не прямо, не непосредственно, а проявляются как многообразные специфические исторические противоречия, реальные противоречия движения общностей, которые оказывают воздействие как конфликты, столкновения между социальными группами, как политические битвы, военные распри, национальные или культурные коллизии. Переход к более высокому типу общественных отношений совершается посредством движения и разрешения этих конкретных исторических противоречий. Их в конечном счете определяющей основой является конфликт между производительными силами и производственными отношениями, действующий, однако, лишь как всемирно-историческая тенденция. **Не обязательно в каждом конкретном обществе** противоречие между ними вызывает конфликт. Переход к более высокому типу общественных отношений может происходить и без того, чтобы лежащее в их основе экономическое противоречие достигало своего полного выражения. Здесь в качестве движущей силы могут выступать производные противоречия самого разного рода. В таком случае развитие производительных сил должно наверстывать движение, присущее более низкой формации. Это значит, что более высокая формация должна довести производительные силы до того состояния, при котором переход к ней становится исторически необходимым.

Философский анализ распада первобытного общества и перехода к обществу классово-антагонистическому, а также дальнейшего продвижения последнего к более развитым формам общественного производства позволяет видеть, что в основе данного процесса не лежит ни высший смысл, ни трансцендентная целевая детерминация. Этот процесс проистекает из объективных **условий**, которые приводят к возникновению и вызреванию определенных объективных **возможностей**, в свою очередь определяющих **цели** деятельности социальных групп. Объективными факторами, с одной стороны, были всеобщие предпосылки данной общественно-экономической формации как исторического типа, а с другой — конкретные исторические условия отдельных обществ.

Общественно-экономическая формация — не неподвижная структура, но структура **в процессе**, процессурующий тип структуры, конкретное движение и развитие отдельных обществ. Этот процесс в конечном счете является результатом борьбы человека с природой за сохранение своей жизни. Вследствие побудительных сил, присущих производственным отношениям, а также благодаря собственной динамике и самоусилению материально-предметных факторов он приводит к развитию производительных сил. С ним

неизбежно связаны сдвиги в социальной структуре, возникновение социальных различий и противоположностей или же их преобразование на изменившейся основе. В конечном счете в игру вступают специфические интересы и целевые установки, которые становятся ориентирами в борьбе социальных сил и имеют своим результатом противоречивое движение данного общества. Вот таким образом всеобщий социальный тип общества — общественно-экономическая формация — претерпевает эволюционное движение. Ее внутренние механизмы, переплетаясь с внутренними и внешними условиями отдельных обществ, вызывают движение общественного целого, которое при определенных условиях принимает характер развития, выходящего за пределы простого воспроизводства существующих социальных отношений, подготавливающего или осуществляющего качественные изменения. Основой этого процесса является движение внутри материального производства, развертывание противоречивых отношений между производительными силами и производственными отношениями, а также и всеми другими общественными отношениями.

Материалистическая, антителеологическая философская постановка вопроса состоит в различении и одновременно в мыслительном совмещении двух плоскостей абстрагирования и рассмотрения: *во-первых*, в постижении всеобщих условий движения и развития конкретной общественно-экономической формации; *во-вторых*, в изучении конкретных движущих сил и предпосылок этого процесса в отдельных социальных организмах. Такое исследование зависит от результатов исторической науки (история экономики и т. д.). Философский анализ берет полученные результаты и соединяет их с постижением закономерного движения конкретной формации. Философский момент не исчерпывается вопросом об абстрактно-всеобщем в историческом развитии. Он состоит в том, чтобы от абстрактно-всеобщего перейти к конкретно-всеобщему. Лишь при таком комплексном рассмотрении становится разрешимым вопрос о смысле и цели.

Исследование развития и гибели конкретных обществ сливается с вопросом о том, как в этом процессе проявляется общая сущность общества и истории, какие модификации она претерпевает и как благодаря этому абстрактно-всеобщее дополняется конкретно-всеобщим. Отдельные процессы изменения конкретных обществ отличаются от «всеобщего» в смысле типологического движения общественно-экономических формаций. Ход истории не знает точного, непосредственного соответствия отдельного и всеобщего. Особенно исторические движущие силы, противоречия и детерминирующие факторы могут напластовываться на материальную основу движения формации, на отношение между производительными силами и производственными

отношениями, могут скрывать ее, но они не могут лишить ее силы. Если брать длительный период, то требования этого материального отношения становятся непреложными и определяющим образом сказываются на конкретном движении и историческом развитии отдельных обществ.

Являются ли общества, упорядоченными в смысловом отношении комплексами?

Историческое развитие человеческого общества позволяет сделать вывод, что ее определяющей движущей силой является не «космический» смысл человеческого существования, не абстрактная «цель» человеческого рода, а объективные факторы способа производства материальной жизни. Вследствие естественных органических потребностей человек вынужден совершать обмен веществ с природой посредством труда, материального производства, чтобы сохранить свое существование в качестве индивида и в качестве данной конкретной общности. На основе труда, производства формируется система социальных отношений и деятельности, которая целесообразно упорядочена, поскольку взаимодействие ее частей делает возможным существование, движение и развитие рода *Homo sapiens*. Возникает вопрос, проявляется ли в этой системе осмысленность человеческого существования? Вслед за тем встает и другой вопрос — о возможности направить в нужное русло и интегрировать дестабилизирующие, разрушительные силы.

Для Юргена Хабермаса (ФРГ) категория смысла представляет собой одно из основополагающих понятий социологии. И Никлас Луман, еще один социолог из ФРГ, рассматривает смысл в качестве формы упорядочения общественного бытия вообще. Но при интерпретации социальных систем как смысловым образом упорядоченных комплексов сущность человеческого общества объясняется из субъективных способов поведения и формирования отношений, а не из факторов, обуславливающих и определяющих эти субъективные моменты. Когда общественная действительность сводится к переживаемым смысловым отношениям, то единство общественного целого предстает не как материально обоснованная целостность, а как произвольная конструкция, допускающая ряд вариаций. Смысловой характер общественной целостности трактуют не столько как выражение объективных функциональных взаимосвязей в ней, сколько как результат некоего комплекса «свободно» исполняемых действий. Луман объясняет образование социальных систем из субъективного стремления человека привести полноту возможностей, существующих в мире, его сложность в соответствие с ограниченностью человеческой способности к восприятию, переработке информации и деятельности. Итак, общественные системы приобретают свой смысловой характер в силу субъективных предпосылок. Для Лумана

общество — эволюционирующая смысловая система, которая основывается на переработке переживаний, ориентированной в смысловом отношении. Общество объясняется, исходя из смысла, а не смысл — исходя из общества.

С материалистической точки зрения все эти взаимосвязи выглядят принципиально иначе. Осмысленные действия индивидов и групп вытекают из материальных условий существования социальных организмов; они представляют собой выражение того, что отдельные общества воплощают комплексы функций и деятельности, благодаря которым обеспечиваются их существование, движение и развитие.

Объяснение данного положения вещей осуществляется на абстрактном уровне, задаваемом понятием «отдельное общество», что не исключает, а, наоборот, предполагает, что на уровне категорий «общество вообще» и «общественно-экономическая формация» могут быть получены глубокие представления относительно функциональных взаимосвязей в социальных организмах.

Социальные организмы в определенных границах сопоставимы с природными организмами. Подобно последним, они выступают как системы— относительно замкнутые, отъединенные от окружения области. Они целесообразно упорядочены благодаря тому, что синтезируют полноту отношений, деятельности, институтов в некоторое комплексное целое. Отдельные отношения и деятельности имеют «смысл» постольку, поскольку они обеспечивают существование социального организма в целом. Исторически конкретно функциональность определяется характером данного общества, которое представляет общественно-экономическую формацию. Отсюда следует, что всякое «смысловое содержание» целого опосредствуется специфическими социальными (классовыми) условиями существования и интересами.

В антагонистических обществах деятельности соотнесены не просто с сохранением, движением и развитием данного общественного целого, но с отстаиванием всякий раз конкретных, специфических социальных интересов. Органический характер целого, его *внутренняя целесообразность* проявляются в конкурирующих и конфликтующих интересах и устремлениях, вытекающих из социальной сущности данного общества как исторически определенного комплекса. Социальные организмы в условиях низкого развития производительных сил (например, в первобытном обществе) суть производственные организмы. Целесообразность во внутренних и внешних отношениях общности есть выражение элементарной потребности человека в самосохранении. Эту потребность индивиды могут удовлетворить лишь в коллективно

организованной форме. В конечном счете из коллективного, кооперативного и универсального характера человеческого труда вытекает то, что структура человеческого общества имеет некоторый «смысл». Ведь коллективность и кооперация требуют согласованной деятельности и способов поведения, которые соотнесены с более высокой целью — **обеспечением человеческого существования в рамках данного общества**. Поэтому категории «смысл», «цель» как аспекты человеческого общества употребительны и эффективны лишь в качестве понятийных средств для более точного обозначения функциональных отношений **деятельных субъектов в рамках социальных комплексов**.

Общества осмысленно упорядочены не потому, что, как думает Н. Луман, люди стремятся «редуцировать (упростить) комплексность», а потому, что общества являются целостностями, структурированными на основе кооперативного человеческого труда. Наряду с материальной деятельностью сохранению комплексного целого служат институты, обычаи, правила, типы мышления и поведения, которые могут в большей или меньшей степени отделяться от своей материальной основы и которым присуща относительная самостоятельность. По мере исторического углубления обобществления труда все большие масштабы приобретает сложное переплетение относительно самостоятельных деятельностей и институтов. При этом функциональное отношение какой-нибудь сферы деятельности к сохранению существования целого может быть скрытым либо намеренно затемняться по идеологическим причинам. Если отвлечься от социального и исторического типа сложных обществ, то может возникнуть представление, что общественную целостность конституирует осмысленная деятельность, исходящая из частных условий и интересов. Смысл кажется фундаментальным отношением, хотя в действительности он является производным моментом, выражающим то, что отдельные действия, отношения и институты в конечном счете связаны с первичными материальными потребностями движения комплексного целого.

Таким образом, ответ на вопрос о «смысловом содержании» социальной структуры вытекает из исследования комплексного взаимодействия многообразных социальных деятельностей в рамках исторически определенного типа человеческих общностей. Насколько **мало история соотнесена с находящейся вне ее целью, настолько же мало общество соотнесено с существующим вне его смыслом**. Цель истории состоит в самом историческом движении и развитии, понятом как высвобождение всякий раз новых возможностей. Смысл истории состоит в отношении полноты общественных связей и деятельностей к комплексному целому, социальному организму, отдельному обществу.

Обществу присущ целесообразный, осмысленный порядок в той мере, в какой в условиях общественного разделения труда каждая отдельная существенная область деятельности способствует сохранению или развитию целого. Эта область выступает как необходимое функциональное условие социального организма, то есть как функция целого, подобно тому как целое является функцией своих многочисленных частных областей.

«Редуцирование комплексности» сводится к тому, что конкретное общество представляет собой *одно* из многих возможных. Абстрактную возможность ограничивает уровень развития производительных сил; общественно-экономические формации, как типы социальных отношений, всякий раз связаны, если брать историческое развитие в целом, с определенной степенью развития производительных сил. Стало быть, смысловое содержание социальных организмов состоит в их целевой внутренней упорядоченности под углом зрения реализации тех возможностей, которые полагает данная ступень исторического развития производительных сил. Это отнюдь не гармоничное, бесконфликтное приспособление производственных отношений к производительным силам. Уровни развития производительных сил и производственных отношений временами могут в большей или меньшей степени расходиться. А это значит, что «осмысленность» есть исторически определенная функциональность, создающаяся из противоречий. Общества сами по себе могут быть осмысленно упорядоченными и тем не менее идти вразрез с историческим смыслом, который выражается в согласовании общественных отношений с требованиями развития производительных сил.

Действия классов, слоев, партий, государственных аппаратов служат не абстрактно поддержанию дееспособности целого, а обеспечению *классово обусловленных* интересов. Последние же, если мерить их меркой исторического прогресса, могут оказаться более или менее осмысленными, разумными. Осмысленными могут быть названы и стратегии действий реакционных классов, поскольку они стремятся обеспечить условия своего существования. Но по мере того как объективные условия существования этих классов становятся неустойчивыми, их действиями уже больше не может быть реализован никакой исторический смысл. Существование таких классов больше не вписывается в функциональное целое, становится дисфункциональным, идет наперекор целому, то есть интересам прогрессивных классов, так как по своей тенденции они предполагают дальнейшее развитие общественных отношений. Цель и образ действий угнетенных прогрессивных классов выходят за рамки существующей общественной системы. Хотя в сфере экономической деятельности они осмысленно интегрированы в целое, политически и идеологически они

противоречат этому целому. Смысл деятельности таких классов конституируется как позиция отрицания.

Таким образом, *смысловые отношения в социальных комплексах* имеют конкретно-социальный, исторический характер; *их невозможно определить как абстрактные системные свойства*. Используемая Хабермасом, Луманом и другими абстрактная концепция смысла социальных систем затушевывает фундаментальные общественные отношения и противоречия, растворяет конкретно-исторические различия в туманных общих определениях. Эта концепция имеет совершенно определенный «смысл»: она направлена на то, чтобы укрепить и стабилизировать капитализм.

Конкретно-историческое рассмотрение социальных комплексов показывает, что они не обладают никаким сверхисторическим системным качеством, которое обеспечивало бы их постоянное гармоническое самовоспроизводство. Социальные системы — это область борьбы между общественными силами. И в условиях антагонистического развития определенные классы, слои, группы стремятся взорвать существующие отношения — то ли путем устранения локальных репрессивных условий, смягчения форм и механизмов эксплуатации или же путем устранения существующего общественного строя.

Исторический прогресс — объективная тенденция и субъективное осуществление

Исторический прогресс не предписан человечеству как задача человеческого рода, не поставлен перед ним как историческая цель. Он складывается каузально-генетически из объективного движения материальных основ общества и прокладывает себе дорогу благодаря практическим действиям социальных сил. Движущий импульс, который толкает вперед развитие производительных сил и тем самым преобразует общественные отношения, заключается во внутренних взаимосвязях производства и в их отношении к потребностям производителей. Существование общества как форма бытия рода *Homo sapiens*—это не просто воспроизводство материальных и духовно-культурных условий, хотя оно тоже имеет место в истории, а их прогрессивное преобразование. Момент прогресса состоит не в том, что более развитые общественные отношения воплощают более высокую объективную ценность человеческого бытия, а в том, что эти отношения позволяют в большей мере раскрыться материально-продуктивным и интеллектуальным способностям, потенциально заложенным в человеческом роде, пусть даже ценой каких-то ограничений, односторонностей и т. д.

Следовательно, история — как исторический прогресс — есть *развертывание родовых, сущностных сил человека во времени*. Род

можно абстрактно-всеобщим образом определить как тип, но тем самым задаются лишь рамки, условия, которые наполняет содержанием только историческое развитие. Ответ на вопрос о сущности человека следует давать, обращаясь к истории, к историческому прогрессу, — ведь история является прогрессирующим производством самого человека. Эта сущность развивается путем опредмечивания и усвоения, благодаря тому, что человека деятельно опосредствуют объективные условия, которые изменяются его собственными действиями. Результатом данного процесса является самопроизводство и саморазвитие человеческого рода. Оно протекает не телеологически, а каузально-генетически. Развертывание человеческой сущности в ходе исторического прогресса — не заранее заданная человеческой природе определенность, а необходимый результат практического движения этой сущности в ходе обмена веществ между человеком и природой. Поэтому оно не является и просто случайной определенностью; напротив, ей присущ признак необходимости.

Развитие состоит в том, что из объективно данных условий проистекает прогрессивное движение в форме качественных изменений и диалектического отрицания. Интерпретировать эту необходимую, закономерную направленность движения, его тенденцию как некую трансцендентную целенаправленность — это идеалистическое недоразумение. ***Развитие детерминируется не целью, а внутренними и внешними условиями самой развивающейся вещи.*** Цель же, в свою очередь, как объективно необходимое будущее состояние, определяется этими условиями; она является производным, а не первичным моментом. Потому цель нельзя определять по аналогии с телеономической человеческой деятельностью; это не идеальный проект, а существующее в статусе возможности будущее состояние, к которому направлено движение данного явления. Прогрессивное движение человеческого общества определяется не сверхисторической целью, а восходящей последовательностью состояний, которые проходит процесс развития и которые являются необходимым результатом движения общества на данном уровне его эволюции.

Ближайшие на данный момент состояния становятся целями деятельности определенных социальных сил; другие силы формулируют альтернативные или противоположные цели. Цели отражают спектр объективных вариантов, конкурирующих тенденций, которые содержатся в динамическом потенциале данного общественного состояния. Исходному состоянию присущи отнюдь не произвольные и не произвольно многие возможности. Цели деятельности вырастают не в пространстве субъективной свободы, а из внутренних необходимостей, определяющих движение общества. С абстрактной точки зрения эти необходимости могут привести и к прогрессу, и к застою, и к

регрессу общества. Данные варианты представляют собой сталкивающиеся тенденции объективных условий жизни различных социальных классов, которые в соответствии с характером общества составляют для себя разные или даже противоположные стратегии действий.

Таким образом, именно ***объективные отношения, претворяясь в субъективные цели и потенциал активности, определяют историческое движение.***

Если рассматривать историю в целом, то направление этого движения предстает перед нами как исторический ***прогресс***. Среди разных реально возможных тенденций общественного движения и различных субъективных стратегий одна оказывается определяющей, господствующей. История — это диалектически противоречивый прогресс в развертывании человеческих сущностных сил посредством все более глубокого преобразования объективных отношений. Тот факт, что не существует абстрактного плюрализма возможностей, что возможность закономерно становится действительностью в совокупном процессе развития человечества, объясняется не соотнесенностью истории с целью или смыслом, а сущностью и объективными условиями жизни рода *Homo sapiens*. Доказать это — значит ответить на вопрос, почему будущее в истории принадлежит прогрессивному, исторически новому, почему старое, изжившее себя вынуждено отступать. Правда, реакционные классы порой могут долгое время сохранять условия своего господства, отвоевывать уже утраченные позиции; но что касается истории в целом, то в длительной перспективе они осуждены на исчезновение.

Чтобы дать общее объяснение данному обстоятельству, нужно привлечь к рассмотрению понятие «исторически особенное». Общий момент заключается в том, что ***исторически прогрессивные силы имеют основанное на материальных условиях их жизни превосходство*** над консервативными и реакционными силами. ***Более высокие творческие возможности*** первых обуславливают то, что они ***представляют более развитые производительные силы***, располагают большими материальными потенциями (вплоть до материальной силы организации) и более высокими духовно-культурными возможностями. В конечном счете решающее значение в истории имеет больший материальный потенциал, который проявляется в духовных, идеологических факторах. История следует экономической необходимости и экономическому принуждению, которым присуща направленность на все более и более развитые состояния. В основе исторического прогресса лежит движение материальных условий, которое и гарантирует, что через все зигзаги истории в конце концов прокладывает

себе путь прогресс, выражающийся во все более широком развертывании материальных и, *исходя из этого*, духовных потенций человеческого рода.

Исторический прогресс — это процесс решения конкретных задач некоторой эпохи, поколения, отдельного общества, так сказать, в поле напряжения различных и противоположных социальных сил. Люди—классы, нации и т. д.— работают не над абстрактными родовыми задачами человечества, а над тем, чтобы овладеть проблемами, которые ставят в порядок дня непосредственная современность и ближайшее будущее. Эти задачи — в более или менее опосредствованной, модифицированной форме — тоже являются результатом предшествующего развития конкретного общества, класса, нации и, наконец, всего человечества. Благодаря такому историческому опосредствованию и работе над специфическими задачами эпохи создается внутренняя взаимосвязь истории, непрерывное историческое движение, базу которого составляет развитие условий материальной жизни. Конкретные задачи данного исторического момента не сводятся к экономическим проблемам, а далеко выходят за их рамки и имеют самостоятельное значение. Тем не менее они в конечном счете проистекают из условий производства материальной жизни и оказывают на них обратное воздействие. Социальный прогресс есть исторический процесс развития материальных и духовных потенций рода *Homo sapiens*; развитие материальных потенций образует основу для развертывания совокупности человеческих сущностных сил.

Исторический процесс, таким образом, опосредствует себя самим собой благодаря выполнению данным конкретным поколением объективно стоящих перед ним задач. И если при этом необходимо переработать и подвергнуть диалектическому отрицанию наследие предшествующей истории, то тем самым одновременно прокладывается дорога в будущее: решение одних задач постоянно ставит новые. Это значит, что человеческое общество никогда не сможет достичь своей «цели». Объективные условия постоянно высвобождают новые возможности, реализовать которые человеку не дано. И никогда он не сможет провозгласить окончание исторической деятельности. Непрерывное, беспрестанное понуждение к созданию материальных и духовно-культурных средств существования общества заставляет людей вырабатывать новые цели, стратегии, пути решения, благодаря реализации которых происходит дальнейшее движение человеческого рода.

Цели, к которым стремится история, суть, таким образом, не что иное, как возможности и необходимые требования воспроизводства или развития конкретных обществ, которые проистекают из движения данных объективных условий и претворяются в стратегии действий. У истории нет

никакой объективной абсолютной цели: над обществом тяготеет нужда в постоянном воссоздании его материальных предпосылок. Цели — это субъективные определенности, которые в свете социальных интересов отражают (как свою материальную основу) движение объективных условий, переход возможного в действительное.

Так как история не знает никакой предустановленной цели, у нее нет и конца. «Финальный» (от латинского *finis*) означает относящийся к концу. Даже если человечество окажется несостоятельным перед лицом эпохальных задач и обречет себя на гибель, например, вследствие ядерной войны, в предпосылках его материального существования и в человеческой «природе» не заложен конец человечества (если отвлечься от изменения космических условий).

Возможно, что человечество закончит свое существование из-за собственных ошибочных действий. Возможно и то, что оно продолжит его во внеземных цивилизациях. Возможно, что условия в нашей планетной системе сделают невозможной жизнь человека. Возможно, что человечество соединенными усилиями справится со всеми задачами современности и откроет себе безграничное будущее. Для всего этого нет никакого трансцендентного определения; в ряду живых существ человек выделяется своим неограниченным потенциалом развития. Основа, «тайна» этого потенциала — в труде, в материальном производстве. Оно является процессом исторического самосозидания и саморазвития человека; оно составляет общую предпосылку для того, чтобы люди смогли справиться со всеми превратностями своего существования, если им удастся справиться с социальными, политическими, интернациональными проблемами и если они сумеют планомерно управлять своей совместной жизнью.

Подобно тому как исторический прогресс есть процесс постепенного решения специфических проблем времени, эпохи, поколения, направленность исторического движения есть сумма направлений конкретных исторических действий, совершаемых в специфических исторических условиях. Общей основой для этого является последовательность общественно-экономических формаций, движение и развитие отношений между производством и потребностями, между производительными силами и производственными отношениями, материальными и идеологическими отношениями.

Когда скоро применяется понятие абстрактного общества, общества как абстрактной системы, то направленность его развития может быть описана как процесс поиска цели, в ходе которого общество выводится на заданные параметры. Тогда целью движения общества как абстрактной системы

является воспроизводство его объективных условий на все более широкой основе. Однако такое описание обладает лишь ограниченной познавательной ценностью. Ибо общество существует не как тождественная система, а как многообразно дифференцированная в пространстве и во времени совокупность отдельных обществ. Абстрактно-всеобщая определенность «общество» содержит в себе известные всеобщие структурные свойства, отметить которые еще не значит объяснить действительный процесс исторического развития. В истории не существует *одной* цели, понятой как абсолютный фиксированный пункт, а имеет место многообразие дифференцированных в пространстве и во времени целей в соответствии с многообразием движения «возможного» в поле напряжения «действительного» отдельных обществ. Многие создаваемые историей возможности исходя из сути определяются *одной* тенденцией — тенденцией прогресса как процесса саморазвития человеческой сущности, развертывания человеческих сущностных сил путем их опредмечивания и усвоения. Эта совокупность возможностей складывается благодаря согласующимся между собой сущностным признакам всякого человеческого существования — сохраняться и развиваться благодаря труду, материальному производству. Движение истории следует объяснять прежде всего из диалектики ее материальных условий; только они и позволяют возникнуть объективным возможностям и — как их субъективной трансформации — целям деятельности.

Отдельное общество — не ценностно нейтральная абстрактная система, а (в антагонистических условиях) целостность отношений господства и угнетения. Этому соответствует различие в тенденциях движения объективных возможностей, а вместе с тем различие в целях деятельности социальных сил. Говорить о «цели» общества — значит топить социальные различия в абстрактных всеобщностях. Представление о том, что история движется к абсолютной заданной цели, смазывает конкретные социальные, исторические и классовые различия, растворяет их в общих определениях. У истории нет цели; вел направленность на будущее заложена в конкретных объективных предпосылках и реализуется в социальной деятельности.

Если у истории нет цели, то это предполагает отбрасывание всякого представления о «совершенном» обществе, с достижением которого человечество как бы находит адекватную себе форму существования. Условия человеческого существования историчны, а не сверхисторичны и не абсолютны. Через многие посредствующие звенья они в конечном счете определяются степенью развития производительных сил. Историческое изменение производительных сил есть закономерность, проистекающая из диалектики производства и потребностей, из собственной динамики

производительных сил и из стимулирующего воздействия производственных отношений. В результате обусловленных тем самым сдвигов, качественных изменений, революционных преобразований социальных отношений перед людьми встают все новые задачи и проблемы; они должны вырабатывать новые цели, вести новую борьбу. Так что человечество никогда не придет к своей «цели», оно должно постоянно себя испытывать и доказывать.

Это связано также с тем, что исторический прогресс не является прямой линией, а включает в себя порой и ложные пути, и попятные движения. Вследствие такого положения вещей обостряются конфликтные ситуации, кристаллизуются проблемные комплексы, люди побуждаются к борьбе. Прогресс, *продвижение* к новым формам общественной жизни людей с точки зрения истории в целом — это не процесс постепенного расширения уже наличного и апробированного, а проникновение в *неизвестное*. А уж такой основополагающий переворот во всех отношениях общественной жизни, какой осуществляет социализм, является отнюдь не прямолинейным движением, а революционным скачком, в ходе которого должно быть осмыслено, создано, испытано, обобщено много нового. Тут нет рецептов, нет готовых решений, здесь открывается широкое поприще, требующее применения всего творческого потенциала рабочего класса и общества в целом. Прокладывание новых путей затрудняется и осложняется к тому же акциями классового противника. Завершенное общество есть наивная иллюзия, благое пожелание. Самосозидание человека не закончится никогда, его развитие безгранично, как сам исторический прогресс.

О «смысле» индивидуального существования

Когда ставится вопрос о «смысле» жизни, то чаще всего имеется в виду индивидуальное существование. Что касается существования рода *Homo sapiens*, то ему, как было показано выше, нельзя приписывать высшего «смысла». Термин «смысл» обозначает функциональное отношение: нечто имеет смысл постольку, поскольку оно реализует необходимое отношение *для другого*. Если бы существованию рода *Homo sapiens* был присущ вовне его находящийся смысл, то последний должен был бы основываться на том, что благодаря деятельности человеческого рода в космос как его «дополнение» вносится специфический порядок, высший способ движения и функционирования. Но такая космическая функция должна была бы действовать уже при возникновении человека как путеуказующий стимул: человечество, по существу, жило бы во имя этой цели. Данный подход предполагает телеологическое рассмотрение возникновения и развития человечества, постулирует высший целевой пункт человеческого существования, ради которого вообще нужны люди.

Невозможно привести научное доказательство в пользу такого предположения. Возникновение и развитие человечества строго следует каузально-генетическим взаимосвязям и поддается материалистическому объяснению без вспомогательных телеологических конструкций. Телеологическая точка зрения является идеалистической, ибо она подчиняет реальное движение идеальному целеполаганию. Она идеалистическая еще и потому, что увязывает существование космоса с человеческим разумом. Если бы родовое существование человека имело вовне его находящийся смысл, то мир, с которым соотнесен этот смысл, зависел бы от человека и его интеллекта, так как лишь благодаря человеческой деятельности он мог бы раскрыть свою подлинную сущность. А это и есть идеализм. Существование человеческого рода не имеет смысла, оно не имеет функционального отношения к чему-то вовне его находящемуся. Человеческий род возник вследствие объективных условий, которые по человеческим меркам носят во многом исключительный характер: по отношению к известному нам мировому целому, если исходить из сегодняшнего уровня нашего познания, существованию рода *Homo sapiens* свойствен признак случайности, что не исключает его необходимости на основе данных условий. Но это значит, что весь необъятный мир идет своим ходом и без человека, что человек не нужен для его существования и развития.

Точно так же не имеет смысла и история человечества. Другими словами, она не соотносится с каким-то завершающим состоянием в мировом целом. История представляет собой беспрестанный процесс самосозидания и саморазвития общественного человека. В человеческой истории не реализуется никакой космический смысл, в ней люди преследуют свои интересы и цели. История — это пространство движения материально обоснованных интересов, а не «высшего разума» или трансцендентного «смысла».

Эти утверждения могут ошеломить неподготовленного читателя. Протест против них возникает вследствие безотчетного переноса повседневных смысловых и функциональных отношений на области действительности, где эти категории неприменимы. Повседневный опыт говорит, что человеческая деятельность имеет смысл, поскольку она соотносится с целями и использует подходящие для них средства. Термин «смысл» обозначает функциональную взаимосвязь, которую реализуют эмпирические действия. Всякое действие осмысленно в той мере, в какой оно приводит в действие рационально применяемые средства для достижения рационально обоснованных целей. «Смысл» — это эмпирический факт, и есть искушение перенести его по аналогии на человеческий род в целом и его историческое развитие. Коль скоро всякое отдельное бытие и действие имеют смысл, то, очевидно, должна

иметь смысл и их сумма, в противном случае становился бы проблематичным смысл отдельного и подвергалась бы сомнению функциональная ценность всякой реальной деятельности.

Однако делать заключение от отдельного к целому недопустимо, ведь целое представляет собой не механическое соединение отдельных составных частей, а *органическую целостность*. Смысл отдельного вполне можно объяснять из сущности рода в целом, но нельзя обнаружить смысл целого путем простого переноса на него индивидуальных смыслополаганий.

В общем существовании и движении рода в целом отдельное имеет «смысл» лишь постольку, поскольку оно функционально соотнесено с родом, делает возможными существование и развитие рода. Это функциональное определение содержит в себе аспекты существования отдельного вообще, его необходимого возникновения и гибели, рождения и смерти. Отношение между индивидом и родом состоит в том, что род существует только в индивидах и благодаря индивидам; это общая сущность, которая обретает существование в индивидах. У нее нет отдельного от них существования. «Смысл» индивидуального существования заключается в том, чтобы сделать возможным родовое существование. Но это не значит, что сначала наличествовал род как предсуществующая определенность, а затем уже к нему присовокупилось существование индивидуального как необходимый функциональный элемент. Напротив, по своему существованию индивидуальное дано одновременно с родом; ни одно из них не является целью другого. И поэтому тут имеет место не смысловое отношение, а диалектическое единство противоречивых, взаимно дополняющих и обуславливающих друг друга моментов. В диалектике данного структурного отношения, так как здесь налицо обоюдное взаимодополнение сторон, можно выделить функциональное, или рефлексивное, отношение, которое устанавливается между обоими моментами. Это отношение есть взаимное обуславливание сторон. Индивид по своей сущности определяется родом; он не свободный продукт, а продукт рода. В индивиде род обретает существование; род есть всеобщее, определяющее, явление же, существование воплощает индивид, который, в свою очередь, порожден родом.

В этом плане как индивид, так и род имеют «смысл» друг для друга; но данное отношение не является телеологическим, ибо ни одна из сторон не является целью другой. Они составляют моменты диалектического противоречия и реализуют отношение взаимного исключения и обуславливания. Неправомерно ставить вопрос об «основании» индивидуального и родового существования и их диалектического единства: оно является фактом, без которого бытие было бы невозможным. В

конечных и самых глубоких структурных отношениях действительности нет никакого «смысла», поскольку целое может существовать лишь благодаря данным отношениям, через их посредство; оно совпадает с ними. Это повседневные эмпирические ценности наивно переносятся на мировое целое, когда выискивается «смысл» того, что в мире имеется закономерный порядок. Мир без закономерной внутренней взаимосвязи невозможен, и отношение между миром и закономерностью заключается не в том, что неупорядоченное вещество впервые закономерно формируется творцом мира или чем-то подобным. Мир, по сути своей, имеет свойство быть закономерным. Элементом этой закономерности является и диалектическое единство индивида и рода.

«Смысловое содержание» индивидуального бытия вытекает не только из общей диалектики рода и индивида, а прежде всего из общественных отношений. Оно является социальным и классово-определенным. Различные классы и разные слои дают смыслу жизни чаще всего различные определения. Этот смысл может быть определен как активная деятельность в рамках общности, как участие в военных акциях, как покаяние и подготовка к потусторонней жизни, как культ индивидуального наслаждения, как ничегонеделание и созерцательность и т. д. Невозможно абстрактно-всеобщее полагание смысла жизни, оно сводится к пошлостям.

Прогрессивные классы усматривают смысл коллективного и индивидуального действия в революционном обновлении или развитии общественных отношений, реакционные классы — в их консервации.

Смысл жизни в социалистическом обществе состоит в формировании у себя и у других такого образа мыслей и поведения, который нацелен на раскрытие материальных и духовных потенций общества в интересах трудящихся классов и слоев. Социалистическое и коммунистическое общество все больше и больше устраняет и будет устранять из общественной жизни все антигуманное, что в таких огромных масштабах порождало и воспроизводило классово-антагонистическое общество. В центр общественной жизни становятся свобода, достоинство человека, его материальное и духовно-культурное благополучие; они сохраняются и утверждаются обществом. Этого не достичь моральными призывами, здесь в первую очередь необходимо развитие материальных ресурсов общества. При низком уровне производительных сил и материального обеспечения людей они лишь в ограниченной мере реализуют свою свободу, свои интересы и потребности.

Речь, далее, идет и о том, чтобы постепенно избавить жизнь социалистического общества от всего устаревшего, изжившего себя, чуждого социализму, от всего, что затрудняет прогресс общества. Это требует полной

вовлеченности, сознательного участия каждого индивида. Социалистическое общество есть революционное преодоление свойственных капитализму антагонистических противоречий. Его собственный процесс развития представляет собой разрешение постоянно возникающих неантагонистических противоречий, причем инициатива «сверху» и инициатива «снизу» образуют продуктивный синтез. Здесь перед индивидами открывается широкое поле деятельности, здесь они могут творчески участвовать в развитии общества, найти применение своей гражданской ответственности, воспринимая и исполняя общественные дела как свои собственные. Всякое индивидуальное благополучие основывается на общественных предпосылках; деятельное соучастие в преобразовании условий общественной жизни есть **исполнение смысла индивидуального бытия**, который выводит индивида за пределы индивидуального, к общности, ко всем. В той мере, в какой социалистическому обществу удастся сделать нормой повседневного поведения сознательно и деятельно воспринимаемую ответственность за «особенное» с учетом целого, все более эффективно проявляются преимущества и движущие силы социализма, все лучше становится жизнь всех людей.

Осмысленная деятельность — это деятельность в контексте общественной деятельности и ответственности с целью достижения человеческого благоденствия. Правда, индивиду может показаться, что имеет смысл меньше заботиться об общественных делах и больше — о своих личных; при социализме еще можно часто встретиться с безразличием к общественным интересам. Однако такая позиция оказывается в конце концов абсурдной для индивида — ведь в длительной перспективе она наносит ущерб и личным интересам. Проблема заключается в том, чтобы каждый понял взаимосвязь своих условий жизни с условиями жизни общества и действовал в соответствии с этим пониманием, чтобы он признал общественную обусловленность индивидуального благополучия и счастья. При низкой производительности труда общественное производство остается малоэффективным, а уровень жизни — скромным. При высокой производительности труда всех работников поднимается эффективность производства и уровень жизни. От поведения многих отдельных лиц зависит прогресс общества.

Это смысловое наполнение индивидуальных действий относится к индивидам на всех уровнях процесса общественной жизни, касается исполнителя так же, как и руководителя, практика — так же, как и теоретика. Если во всех областях, за которые они несут ответственность, ставятся высокие задачи и достигаются высокие результаты, то успешно развивается и целое. И это не только вопрос сознательности, но также вопрос организации

общественной деятельности; она включает в себя руководство, стимулирование, мотивацию и т. д. Их формы не являются чем-то заранее определенным; они творятся людьми, которые целесообразно их преобразуют в соответствии с реальными требованиями и сознанием своей общественной ответственности. Так объективное опосредствуется субъективным, материальное — идеальным. Система материальных рычагов и стимулов задается общими материальными условиями, но она возникает не сама собой, не стихийно, а благодаря сознательной рациональной деятельности; ее необходимо выработать и претворить в жизнь. Но при этом оказывают воздействие и идеальные факторы, а осмысленная, направленная на общественную эффективность деятельность выступает здесь ключевой проблемой общественного прогресса.

«Смысл» существования наличествует как общественно обусловленное, конкретно-исторически определенное, материально обоснованное отношение; в нем нет ничего мистического или трансцендентного как такового. В своем более широком содержании данное отношение отсылает к историческому прогрессу человеческого рода. «Смысл» этого рода заключается в постепенном раскрытии всех его сущностных сил; это рефлексивное движение, опосредствованное борьбой с природой. В своем конечном результате оно и есть исторический прогресс. Когда в условиях социализма осмысленная, исполненная смысла деятельность индивида через общество опосредствуется самой собой, она одновременно соотносится с родом, с историческим прогрессом, обеспечивает продолжение и прогрессивное развитие рода *Homo sapiens*. Смысл человеческой жизни вплетен в сеть функциональных отношений, которые соединяют индивида с общностью, обществом и с человечеством вообще. Если эти отношения и выходят далеко за рамки ограниченной сферы индивидуального существования, то все же они одновременно служат для него существенной точкой опоры. Ведь вопрос о смысле жизни затрагивает самое индивидуальное и личное — жизненный выбор индивида.

Индивид может наполнить смыслом жизнь не только соотнося себя с человеческим родом и его историческим прогрессом; он скорее понимает его как вопрос повседневной жизненной практики. Здесь индивиды фиксированы на «элементарные» притязания: общение с другими, удовлетворенность работой и личной жизнью, отсутствие болезней и страданий, материальное благополучие и т. д. Дело в том, что вопрос о смысле жизни нацелен на функциональную взаимосвязь, которую индивиды деятельно реализуют между собой. Жизнь воспринимается исполненной смысла, когда перед человеком ставятся задачи, от решения которых он испытывает радость и чувство самоутверждения, когда он имеет контакт с другими людьми,

внимателен к ним и они внимательны к нему. Вопрос об общем смысле жизни человеческого рода и смысле истории вначале остается неразъясненным, побочным; индивиду достаточно того, что он испытывает чувство своей собственной ценности, которое можно обрести только в коммуникативных взаимосвязях.

Данный вопрос, глубоко проникающий в частую сферу индивида, есть социальная проблема, он социально обусловлен, и его решение зависит от общественных предпосылок. И социалистическое общество создает здесь богатые предпосылки для исполнения смысла жизни индивида; эти предпосылки вырастают из условий индивидуальной жизни в рамках общественных связей. Это обусловлено тем фундаментальным общественным фактом, что с устранением классового антагонизма каждый труженик с его интересами, потребностями, желаниями, устремлениями становится социально значимой величиной. Он больше уже не является средством самореализации капитала, а выступает в качестве центрального пункта общественной деятельности и из средства становится целью.

В социалистическом обществе многое делается для того, чтобы жизнь отдельного человека стала богаче и приятней в материальном и духовно-культурном плане, чтобы вовлечь его в коллектив и поставить перед ним задачи, выполнение которых дарит ему радость самоутверждения и сознание своей полезности для общества. Это совсем не означает низведения индивида до роли потребителя благополучия, что было бы односторонней трактовкой индивидуального счастья. Смысл жизни, который и представляет собой счастье в полном смысле этого слова, включает в себя и пользование достигнутым, и собственные достижения; индивид наслаждается заботой общества и коллектива. Но общество и коллектив в свою очередь ожидают и требуют от него, чтобы он делал максимум возможного для других, для всех. Ведь именно потому, что смысл жизни обозначает такую функциональную взаимосвязь, которая ломает непосредственное отношение индивида к самому себе, его счастье включает в себя деятельность, напряжение, борьбу, ответственность, овладение проблемами. Исполнение смысла жизни — не аркадская идиллия, а процесс деятельного взаимодействия человека с окружающим миром, с другими людьми и с самим собой. Это жизнь и действие, исполнение смысла жизни происходит в активном общении, в формировании ответственности за других и за всех в ходе взаимодействия общественного человека с социальной и природной средой.

Социализм — закономерная перспектива человечества

Наша эпоха ставит в повестку дня истории построение социализма.

Социализм не является спасительной идеей, измышленным теоретиками

идеальным миром или же просто формой ускоренной индустриализации. Его построение — это необходимость, глубоко коренящаяся в историческом развитии общества. Она вытекает из внутренних условий движения материальной жизни общества и предполагает переворот во всех общественных отношениях, полный пересмотр места трудящихся масс в социальном организме.

Социализм не является целью, которая была поставлена перед человечеством уже на начальных этапах его развития. Социализм — это необходимая общественная форма, в которой находят свое разрешение противоречия капиталистического способа производства. Поскольку же капитализм является исторически высшей ступенью развития классово-антагонистического общества, то социализм снимает все противоречия и парадоксы, присущие антагонистическим отношениям. У социализма — прочная, материально обоснованная взаимосвязь со всем предшествующим развитием человечества. Он представляет собой его закономерное продолжение, но не «смысл» или «цель» жизни рода *Homo sapiens*. Переход от капитализма к социализму особенно ясно показывает, что историческое развитие не устремляется ни к каким сверхисторическим смыслополаганиям, что оно является процессом, с необходимостью и последовательностью проистекающим из конкретных объективных и субъективных условий. Эти необходимость и последовательность обусловлены общими и специфическими законами развития человеческого общества.

Доказательство объективной исторической необходимости социализма, которая находит субъективное выражение в провозглашаемых целях борьбы революционного рабочего движения, должно начинаться с анализа капитализма. Из аналитического определения условий этого способа производства следует непреложный вывод, что капитализм есть не «абсолютная», а всего лишь историческая, временная, преходящая общественная форма. Это теоретическое доказательство может использовать и ссылки на эмпирический материал. Ведь эмпирически, реально-исторически продемонстрировано, что освободившиеся от капитализма страны в сравнительно короткое время достигли огромного подъема материального производства, промышленности, общего образования и культуры народа. Благодаря концентрированному, планомерно организованному оперированию ресурсами общества, благодаря преодолению анархии, стихийности и эксплуатации материальных производителей экономически весьма отсталые страны смогли в сжатые сроки в корне преобразить материальные и культурные условия своей общественной жизни и превзойти по важным экономическим и социальным параметрам развитые капиталистические страны.

Не преуменьшая сложности экономических проблем, стоящих перед социалистическими странами и прежде всего связанных с действенным использованием интенсивных факторов роста, следует подчеркнуть очевидное превосходство планомерно, пропорционально и сознательно ведомого, ориентирующегося на потребности материальных производителей народного хозяйства над «свободной рыночной экономикой», то есть над обществом анархии, стихийности и конкуренции.

Тем не менее в распоряжении капиталистического способа производства все еще находятся могучие силы общественного производства, поэтому только ссылок на эмпирические данные относительно развития некогда капиталистических (или даже докапиталистических) стран недостаточно, какими бы впечатляющими они ни были сами по себе. Закономерную тенденцию перехода к социализму следует вывести из внутренних предпосылок капиталистического общества. Доказательство осложняется той проблемой, что строительство социализма в большинстве случаев осуществлялось в странах, где капиталистический способ производства сформировался еще не в полной мере и потому не мог всесторонне выявить свою потенциальную эффективность. В тех странах, где капитализм достиг высокого уровня экономического развития, он добился значительных результатов в развитии материальных ресурсов, в повышении производительности труда, в области естественнонаучного и технического прогресса.

На империалистической стадии своего развития капитализм достиг огромного — в сравнении с предшествующим периодом — прироста экономических потенций. На основе быстрых темпов экономического роста, повышения сложности товара «рабочая сила» и благодаря неустанной борьбе рабочего класса в развитых капиталистических странах значительно выросла реальная заработная плата.

Констатация данной тенденции может привести к выводу об обеспеченности существования трудящихся в капиталистических странах. Но это совершенно не так. В силу своих антагонистических противоречий капитализм закономерно порождает ненадежность существования, социальную нищету, культурную деградацию и потому не может избежать возникновения очагов конфликтов. С железной необходимостью растут и усиливаются социальные контрсилы, которые не принимают капитализма. Конечно, этот процесс не происходит как постоянное экономическое и социальное падение. Речь идет о закономерной *тенденции мирового* капитализма, которая снимается и перекрывается, частично на какое-то время даже нейтрализуется многочисленными противодействующими ей тенденциями и процессами. Однако внутренние условия капиталистического способа производства

исключают равномерное, пропорциональное динамичное экономическое развитие капиталистических стран и непрерывное улучшение жизненного положения трудящихся масс. И в странах, где господствует капитализм, и *между* ними закономерно возникают социальные различия и конфликты. Они появляются в результате воздействия механизма получения прибыли и конкуренции, а также лежащей в основе всего этого эксплуатации производителей. Равномерное развитие материальных ресурсов предполагает планомерность и общественно-сознательное регулирование производства; но как раз они-то и немислимы в условиях частной собственности на средства производства и конкуренции капиталистов. Систематическое и стабильное улучшение жизненного положения масс должно было бы повести к тому, что прибыль в качестве движущего импульса производства заменили бы потребности материальных производителей. Но это противоречит экономическим предпосылкам капитализма: частной собственности и стремлению к получению максимальной прибыли.

В ходе развития капиталистического способа производства всякий прогресс, всякое движение вперед закономерно порождают противодействующие тенденции, тормозящие и деструктивные эффекты. Частичное разрешение противоречий одновременно углубляет их антагонистическую основу. Капиталистический способ производства с необходимостью должен постоянно двигать вперед материальные производительные силы — в этом выражается борьба капиталов за возможно более благоприятные условия своей реализации. Вразрез с этим социальный интерес капиталистов требует сохранения и стабилизации частнокапиталистических отношений собственности, допускает частичное приспособление производственных отношений к потребностям развития производительных сил, а не их качественное изменение в соответствии с этими потребностями. Развитие производительных сил, с одной стороны, стабилизирует капиталистическое общество, усиливает его экономические потенции; с другой стороны, оно подтачивает их, поскольку в условиях стихийно совершающихся экономических процессов, направляемых погоней за прибылью, становится все труднее организовывать гигантски выросшие производительные силы в соответствии с общественными критериями рациональности и эффективности.

С развитием производительных сил закономерно растет рабочий класс, а вместе с тем возникает сила противодействия капиталистам, которую им все труднее интегрировать в свою систему господства. Это происходит потому, что экономические условия материальных производителей не обеспечивают падежных гарантий их жизни, а, напротив, увеличивают ее нестабильность.

Ныне, как и прежде, продолжается эксплуатация производителей общественного богатства; это неизменная оборотная сторона частной собственности и погони за прибылью. Формы эксплуатации претерпевают исторические изменения. В развитых капиталистических странах они уже не имеют столь наглого, очевидного характера, как в XIX в. Эксплуатация проявляется прежде всего в несоразмерности между резко выросшей производительностью труда и существенно меньшим повышением номинальной заработной платы, которая к тому же в значительной мере обесценивается растущей дороговизной.

Гонка на производстве, стрессы, крайнее физическое и психическое напряжение — вот что характеризует условия труда при капитализме. Растущая резервная армия труда в промышленности (постоянно увеличивающаяся численность безработных) ухудшает условия продажи товара «рабочая сила». Вследствие интернационализации эксплуатации хуже становится и общее положение рабочего класса: капитал устремляется в страны с низкой заработной платой, вербуются дешевые иностранные рабочие, что ведет к понижению заработной платы отечественных рабочих, и т. д. Если трудящиеся добиваются повышения заработной платы, то растут затраты капиталистов. Они ищут компенсацию в рационализации производства, которая приводит к высвобождению рабочей силы. Это вызывает движение, направленное против тенденции к повышению заработной платы; необеспеченность жизни и социальная нищета растут вместе с увеличением резервной армии труда. Таким образом, капитал необходимо движется в антагонистических формах — тенденция к развитию производительных сил перекрещивается с противоположно направленным движением, что закономерно ведет к обострению общественных конфликтов, к усиливающейся необеспеченности жизни и, стало быть, вызывает социальный протест со стороны угнетенных.

Отсюда проистекает тенденция к ухудшению общей ситуации рабочего класса. Хотя реальная заработная плата в развитых капиталистических странах растет, улучшаются комфорт и бытовая техника в квартирах, но, во-первых, этот прогресс нужно вновь и вновь закреплять средствами жесткой профсоюзной борьбы. Во-вторых, он не имеет никакого отношения к ситуации на рабочих местах и в обществе, отмеченной репрессивностью со стороны господствующего класса. Даже применение средств профсоюзной борьбы, которые далеко не гарантируют демократического положения вещей, показывает необеспеченность социальных условий существования рабочего класса. При капитализме отношение конкуренции переносится во все области жизни; оно предполагает, что социальные субъекты стремятся отстаивать свои интересы с помощью стратегий, чреватых конфликтами.

Однако ориентированная на конфликт реализация интересов содержит в себе вероятность их ущемления. Поэтому забастовочная борьба отдельных групп трудящихся может приносить им (на время) выигрыш, в то же время оборачиваясь проигрышем для других групп. В общем и целом она не ведет к стабилизации материального положения трудящихся.

На самом предприятии рабочие очень далеки от настоящего соучастия в принятии решений (не говоря уже о принятии решений): они являются исполнителями, выполняют чужие приказы. Даже реформистски настроенные профсоюзные функционеры вынуждены это признать:

«В рамках господствующей сегодня системы труда человек становится номером, который должен функционировать»¹³⁷. Представители трудящихся классов и слоев всю свою жизнь остаются по своему социальному статусу неполноправными. Социологические данные показывают, что лишь ничтожно малому проценту рабочих удается подняться до профессий «высшего порядка», имеющих большой социальный престиж, предполагающих более высокую квалификацию и значительные доходы. В разительном противоречии с положением дел в социалистических странах у детей рабочих в «свободном мире» немного шансов получить такую квалификацию, чтобы их профессиональное развитие отвечало их способностям и интересам.

Причиной ненадежности условий существования рабочих и других трудящихся являются частная собственность на средства производства, капиталистическая конкуренция, стихийное (не планомерное) движение экономических процессов, связанное с этим повышение цен, угроза безработицы, инфляция, бремя гигантских и все более возрастающих расходов на вооружение, вызванных стремлением империалистической буржуазии к упрочению своей власти, экономические кризисы и, наконец, империалистические войны.

Вследствие этих экономических и социальных условий существуют также резкие различия и противоречия между странами, где господствует капитализм. Даже если отвлечься от конфликтов между интересами империалистических держав, налицо бросающиеся в глаза перепады в уровне развития производительных сил и жизненном положении масс в развитых и слаборазвитых странах. Правда, различия в уровне экономического развития существуют и между социалистическими странами. Но они являются в конечном счете результатом досоциалистического исторического развития и шаг за шагом преодолеваются. При капитализме же различия принадлежат к

¹³⁷ Vetter H. O. Humanisierung der Arbeitswelt als gewerkschaftliche Aufgabe. — Gewerkschaftliche Monatshefte, 1973, H. 1, S. 4.

числу условий самого функционирования общественной системы, они свидетельствуют о распространении эксплуатации на целые народы и континенты. Богатство немногих высокоразвитых капиталистических стран в немалой степени покоится на ограблении других народов, которые как поставщики сырья вынуждаются к неэквивалентному обмену. (Эта ситуация отчасти изменяется лишь сегодня, что тотчас же приводит к углублению социальных коллизий в империалистических метрополиях.) Капитализм экспортирует социальные конфликты, противоречия и коллизии в слаборазвитые страны, где рабочий класс и другие трудящиеся подвергаются особенно жесткой эксплуатации. Согласно различным оценкам, благодаря получению сырья из развивающихся стран монополии главных империалистических стран в послевоенное время сумели получить дополнительно более 1000 миллиардов долларов монопольной прибыли.

Капитализм не избавлен от действия закона, по которому с развитием производительных сил качественно изменяются производственные и все другие общественные отношения. По своей сущности он не в состоянии всесторонне овладеть противоречием между производительными силами и производственными отношениями. Мощно развившиеся производительные силы требуют совокупно-общественной, характеризующейся планомерностью формы. Экономические процессы выходят из повиновения общества, основанного на частной собственности. В кризисные периоды и перед лицом задач, которые можно решить лишь силами всего общества, в их течение вынуждено вмешиваться государство. Государственное вмешательство в экономические процессы приняло такие масштабы, что без него капиталистическая экономика уже просто не может функционировать. Но поскольку такое вмешательство, как правило, происходит задним числом, когда уже возникли и углубились экономические и социальные диспропорции, конфликты, оно не способно разрешить основополагающих противоречий, а лишь по возможности на какое-то время смягчает их. Государственный «интервенционизм» сигнализирует о том, что «свободная рыночная экономика» изжила себя, что в условиях капиталистического строя невозможно справиться с ее противоречиями.

А отсюда закономерно следует, что у капитализма нет неограниченного будущего, он должен быть сменен другим строем, социализмом. Конечно, капитализм сегодня еще располагает немалыми экономическими резервами, значительным техническим и научным потенциалом. Производительные силы детерминируют производственные отношения не прямо, не непосредственно. Лишь **в конечном счете** развитие производительных сил создает потенциал углубляющихся социальных конфликтов, который является результатом расхождения между гигантски выросшими

производительными силами и ориентированной на прибыль, определяемой конкуренцией формой их применения. Такой конфликтный потенциал не обязательно возникает лишь в экономически высокоразвитых, он может возникнуть и в менее развитых, зависимых и эксплуатируемых странах. Переход к более высокому социальному строю в своей глубокой основе определяется движением противоречивого отношения между производительными силами и производственными отношениями. Однако то, как он происходит, зависит от производных, более или менее самостоятельных комплексов экономических, политических, социальных, национальных, культурных противоречий. Переход от капитализма к социализму закономерно осуществляется в силу того, что капитализм как мировая система неизбежно создает очаги конфликтов, вызывающих импульс к преодолению условий империалистического господства.

Эти очаги конфликтов в конечном счете определяются основным противоречием капитализма. Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением является глубочайшей основой преодоления капитализма. Оно воздействует на этот процесс не *прямо*, а через систему сложных *опосредствований*. Острейшие противоречия современного капитализма — энергетический кризис, экологический кризис, инфляция, безработица, перманентный аграрный кризис, разрыв между развитыми и слаборазвитыми странами — являются результатами, производными формами выражения движения основного противоречия. Механизм закона прибавочной стоимости побуждает капитал к погоне за максимальной прибылью и тем самым — к расточению природных ресурсов, хищническому отношению к окружающей среде. Этот механизм лежал в основе деформированной монополистической системы цен на нефть и другое сырье, эксплуатации зависимых стран империалистическими метрополиями. Инфляция, расстройство системы цен и финансов являются результатом эскалации вооружений, в которой повинно империалистическое стремление к господству, в особенности же — результатом присущего империализму противоречия между монополией и существующей наряду с нею свободной конкуренцией. Периодические валютные потрясения и современный глубокий кризис совокупной системы международных экономических отношений капитализма порождаются законом неравномерного развития при империализме, который приводит к обострению конкурентной борьбы империалистических держав в области экономики и политики. Вследствие усиления социализма и процесса выпадения новых стран из сферы империалистического господства противоречия империализма заявляют о себе с возрастающей силой, так что империализм уже не способен направить в нужное ему русло противоречия, проистекающие из основного противоречия капитализма.

Таким образом, объективный механизм смены капитализма социализмом составляют не субъективно поставленные цели или общечеловеческие задачи, а объективные, в конечном счете экономические взаимосвязи, из которых вытекают цели борьбы революционного рабочего класса, трудящихся масс.

Подлинной основой этого процесса является обостряющееся основное противоречие капитализма. Оно выражается в многообразных производных противоречиях. А они в свою очередь образуют комплексы коллизий и конфликтов, в которых национальные, исторические, политические и другие факторы сплетаются с экономическими противоречиями в очагах концентрации социальных антагонизмов. Возникновение революционной ситуации, острый кризис всей системы господства и угнетения сообщают могучие импульсы субъективной деятельности, действиям и борьбе революционных общественных сил. Если субъективный фактор революции — организованная и организующая сила пришедших в движение масс — достигает необходимого уровня зрелости, то империалистическое иго может быть сброшено и, при опоре на политическую власть рабочего класса и его союзников, возможно осуществление перехода к более высокому общественному строю.

Этот всемирно-исторический процесс протекает направленно, и его направленность есть результат прежде всего действия объективных условий. Не от человеческого произвола зависит, будет ли капитализм сменен более высоким общественным строем или останется существовать «вечно». Основополагающие противоречия капиталистического способа производства прокладывают себе путь через систему производных противоречий и с непреложной необходимостью вызывают, если брать в расчет длительные промежутки времени, революционную деятельность, которая обеспечивает разрешение противоречий посредством перехода к более высокой общественно-экономической формации. Субъективный фактор имеет выдающееся значение; степень его развития, качество его действий, правильное определение целей деятельности оказывают серьезное влияние на конкретные сроки, темпы и эффективность революционного перехода. Из-за недостаточной организованности и сознательности массы порой не справляются со своей революционной задачей, и революция может потерпеть поражение. Но это не лишает значения объективные механизмы, которые делают исторически необходимым переход к социализму. Общественные противоречия обостряются и вновь ставят социальные силы перед лицом требований, которые они в конце концов успешно выполняют.

Общий динамический механизм смены капитализма и перехода к более высокой общественно-экономической формации в основе своей является тем

же самым, что и во всем предшествующем историческом развитии. Основополагающие противоречия более низкой формации выражаются в производных противоречиях самого разного рода. Они стоят в многообразно опосредствованном отношении с основным противоречием, непосредственно же они порождаются специфическими историческими условиями. Эти условия сообщают импульсы прогрессивным социальным силам, на которые они — при наличии объективных и субъективных предпосылок — реагируют революционной деятельностью, практически осуществляя переход к более высокой формации в данном обществе (государстве, нации).

Этот процесс является направленным восходящим развитием в силу того, что совершенствование производительных сил, их передача от поколения к поколению и от формации к формации образуют внутреннюю связь исторического движения. Определенное состояние производительных сил предполагает определенный тип производственных отношений, уровень производства создает потребности, которые должны быть удовлетворены при его развитии. Если же удовлетворение потребностей широких слоев народа не может быть обеспечено, то в результате ухудшения жизненного положения производителей вследствие движения основного противоречия создается объективный конфликтный потенциал, находящий субъективное выражение в деятельности революционных сил. Борьба народных масс в конечном счете нацелена на удовлетворение потребностей людей на том уровне, который задается состоянием производительных сил. Благодаря развитию производительных сил через потребности, революционную деятельность и ее цели формируется тенденция к постоянному восходящему развитию. Такая направленность движения проистекает не из трансцендентных «целей», а из внутренней диалектики самого материального производства.

Это как бы абстрактно-всеобщий механизм, обеспечивающий переход к более высокой общественно-экономической формации. В конкретной жизни существуют, однако, многообразные особенности и отклонения от общего содержания закона. Это происходит потому, что социально-экономические процессы воздействуют на реальный исторический процесс через множество опосредствований. А сами процессы проявляются как всемирно-исторические *тенденции*. Но реальный революционный процесс в отдельных империалистических странах совершается в специфических исторических условиях, питается комплексами противоречий, которые отнюдь не обязательно должны иметь *непосредственной* предпосылкой обострение основного социально-экономического противоречия в данной стране. Тут вносит ясность лишь анализ конкретно-исторического процесса, который соединяет общий закон со специфическими условиями. Эти условия

в конечном счете связаны с основополагающими противоречиями капиталистического способа производства — в том его конфликтном виде, в котором оно оказывается вследствие *исторического* стечения обстоятельств. Лишь благодаря этому могло случиться так, что не экономически высокоразвитые, а экономически менее развитые страны первыми свергли империализм и начали построение социализма. Данный факт никоим образом не отменяет общего закона перехода к более высокой формации; напротив, он показывает, что этот закон прокладывает себе путь в условиях широкого спектра производных, особенных, случайных условий и факторов. **Необходимость** существует как фундаментальная *тенденция*, которая оказывает действие лишь благодаря моменту случайного и особенного.

Для развития отдельных социалистических стран отсюда следует, что в силу конкретных специфических условий общая сущность более высокого строя, социализма, должна формироваться в ходе длительного процесса. Так как построение социализма в большинстве стран было начато на основе недостаточно развитых производительных сил, эти страны должны были решать особенно сложные задачи развития производительных сил. Речь шла не просто о том, чтобы привести производственные отношения в соответствие с производительными силами;

нужно было догнать по определенным параметрам развития производительных сил индустриально передовые капиталистические страны и одновременно создать адекватную социализму материально-техническую базу.

Политическая власть в таких странах по своему социальному содержанию ушла вперед дальше (отчасти такое положение сохраняется и сегодня), чем экономические условия. Вследствие этого было возможно возникновение определенных конфликтов, и социализм не мог тотчас же и ясно во всех аспектах продемонстрировать свое превосходство над капитализмом. Так как материальный потенциал должен был концентрироваться на развитии тяжелой индустрии, а легкая промышленность лишь постепенно подтягивалась к ней, жизненный уровень рабочего класса и других трудящихся, несмотря на основополагающие социальные перемены к лучшему, долгое время оставался относительно скромным. В этих условиях экстенсивные факторы роста преобладали над интенсивными, количественный момент расширения сферы производства доминировал над качественными факторами; особый вес приобрела централизация, а развитие оперативной самостоятельности предприятий и территорий, по существу, оставалось задачей будущего.

Итак, историческое движение всегда исходит из объективных условий как конкретной наличной действительности общих законов. И грандиозные цели, и «революционные скачки» не могут сократить или отменить процесс необходимого постепенного развертывания материальных предпосылок нового общества. Цели деятельности должны отражать объективные условия, необходимость и возможности их прогрессивного динамичного развития. Тогда они способны ориентировать и регулировать деятельность таким образом, чтобы ее результаты отвечали интересам народа, интересам социализма.

В современных условиях наиболее развитые социалистические страны принимаются за практическое решение задачи — сделать всесторонне очевидными свои преимущества и движущие силы, свое превосходство над капитализмом. Сознательность общественного развития означает, что обеспечивается далеко идущее соответствие целей и результатов деятельности, а это предполагает адекватное познание объективных условий. В народном хозяйстве социалистических стран предстоит включить на полную мощность качественные факторы роста и благодаря этому сформировать функциональную взаимосвязь всех компонентов современного высокосложного социалистического общества, чтобы на всех уровнях общественного процесса были максимально высвобождены его движущие силы. Это предъявляет высокие требования к научно-теоретическому определению объективных условий и движущих факторов, материальных и духовных, объективных и субъективных стимуляторов высокоэффективного, бесперебойного развития народного хозяйства и всего общества. В определенном отношении социализм здесь вступает в неизведанную область; движущие силы развития капиталистического способа производства утратили в современном социалистическом обществе свою значимость, а адекватные социализму движущие силы должны быть переведены из латентного, скрытого состояния в актуальное. Эти движущие силы потенциально содержатся в социалистических производственных отношениях, но функционировать они начинают лишь благодаря сознательной и организованной деятельности, что предполагает их верное теоретическое понимание и практическую организацию. С развитием материальных основ социалистического общества развиваются и движущие силы прогресса; они приобретают качественно новые признаки. А это, ввиду приращения комплексности социалистического общества, ставит новые сложные задачи перед рабочим классом, всеми трудящимися. Например, обеспечение такой формы продуктивного взаимодействия человека с природой, которая позволит сохранять природную среду на базе высокоразвитых производительных сил, является задачей, которая в будущем станет еще более сложной.

Большое значение имеет прочное закрепление социалистической идеологии, ценностей и моральных норм социализма в сознании масс. И это тоже прогрессивно изменяющаяся задача — ведь с развитием общественных условий, с повышением уровня комплексности общества, с обострением классовой борьбы между социализмом и империализмом работа по формированию сознания становится все более сложной. Каждое новое вступающее в жизнь поколение должно быть вооружено социалистической идеологией, и процесс этот должен осуществляться на все более широкой социальной базе.

Все действия общества и его руководящих органов в конечном счете направлены на лучшее удовлетворение материальных и духовно-культурных потребностей трудящихся. Может показаться, что тем самым субъективный момент вступает в действие как решающий фактор, что утрачивает свою силу вся прежняя историческая диалектика, которая разворачивалась в условиях приоритета объективных, материальных условий. Но это не так. Потребности человека восходят в конечном итоге к его материальному существованию, а их качество, их общественно-исторический характер являются результатом развития производительных сил и общества в целом. Цель заключается в обеспечении материальных (а исходя из этого и духовных) условий жизни на все более широкой основе — таков материальный факт, который проистекает из человеческой сущности при конкретных общественных предпосылках жизнедеятельности людей и отражает историческую борьбу рабочего класса, его всемирно-историческую миссию. ***Не сверхисторические цели и трансцендентные смыслополагания определяют развитие социализма, а интересы рабочего класса, всех трудящихся — вот в чем состоит материалистически понятый «смысл» социализма,*** который проявляется как неустанная борьба за решение главной задачи.

Интересы суть выражение объективной жизненной ситуации; потребности людей имеют материальный источник и общественно-историческое качество. Прогресс в социалистическом обществе представляет собой комплексное развитие человеческих сущностных сил благодаря решающему субъекту этого общества, рабочему классу, трудящимся массам. Дальнейшее развитие социализма проистекает из соединения материальных предпосылок с основанными на них, создаваемыми ими интересами и потребностями трудящихся, соединения, которое происходит в общественно организованной деятельности. Это объективный исторический процесс, который не подчиняется произвольным целеполаганиям.

Историческая перспектива человечества состоит в постепенном переходе к коммунизму как самому высокоэффективному, опирающемуся на развитые производительные силы обществу без классов и других глубоких социальных

различий. Коммунизм — это действительное, реальное движение самого освобожденного общества, а марксистско-ленинская идеология является теоретическим постижением этого движения. В ней нет ничего от «целевой» или «смысловой» конструкции, она отражает действительный процесс в его исторической динамике. Отражение исторического движения, его возможностей, необходимости и законов в ходе борьбы рабочего класса, трудящихся масс отливается в цели революционной деятельности, в смыслополагание исторического действия. Коммунизм — цель борьбы. В ней заключен высокий смысл, так как объективная тенденция развития социальных условий в нашу эпоху необходимо устремлена к этому состоянию общества. Но достижение его связано с человеческой деятельностью, с борьбой революционного класса, оно возможно как результат взаимодействия объективных и субъективных факторов.

СПОР НЕ ОКОНЧЕН

(Послесловие)

В наше переломное время спорить вообще не только можно, но и нужно. Но это только вообще. А истина, как мы знаем, всегда конкретна. И хотя бы эту истину мы должны принять как бесспорную. Иначе спор, ведущий к истине, становится невозможным: если вопрос не ставится конкретно, то любой спор вокруг него будет только уводить от истины все дальше и дальше в «дурную» бесконечность.

Авторов книги, с которой вы только что познакомились, дорогой читатель, в абстрактной постановке вопросов не упрекнешь, по крайней мере сознательно они стремятся, в соответствии с одним из самых фундаментальных принципов материалистической диалектики, к конкретности. Всякая истина конкретна. С этим авторы согласны. Мы тоже. Они согласны также с тем, что истина не есть готовый результат, а есть, как сказал Гегель, результат вместе со своим *становлением*. Иначе говоря, истина есть *процесс*, процесс движения от истины неполной, частичной, относительной к истине полной, конкретной. Именно в этом заключается одна из всеобщих характеристик человеческого мышления и человеческого познания. С абсолютной силой данный закон проявляет себя в историческом развитии познания — Гегель не мог явиться раньше Аристотеля, а Маркс раньше Мюнцера. Спорно это или бесспорно? Конечно, можно спорить и о таких вещах. Но много ли толку будет от подобного спора. А если это бесспорно, то возникает следующий вопрос: объективен или субъективен данный процесс — процесс движения познания — от Аристотеля к Гегелю и Марксу, от Ньютона к Эйнштейну?

Трудно сказать, как ответят на этот вопрос наши авторы, — *так* они вопрос не ставят. Но, во всяком случае, уже Гегель считал исторический процесс развития истины **объективным**, то есть не зависящим от воли отдельных индивидов, ибо сама воля к созданию, допустим, теории относительности могла явиться только тогда, когда обнаружались противоречия предшествующих теорий.

Что заставляет нас ставить вопрос о конкретности истины и ее процессуальности, о ее развитии от абстрактного к конкретному и главным образом — об объективности данного процесса? Дело в том, повторяем, что это одно из фундаментальнейших положений материалистической диалектики, без которого все ее стройное здание перестает быть органической целостностью и превращается в агрегат положений и определений, которые могут произвольно меняться, переставляться местами и т. д.

Материалистическая концепция целостности, считают авторы, «не может исходить из того, что становление целостностей как в материальной, так и в идеальной области совершается просто как движение от абстрактного к конкретному» (с. 154). И по сути дела, вопрос сводится к тому, «существует ли объективно-реальная абстракция» (там же). Существует ли **реальная** абстракция (очевидно, имеется в виду то, что Маркс называл «практически истинной абстракцией»)? В зависимости от ответа на данный вопрос мы получаем и разные толкования метода восхождения от абстрактного к конкретному, более того — разные трактовки проблемы истины. Так что он составляет, по сути дела, главный предмет спора о природе понятий.

Допустимо ли рассматривать абстрактное как определение не только мышления, но и его объекта? Вопрос этот не новый, и он активно дискутировался на протяжении едва ли не всей истории философии, например в форме спора номинализма и реализма, рационализма и эмпиризма. Активно исследуется он и в современной марксистской литературе.

«Специфическое назначение диалектико-материалистической категории абстрактного,— пишут авторы книги,— заключается, **во-первых**, в том, чтобы выразить, что различные стороны и моменты, которые в вещах существуют лишь во взаимосвязи друг с другом и благодаря этой взаимосвязи, в **мышлении**, однако, и **только** в мышлении, только в процессе познания изымаются из этой универсальной взаимосвязи и **фиксируются** в своей односторонности...» И во-вторых: «...это мгновенное расчленение конкретной действительности в мышлении, придание односторонности ее

«многосторонности» *всегда является также процессом обобщения*, а общее в мысли так относится к объекту, как слово к вещи (с. 157). И наконец: «Точка зрения, будто существует объективно-абстрактное, есть точка зрения метафизики» (с. 161).

Позиция авторов, таким образом, выражена с полной определенностью: «объективно-реальная абстракция» есть иллюзия метафизического мышления, отождествляющего свою собственную деятельность и ее продукты с реальностью. То, что мышление использует «силу абстракции», что она есть продукт активной работы мысли, перерабатывающей данные созерцания и представления в понятия, что уже простейшее понятие есть обобщение и что «плод вообще» существует лишь в голове и противостоит реальным яблокам и грушам так же, как слово вещам,— все это верно. Но возникает вопрос, достаточно ли этой общей истины для решения тех сложных проблем и противоречий, которые возникают в ходе познания?

«Если абстрактное «онтологизируется», — пишут немецкие друзья, — процесс познания упрощается, тривиализируется, чего совсем не происходит на деле» (с. 160). Однако совершенно очевидно, например, что как ни рассматривай такую категорию, как «абстрактный труд», только «мысленным конструктом» ее не назовешь, ибо, как отмечал К. Маркс, превращение всех конкретных видов труда в лишенный различий, однородный «труд вообще» — «это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно», «не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»¹³⁸. Разумеется, категория «абстрактный труд» есть результат сложной теоретической работы, углубленного анализа экономической реальности, следовательно, и абстрагирующей деятельности мышления. И все же, разве гносеологический «статус» этой категории тот же, что и «плода вообще»? Разве в самой определенности этой абстракции именно как абстракции не отражены совершенно конкретные, исторически своеобразные объективные условия производства? И разве «абстрактное» выражает здесь лишь специфику обработки фактов действительности головой, а не специфику «обработки» труда историей?

Авторы книги преодолевают данную трудность утверждая, что содержание политэкономических и философских категорий принадлежит к различным уровням отражения действительности. Так, индивид, пишут они, «абстрактен», если его рассматривать исходя из процесса обращения капитала, но не в общеполитическом смысле» (с. 154). Политэкономический уровень фиксирует «онтологическую разделенность» моментов

¹³⁸ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 17.

действительности, их объективную, реальную «сепарированность». Философский же — разделенность лишь в мышлении. Смешивать одно с другим совершенно недопустимо. Политэкономическая категория «абстрактное» отражает структуру объекта, философская — отношение субъекта к объекту, мышления, которое всегда абстрактно, к реальности которая только конкретна. Следовательно, выражения, подобные «абстрактному труду», следует в политэкономических текстах воспринимать как фигуральные; с таким же ограничением необходимо толковать и известное ленинское положение о том, что природа "и конкретна **и** абстрактна» (см. с. 155, 160).

Над думается, что именно в этом пункте спор и должен быть продолжен. Его необходимо продолжить не только потому, что предложенное авторами решение, по сути дела, потребовало бы полностью переписать все экономические тексты Маркса, заменяя «абстрактное», скажем, на «сепаратное». Его необходимо продолжить прежде всего потому, что традиционное, аристотелевски-боэциевское понимание абстрактного воздвигало на пути той же политической экономии совершенно непреодолимые трудности и что «пересечение» политэкономического и философского «уровней» стало одним из тех поворотных пунктов, которые обозначили начало и новой политической экономии, и новой, диалектико-материалистической гносеологии и логики.

В самом деле, любые конкретные явления всегда можно представить абстрактно, изъять из них и удержать в воображении, слове некоторые общие черты. Например, и труд раба, и труд крепостного крестьянина, и труд наемного рабочего можно рассматривать под категорией «труд вообще», понятый как простое расходование человеческой рабочей силы. И это будет абстракцией разумной, облегчающей ориентацию в материале и избавляющей от повторений, как отмечал К. Маркс. Но средством постижения конкретной истины, скажем, анализа денег, такая абстракция будет лишь там, где предметом исследования является труд в его исторически определенной, специфической форме — труд, создающий стоимости. Точно так же в рамки одной абстракции можно заключить млекопитающее и сапожную щетку, но сводится ли проблема абстрактного и конкретного к вопросу о производстве подобных абстракций? Может ли такое понимание быть путеводной нитью в распутывании объективной диалектики вещей? Думается, что нет.

Ясно, что абстрактное как определение мысли не может не отличаться от абстрактного как определения объекта: абстрактный труд и мысль о нем конечно же не одно и то же. И в этом смысле абстрактный труд — не абстракция, а реальность. Но столь же очевидно, что между ними есть нечто

существенно общее, что и дает основание рассматривать их в рамках одной категории. Ведь погашение всех конкретных различий особенных видов труда, создающего стоимость, и превращение его в лишенный различий абстрактный труд совершается не только в голове, но и в реальной истории, и продукт этой истории «фиксируется» не только в термине, слове, но и в такой реальной «вещи», как деньги. Что же еще включает в себе абстрагирование, как не отбрасывание, погашение, нейтрализацию всего особенного и индивидуального? Различие субъективного и объективного, стало быть, в данном случае относится лишь к форме процесса, а не к его содержанию. Поэтому-то и думается, что термин «абстрактный» в применении к труду точен и не нуждается в ограничениях.

Но разве задачи абстрактного мышления и функции абстракции, понятия одни и те же в тех случаях, когда мышление соединяет объективно разделенное и разъединяет объективно неделимое, и в тех, когда оно обнаруживает и фиксирует в понятии абстрактные характеристики объектов самих по себе? Разве в этих случаях не должны различаться и собственно логические приемы и процедуры? Нам думается, что произвольная, формальная абстракция не может служить образцом, общей моделью для диалектического мышления. Ведь в первом случае абстрактное остается лишь характеристикой мысли, ее отношения к объекту, а во втором оно — именно конкретная характеристика самого объекта. В первом случае мышление застревает «на уровне» абстракции, одинаково приложимой ко всем случаям и эпохам, вследствие чего для него, как говорится, все кошки серы. А во втором, получая «онтологический статус», оно обнажает, не покидая почвы абстракции, конкретно-историческую сущность явлений. Речь здесь идет именно о том, что происходит «на деле», а факты—вещь упрямая:

«даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»¹³⁹.

«В такой же мере!» Стало быть, есть общий закон, регулирующий взаимоотношение между абстрактным и конкретным и в реальности и в голове, движение от простого к сложному, от элементарного к развитому, к единству разнообразного. «Раздвоение единого» — суть этого движения. Прослеживание его в реальности и составляет «ядро» диалектического метода. Разумеется, такое прослеживание — не фотографическое воспроизведение реальных процессов. Оно предполагает анализ, выявление

¹³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

элементарной конкретности, соотнесение простых и развитых форм (генетической связи явлений), применение «силы абстракции». Но применение разумное, такое, при котором исследователь на каждом этапе задает себе вопрос о реальном, объективном смысле той или иной операции. И здесь нам уже не поможет разделение конкретно-научного и «общефилософского» уровней. Ведь открытие двойственного характера заключенного в товарах труда, «субстанции стоимости», тайны денег и капитала было связано с применением к конкретной экономической реальности категории, которой ранее оперировали лишь гносеология, логика и психология, — категории абстрактного.

Авторы книги трактуют абстрактное лишь как мысленное разделение «моментов», которые не разделены в действительности и удерживаются в своей отделенности силой воображения, инерцией слова. Но ведь в реальном процессе «раздвоения единого» мы так же часто имеем дело с реальным превращением «мимолетного момента», лишь мыслимого в своей отделенности, в реальный и «жесткий» элемент структуры объекта, в звено его системы. Разве в ходе развития формы стоимости не происходит превращение эквивалентной формы как мимолетного состояния товара в элемент структурной разделенности, во всеобщий эквивалент (деньги), реально противостоящий товарному миру? Так что же это — процесс превращения абстрактного «в общефилософском смысле» в абстрактное («сепарированное») в смысле политэкономическом?

Нельзя не согласиться с авторами в том, что мыслящая голова постигает мир единственно доступным ей способом — с помощью абстрагирования и обобщения. Но вся диалектическая трудность заключается в том, чтобы понять, как абстрактное по своей природе мышление постигает конкретную по своей природе истину.

Говорят, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному есть только воспроизведение действительного процесса, а не сам действительный процесс становления конкретного. Да, это так. Это так же верно, как прав Маркс, когда он видит разницу между своим и гегелевским методом именно в том, что для Гегеля это процесс становления самого конкретного, а для него — только способ усвоения конкретного. Но как может процесс восхождения от абстрактного к конкретному *воспроизводить* действительный процесс, если в действительном процессе ничто не соответствует нашим сначала абстрактным, а затем конкретным представлениям? Если абстрактное только в голове, значит, я развиваю конкретное из головы. Почему развитое *из головы* конкретное соответствует действительной конкретности? Это

становится необъяснимым и непонятным. Не говоря уже о том, что именно такое представление ближе к гегелевскому, чем к марксовскому.

Различие между гегелевским и марксовским пониманием восхождения от абстрактного к конкретному состоит в том, что у Гегеля развитие действительности соответствует движению мышления от абстрактного к конкретному, у Маркса же, наоборот, движение мышления от абстрактного к конкретному соответствует развитию самой действительности. Но они оба дружно выступают против кантовской «двойной бухгалтерии», возводящей китайскую стену между «вещью-в-себе» и «вещью-для-нас». Авторы справедливо критикуют Канта за то, что у него системно только мышление. Они вообще выступают против субъективистского толкования системности, к чему часто склоняется теория систем.

Что касается проблемы системности, то здесь прежде всего надо согласиться с авторами, что недостатком некоторых марксистских исследований недавнего прошлого было смешение теории систем и марксистской философии. Различие между тем и другим не проводилось. Имело место безотчетное заимствование понятий и методов теории систем.

Проблема эта непроста и имеет уже весьма солидную биографию. Авторы книги не ищут «золотой середины», свою позицию они формулируют решительно и отстаивают последовательно. Привлекает и их решительный протест против «гибридных» понятий, соединяющих философские представления о системе и целостности с абстрактным математическим «конструктом». Наиболее привлекательно в книге — четкое, последовательное сопоставление различных подходов диалектики и теории систем. Это сопоставление заключается в том, что для марксизма целостность всегда конкретно-исторична, для теории же систем она всегда абстрактна, формальна. Столь же четок и анализ различий между понятием «элемент» (в теории систем) и понятием «момент» (в диалектике). Математическое представление о системе предполагает известную самостоятельность, обособленность ее элементов, их «атомарность»; диалектическое же представление о целом исходит из идеи «раздвоения единого», функционального обособления «моментов» целого, диалектических переходов противоположностей друг в друга, из гибкости, текучести понятий, из противоречия как «ядра» целостности.

В этой связи представляет несомненный не только теоретический, но и просто познавательный интерес «расследование» истории понятия системы в античной и особенно в средневековой философии, в аверроизме, томизме и др.

Системные исследования не имеют для наших авторов самодовлеющего значения. Главную философскую потребность времени они видят в разработке идеи *социальной диалектики*, в необходимости разрабатывать диалектику именно *конкретно-исторически*, сообщая ей способность выражать в своих понятиях специфику развития социализма, своеобразие закономерностей его совершенствования. Здесь-то и возникает вопрос об отношении всеобщих, универсальных принципов и категорий диалектики как философской науки к конкретным проблемам и задачам нынешней полосы исторического процесса совершенствования социалистического общества. Если выразить существо вынесенного на обложку книги «спора о понятиях» с помощью давно уже вошедших в обиход философии представлений, то можно было бы сказать так: вопрос не в том, обладает ли нынешняя полоса исторического развития социализма своеобразием, а в том, «как его выразить в логике понятий» (Ленин). Но это и есть классическая постановка вопроса о диалектике как философской науке. Актуальность такой постановки вопроса несомненна. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии с ней связывается научное понимание творческого марксизма-ленинизма не как застывшей схемы, годной для всех случаев жизни, а как руководства к действию именно в *особой* исторической ситуации.

Авторы дают конструктивный ответ на данный вопрос. Смысл его вкратце сводится к следующему.

Во-первых, конкретно-исторические проблемы диалектики развития социалистического общества невозможно исследовать, не обращаясь к универсальным философским понятиям, следовательно, к классическому философскому наследию, в том числе к диалектике Гегеля. Советскому читателю отрадно видеть, что философы ГДР трудятся над реализацией ленинского призыва материалистически перерабатывать философию Гегеля, привлекая к ней внимание общественности, воспитывая вкус к «искусству оперирования понятиями» (Энгельс), создавая нечто вроде того, что Ленин называл обществом «материалистических друзей гегелевской диалектики».

Во-вторых, авторы исходят из того, что нет и не может быть абстрактной, внеисторической диалектики, диалектики как таковой. Всеобщие определения диалектики необходимо исследовать лишь в связи с конкретным содержанием истории. А потому каждое поколение должно заново разрабатывать в новых исторических условиях и перед лицом собственных задач созданный на протяжении истории философии и унаследованный инструментарий общих категорий диалектики. Социализм, пишут они, развивается на собственной основе, и «его развитию присуща собственная, лишь ему свойственная диалектика» (с. 5). Неудовлетворительность современного уровня обсуждения, разработки и применения диалектики

авторы видят именно в «несостыкованности» осмысления ее общих и особенных проблем. С этим нельзя не согласиться.

В-третьих, разработку проблем свойственной социализму диалектики авторы мыслят не как элементарную «конкретизацию» общих понятий с помощью иллюстрирования их «суммой примеров». Конкретизацию они мыслят как перестройку системы понятий диалектики, при которой одни ее категории отходят на второй план, другие выходят на первый.

Размышляя о теории диалектики как некоторой системе ее общих понятий, категорий, авторы отправляются от гегелевской идеи членения всего содержания диалектики (как логики) на три качественно отличающиеся части: учение о бытии, учение о сущности и учение о понятии (чему соответствуют и три тома гегелевской «Науки логики»). Из этой «триады» авторы рассматривают применительно к задаче разработки диалектики социализма первые два круга понятий: бытие и сущность. Известно, что в круге понятий «бытия» (бытие, качество, количество, мера) мы имеем дело (согласно гегелевской трактовке) с переходом от одного к другому («иному»), следовательно, с такого рода историческими процессами, когда одно качественно определенное состояние общества (способ производства, формация) сменяется другим. Категории первого круга (речь идет, разумеется, не о гегелевском, а о диалектико-материалистическом понимании) наиболее применимы поэтому к процессам революционной смены капитализма социализмом, к становлению социализма. На первом плане здесь оказываются вопросы, связанные с отношением социализма к предшествующим ему формам общественной жизни, с борьбой социалистического и капиталистического укладов и т. п. Категории второго круга наиболее применимы к этапу развития социализма на своей собственной основе, когда на первый план выходят уже его отношения «к самому себе», а не к «иному», к своей собственной коллективной основе, к своей сущности, взаимоотношения различных сфер общественной жизни индивида и общества, общественного бытия и сознания и т. п.

«Сердцевину» диалектики социализма составляет, по мысли авторов книги, диалектика таких категорий, как целое, сущность, противоречие. Анализ этих понятий посвящено главное содержание книги.

Не будем анализировать содержание каждого ее раздела: это потребовало бы пространного изложения и еще более пространного комментирования изложенного. Читатель все видел сам, потому что, во-первых, авторы сознательно ориентируются на такое изложение диалектики и по форме и по существу, при котором она могла бы рассматриваться как «диалектика для всех», как решающий фактор формирования мировоззрения членов

социалистического общества, борьбы с буржуазной идеологией, чуждыми социализму ценностями и нормами поведения, коммунистического воспитания личности. Во-вторых, потому, что весьма сложные вопросы изложены доступно, логика книги прозрачна, аргументация убедительна.

Мысль авторов об актуализации категорий целого, сущности, противоречия, дающих возможность отобразить своеобразие диалектики совершенствования социализма, нам представляется обоснованной, заслуживающей обсуждения.

Весьма актуальным представляется различение авторами книги категории сущности и существования и соответственно — противоречий сущности и существования. Первая группа противоречий связана с природой социализма, следовательно, с взаимоотношением элементов (лучше, как и говорят авторы, — «моментов») его целостности. Эти противоречия обеспечивают саморазвитие социальной системы, понятое как ее самодвижение. Они и представляют собой источник этого самодвижения. Вторая группа связана с отношением социализма к предшествующим ему общественным, социально-экономическим формам, к формам для него внешним, чуждым и даже враждебным. Тут есть свои проблемы. Авторы дают здесь весьма тонкую квалификацию противоречий социализма (и в сфере экономики, и в сфере социально-политических отношений, и в сфере общественного сознания и сознания индивидуального). Историческое развитие социализма в этом свете предстает как **смена диалектики существования диалектикой сущности**. Такая смена трактуется как общий закон развития, применимый не только к социализму.

В данной связи можно было бы заметить только одно: различение сущности и существования следовало бы все же проводить не столь жестко, учитывая известную его условность. Сущность сама есть процесс, к анализу ее и свойственных ей противоречий следует также подходить исторически. Совершенствование социалистического общества авторы рассматривают как задачу овладения сущностью, «внутренним опосредованием», внутренними противоречиями социализма (разумеется, при этом не следует упускать из вида и внешних факторов — угрозу империализма, мировую экономическую ситуацию и т. п.). Но ведь сущность имеет и собственную «внешность», она способна приобретать «превращенные формы». Данное обстоятельство в книге учитывается недостаточно.

Недостаточно учтены в книге, как нам думается, и некоторые положения, связанные с обсуждением очень важных вопросов о смысле и цели человеческого существования и истории.

Да, смысл истории, человеческой жизни — важные вещи. Но именно потому, что это важные вещи, обсуждать их целесообразно на серьезной методологической основе.

«Смысл» системных представлений Н. Лумана и ему подобных, о которых говорится в книге, в том, чтобы оправдать «бессмыслицу» общественных систем и структур, которые в классовом, особенно в буржуазном обществе действительно принимают бессмысленный, бесцельный, безличный, бездушный и формальный характер. Вернее, они не бессмысленны: смысл их в том, чтобы подавлять и выхолащивать всякие человеческие смыслы, всякое человеческое содержание, оставив их только на долю так называемой частной жизни граждан. Но граждане, в том числе и граждане ФРГ, все-таки не хотят жить одной только частной жизнью, они выходят на улицы своих городов, они выступают за мир, против гонки вооружений, против возрождения нацизма и милитаризма, за гражданские права, против запретов на профессии и т. д. И этим они утверждают, что общественная жизнь должна иметь цель и смысл.

А имеет ли цель и смысл социализм? Если нет, то к чему все невероятные усилия, все жертвы, принесенные во имя его победы?

Трактовка исторического процесса как бесцельного и бессмысленного, предупреждают авторы книги, возможно, ошеломит читателя. Для марксиста это действительно взгляд непривычный. Но современного читателя трудно чем-нибудь «ошеломить». А если говорить о полнейшей бессмыслице человеческого существования, человеческой истории, то эта идея не нова. Пессимисты всех времен и народов, начиная с библейского Екклезиаста, повторявшего: «Все суета сует», и кончая современными последователями Шопенгауэра и Шпенглера, именно ее и защищали. Но не будем увлекаться историческими параллелями. Зададимся только одним вопросом: как может иметь для меня смысл мое отдельное существование, если существование целого бессмысленно? Ничто великое не совершалось без страсти, отмечал Гегель. Он видел смысл личной страсти в том, что ею пользуется мировой дух для осуществления своих собственных целей. Здесь проявляется его «хитрость». Разумеется, в этих представлениях мы имеем дело со специфическим гегельянством. Но марксизм не отвергает диалектики объективного и субъективного в истории, перехода одного в другое. Другое дело, что цель ее он видит в ином — не в абстрактном прогрессе в сознании свободы, а в свободном развитии каждого. И идея исторического прогресса как прогресса в сознании свободы не отбрасывается марксизмом. Иначе как истолковать слова Энгельса о социализме как скачке из царства необходимости в царство свободы. «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым

должна сообразоваться действительность, — писали Маркс и Энгельс. — Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹⁴⁰. Коммунизм, согласно Марксу и Энгельсу, вырастает из противоречий буржуазного общества, из свойственного ему капиталистического способа производства. В этом его историческая необходимость: другого способа разрешения антагонизмов, свойственных буржуазному обществу, история не знает. Но в этом как раз и состоит смысл коммунизма, его историческая миссия. Молодой Маркс не зря писал, что коммунизм — «решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»¹⁴¹.

История — это движение не в никуда. Она имеет свое направление. Направление это не задано заранее, но оно не является также простой результирующей, полученной за счет механического суммирования направлений деятельности отдельных индивидов. Индивиды действуют по-разному, более или менее осмысленно. Степень осмысленности и сознательности действий отдельных индивидов прямо пропорционально зависит от степени осознания ими смысла происходящих общественных событий. Если общественные события сами по себе не обладают смыслом, то непонятно, откуда черпают смысл своей деятельности и своей жизни отдельные индивиды. Тогда мы не избежим кантианского субъективизма, кантиански истолкованных «ценностей».

Природе нет дела до человека с его заботами и «смыслами», заявляют авторы книги. И человеческая деятельность ничего не изменяет в биографии мира (с. 232). А что, если человек возьмет да и взорвет «шарик», на котором обитает? Разве это не будет факт в биографии мира? И разве человек не часть мира? Разве он не «микрокосм», отражающий в себе весь бесконечный космос? И разве то, что происходит с ним, не происходит с миром?

На самом же деле, говорят авторы, ни наша планетная система, ни галактика, ни бесконечная Вселенная не «запрограммированы» на жизнь и человека. Жизнь и человеческое существование, если соотносить их с мировым целым, возникли из случайных констелляций, они не служат «высшим целям» (с. 183).

«Высшие цели» — это одно, а закономерное и необходимое возникновение жизни и человека — другое. И Энгельс, например, судил об этом иначе. «Неуничтожимость движения, — писал он, — надо понимать не только в количественном, но и в качественном смысле»¹⁴². Иначе говоря, каждая из

¹⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т., т. 2 с. 33.

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, С. 116.

¹⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 360.

основных пяти форм движения, включая и социальную (почему мы должны делать для нее исключение, непонятно), не может быть утрачена вообще. И «у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹⁴³.

Однако сегодня не природа, а сам человек поставил себя на грань самоуничтожения. Не «железная необходимость», а корысть и безответственность, узость и косность политического мышления создают угрозу ядерной катастрофы. И потому вопрос о том, быть или не быть человечеству, самой жизни на Земле — коренной вопрос мировоззрения, всей системы нашего понимания мира и места человека в нем. Мировое целое действительно не служит «высшим целям». Но высшим целям служит человек, ответственный и перед собой, и перед прошлым и будущим человечества, и, если угодно, перед Вселенной, если он действительно ее «высший цвет», если его **понятия** соответствуют его нынешнему положению в мире.

Говоря в заключение о достоинствах прочитанной книги, нельзя не видеть того, что они коренятся в диалектике, то есть в том, что авторы подходят к проблемам, которые они анализируют и решают, с позиций материалистической диалектики, хотя, как мы видим, не везде и не всегда проводя эту точку зрения. Думается, что именно такой мерой надо мерить содержание книги. Тем более что сами авторы совершенно определенно заявляют: при социализме «диалектика имеет отношение к каждому сознательному гражданину» (с. 16).

¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 363.

Содержание

I. О месте диалектики в современных дискуссиях 3

Целостность — противоречие — мировоззрение — индивид 14

II. Социализм и противоречие 29

Противоречия существования и противоречия сущности 31

Соответствие и противоречие между производительными силами и производственными отношениями 36

Преимущества социализма 42

Противоречие между социальным равенством-и социальным неравенством 48

Противоречия между общественным бытием и общественным сознанием 54

Движущая сила сознательности 56

III. О диалектике сущности и существования 64

К понятию существования 68

Диалектики существования 72

Диалектика сущности 76

Нераздельность сущности и существования 83

«Само-себя-полагающее» и «внутри-себя-живущее» 89

IV. Понятие целостности и социальный анализ 98

Действительность стремится к понятию — Теоретический и методологический потенциал понятия целостности 104

О первичном и вторичном 111

Целое вместе со своим становлением 115

Как возникает новое? 119

Целостность как стадия зрелости 122

Целостность как развитая индивидуальность 129

V. Дискуссии о философской концепции системы 133

VI. «Смысл» истории, «смысл» человеческого существования 172

Предварительные вопросы относительно «смысла» — Случайно ли возникло человечество? 179

Есть ли смысл в историческом развитии? 188

Необходимость поступательного движения к антагонистическим обществам 198

Являются ли общества упорядоченными в смысловом отношении комплексами? 214

Исторический прогресс — объективная тенденция и субъективное осуществление 222

О «смысле» индивидуального существования 232

Социализм — закономерная перспектива человечества 243

Спор не окончен (Послесловие) 265

Моника Леске, Гётц Редлов, Готфрид Штилер

ПОЧЕМУ ИМЕЕТ СМЫСЛ СПОРИТЬ О ПОНЯТИЯХ